

[Polaris]

А. ИРКУТОВ
В. ВЕРЕВКИН

А. А. А. Е.

Роман приключений

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХХХVIII

Salamandra P.V.V.

**Андрей ИРКУТОВ
Владимир ВЕРЕВКИН**

А.А.А.Е.

Роман приключений

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг. Том XXIV-A

Salamandra P.V.V.

Иркутов (Каррик) А. Д., Веревкин В. В.

А.А.А.Е.: Роман приключений. Том I (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XXIV-A). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. – 152 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXXXVIII).

Молодые герои и героини написанного в коминтерновско-агитационном духе романа советских писателей А. Иркутова и В. Веревкина «А. А. А. Е.» мечутся по странам и континентам, переживают невероятные приключения, попадают то в азиатские гаремы, то в африканские джунгли – и повсюду устраивают революции. «Роман приключений» «А. А. А. Е.» был впервые издан в 1924 г. и переиздается впервые.

© Authors, estate, 2018

© Salamandra P.V.V., подг. текста, оформление, 2018

АНДРЕЙ. ИРКУТОВ

ВЛАДИМИР ВЕРЕВКИН

А. А. А. Е.

РОМАН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗДАНИЕ „МОСПОЛИГРАФ“

1924

А. А. А. Е.

Роман приключений

Том I

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой завязывается первый узел

I

- Ура!
- Еще раз.
- Ура!
- Еще раз.
- Ура!
- Качать Виктора!
- Тише, черти! Ребра сломаете.
- Ура! Ура! Ура!

Ух! Чуть не до самого потолка. Руки молодые, сильные. Подбросят, так держись. Знал комсомол, кого дать во флот. Таких молодцов отобрал, что любо. Один к одному. Здоровые! Крепкие! Стройные!

Взлетает Виктор кверху. Смеется.

— А ну, повыше!

И повыше неплохо. Фу ты! Даже сердце замирает. Привыкай, Виктор. А если на мачте, да в бурю?

Крепко комсомольское сердце. Руки качавших устали. А сердце не устало.

— Ну, будет с тебя!

Опустили на землю. Тесным кольцом обступили. Радостно смеются, улыбаются молодые задорные лица.

— Так через неделю, говоришь?

— Через неделю.

И опять:

— Ура!

Читатели народ нетерпеливый. Им нужно знать: а что, а почему, а зачем? Вот и сейчас. Наверно, уже не терпится.

— А почему ура кричат?

— А зачем качают?

— А кого?

Надо объяснить, ничего не поделаешь.

Ура кричат потому, что судно «Товарищ» через неделю уходит в кругосветное плавание.

Качают, конечно, не затем, чтобы печенки вытрясти, а затем, чтобы выразить свое удовольствие тому, кто эту новость сообщил.

Качают товарища Виктора, молодого штурмана.

Удовлетворены? Ну, так отправимся дальше...

II

...самое лучшее, по Неве, пароходом.

Когда крикнут:

— Морской канал.

Тогда вылезать надо.

Сразу удивитесь. На Неве судов много, а здесь еще больше. На Неве суда большие, а здесь огромные. Все, что не может влезть в Неву, влезает в морской канал.

Грязные закопченные купцы глотают ненасытными глотками тысячи тонн груза. Чистые, еще мокрые от недавнего мытья пассажирские пароходы любезно подставляют ладони своих сходней под ноги людей иностранного вида. Угрюмо смотрят куда-то вдаль, покрытые чехлами, орудия военных судов.

На берегу суетня и крики. Скрип гигантских подъемных Кранов. Говор сотен людей на сотнях наречий.

Достаточно грязно. С непривычки и грязь, и груды тюков и ящиков мешают найти дорогу. Да и различить нужное вам судно среди массы похожих друг на друга кораблей не так-то легко.

Но сегодня ведь вы ищете совсем особое судно. Вы ищете судно «Товарищ», на котором юные моряки отправляются в свое первое кругосветное плавание.

Его вы найдете сразу. Вон там, где собралась толпа. Где реют красные флаги. Где гремит музыка.

Вам покажется, что здесь собрался весь Ленинград. И вы не ошибетесь.

Кроме Ленинграда, есть тут и представители других городов. В проводках судна «Товарищ» принимают участие многие районы республики.

III

Виктор волнуется.

Виктор должен произнести ответную речь. Он внимательно вслушивается в слова ораторов. Сколько теплоты, сколько любви! Вот этот старый рабочий. У него есть сын на этом судне. Но он думает не только о своем сыне. Он думает о всех. Он всех называет:

— Сынки наши! Молодцы наши!

Молодцы волнуются не меньше Виктора. Сердца, как птицы, бьются под матросскими фуфайками.

Шутка сказать. На судне, идущем под красным флагом, объехать вокруг света. Промелькнуть красной птицей мимо твердынь злейших врагов России. Заронить надежду в сердца миллионов колониальных рабов. Почувствовать братское пожатие пролетариев всего мира.

И, кроме того, увидеть невиданные страны. Подставить молодое тело палящим лучам тропического солнца. Перекинуться шуткой с зубастой акулой. Сорвать спелые бананы в садах Индии. Подразнить обезьян в лесах Борнео. Улыбнуться священному крокодилу в бассейнах храма Вишну.

Мало этого?

Как тут не волноваться?

Отзвучали последние слова. Виктор, готовивший часовую речь, едва выдавил:

— Прощайте, товарищи... обещаем... мы... одним словом... мы, комсомольцы.

И не надо больше: все поняли то, что осталось недоговоренным; каких еще слов надо, когда все вот в этих двух, простых и ярких:

— Мы, комсомольцы!

Давай, капитан, команду! Отчаливай, судно! Уплывай, родной берег! Мы, комсомольцы, всегда найдем дорогу назад.

— Ура!

IV

— Ребята! Никак Фоксик!

— Да что ты?

— Ей-ей. Смотри, смотри!

— Так и есть, Фоксик!

Под ногами столпившихся на берегу провожатых заметался песик. Маленький, черно-белый, с обрубленным хвостиком и настороженными ушами. Присел на минуту. Покрутил мордочкой. Потянул носом. И... решительно прыгнул в воду.

Его забыли! Маленькое собачье сердце не могло снести этой обиды. Его забыли.

Разве он не был любимцем всех? Разве он не научился танцевать на задних лапах? Разве не умел он прямо с земли прыгать на плечо Виктора? Разве не делал он свое собачье дело со всем пылом своей собачьей юности?

И вот, его забыли!

Лучше утопиться, чем снести такую обиду. А какая холодная вода!

- Товарищ капитан!
- Ну?
- Прикажите спустить шлюпку.
- В чем дело?
- Там, за бортом.
- Человек?
- Фоксик, товарищ капитан!

Шлюпка через секунду была на воде. Гребли на славу, хвастая своим искусством перед наблюдавшими с берега провожатыми.

Раз-два! Раз-два!

Четко опускались весла на тихую поверхность канала и белыми чайками взмывали кверху.

— Де-ержись, Фоо-оксик.

Фоксик держался. Он яростно работал лапами, фыркал, крутил головой, но плыл, плыл вперед. Расстояние между ним и шлюпкой все уменьшалось.

— Ребята! Доплывет или нет?

— Доплывет.

— Он словно уставать стал?

— И то, устает.

— Навались-ка дружнее!

И в ту самую минуту, когда бедный пес, выбившись из сил, приготовился раз навсегда нырнуть под воду, чья-то рука схватила его за шиворот, подняла на воздух и опустила на теплые сухие колени. На берегу прогремело «ура» в честь этого первого подвига моряков.

К вечеру миновали Кронштадт. Прodelали весь полагающийся отходящему судну ритуал и, рассекая волны Финского залива, двинулись вперед, твердо зная, что там, впереди — море.

Правда, море — Балтийское, серое, тяжело-свинцовое, мало сулящее радости и удовольствий тому, кто доверится его хмурым волнам.

Но, все-таки, море!

Свободный от работы Виктор стоял, держась руками за перила борта. Слегка покачивало и набегавший ветер обещал свежую ночь. На горизонте медленно садился на волны огромный огненный шар. Залюбовавшись картиной заката, Виктор не заметил, как бегавший по незнакомой ему палубе Фокс вспрыгнул на плечо своего друга.

— Это ты, Фоксик? — улыбнулся Виктор.

Фокс, как бы отвечая, махнул куцым хвостом и лизнул Виктора теплым шершавым языком.

Если читатель хочет узнать, как выглядит Виктор, то сейчас самый подходящий для этого момент.

Первый и последний раз Виктор стоит спокойно, ничего не делая. В дальнейшем, волею авторов, он на всем протяжении романа будет двигаться, суетиться, лазать, бегать, плавать, прыгать и т. д. В этом непрерывном движении вы не сумеете определить, какого он роста, не сможете уловить цвета его глаз. Делайте это сейчас, пока не поздно.

Рост — 6 футов, 2 с половиной дюйма.

Вес — 3 пуда 15 фунтов.

Волосы — каштановые.

Глаза—карие.

Черты лица правильные.

Чуть заметная родинка на левой щеке.

Имя — Виктор. Фамилия... а, впрочем, так мы до вечера не кончим. Какое вам дело до его фамилии? Просто:

Товарищ Виктор.

Несколько минут Виктор стоял, глядя назад, туда, где едва заметной полоской маячили очертания Кронштадта. Потом поправил матросскую бескозырку, глубоко вдохнул соленый влажный воздух и, повернувшись на носках, впился глазами в беспредельный горизонт.

Здравствуй, море!

VI

— Пора, Женя!

— Ах, Верка, да отстань ты!

— Говорю, пора! Все давно ушли. Скоро последний паром.

— Ах, да не лезь!

Девушка в красном платочке, из-под которого выбивались пряди золотистых волос, отмахнулась от назойливой подруги.

— Хоть куртку-то застегни, — не отставала та. — Холодно!

С моря тянуло пронизывающей сыростью.

— Ладно, застегнула уже.

И Женя сердито запахнула кожаную куртку. На левой стороне груди сверкнул в лучах заходящего солнца портрет Ильича. Лучи солнца окрасили его красным.

— И что сидеть? — не унималась другая. — И знакомых-то никого у тебя нет на «Товарище». А ты...

— Не понимаешь ты ничего, Верка.

Девушка с портретом Ильича на груди встала.

— Не понимаешь! Уехали они! У-е-ха-ли. Что это значит?

— Значит, что уехали.

— Это значит, что они увидят новые земли, новые моря, новые страны, солнце новое. Весь мир увидят! Эх, счастливые: завидую я им. Вот как завидую!

— А все-таки холодно. Дождь будет.

— Ну идем, идем! Ладно.

И две подруги, пробираясь меж грудками ящиков и тюков, пошли по направлению к городу.

VII

Жене двадцать два года.

Ее прошлое? В обязанности романиста двадцатого века не входит подробное описание прошлого героев. Но на прошлом Жени нам придется немного остановиться.

Детство в знойных туркестанских степях на афганской границе. Отец — американский рабочий, социалист. Из Америки вынужден был бежать. Последней станцией его бегства оказались оросительные работы в Туркестане. На этой последней станции встретила его женщина со смуглым лицом и черными глазами. От него и этой женщины родилась Женья.

Мать передала ей знание местного наречия и местного быта. Отец подарил ей безукоризненный английский язык и реальные представления об Америке.

Плюс к этому: глубокая любовь к угнетенным народам востока от матери, и ненависть к жирным буржуа — от отца.

Девушка с такими данными не могла остаться в стороне от великого ноябрьского шквала, не могла не принять участия в борьбе, не могла не пойти под знаменем КИМ'а, не могла не поступить в ВУЗ, когда гром боев сменился тишиной передышки.

Что эта передышка временная, Женья, конечно, знала. Но что конец этой передышки для нее пройдет так внезапно, она не думала.

Заполняя свою анкету и вписывая в графу:

«На каких языках, кроме русского, вы говорите?»

ответ:

«На английском и на фарсидских наречиях» —

Женья не предполагала, что этот ответ решает ее судьбу.

VIII

Товарищ Арахан получил новое назначение. Сегодня, с поездом 10.40, он должен выехать по месту своей службы.

Быть полпредом в Афганистане — это далеко не синекура. Отдыхать там вряд ли придется. Афганистан — большая мозоль на пальцах многих лордов. Каждый шаг Со-

ветской России в Афганистане берется этими господами на учет.

Промахиваться здесь не рекомендуется.

Вот почему в штате полпреда работники должны быть отборные. И самым отборным среди всех должен быть секретарь.

Товарищ Арахан мечется по комнате. Он путается между двумя чемоданами и никак не может вспомнить, положил ли он проклятые крахмальные воротнички, столь необходимые каждому полпреду, или не положил?

Товарищ Арахан волнуется.

Дело в том, что старый, опытный секретарь афганского полпредства захворал. Захворал совершенно неожиданно и очень тяжело.

Врачи но сказали ничего определенного. Может быть, он поправится и через несколько дней сможет последовать за Араханом.

Может быть...

Во всяком случае, сегодня вечером ожидают кризиса.

Арахан то и дело поглядывает на часы. Еще не поздно. Поезд отходит через два часа. За два. часа человек может и умереть, и поправиться. Надо позвонить в больницу.

Товарищ Арахан подходит к телефону. Нервным движением снимает трубку, нетерпеливо стучит рычажком.

— Алло! Алло! Центральная?

— 17-28, — тянет голос с другой стороны проволоки.

— Дайте 42-75!

— Позвонила.

IX

Товарищ Павлов открыл глаза. У его постели стояли двое мужчин и одна женщина — все в белом.

Товарищ Павлов силился что-то вспомнить. Сдвинул тонкие брови. Пожевал губами. Попробовал пошевелить рукой.

Нет! Вспомнить он ничего не может. Позади какая-то пустота.. Какой-то черный провал, без конца, без начала. Впрочем... постойте!

— Какое сегодня число?

— Пятое! Вам нельзя говорить.

Пятое. Пятое. Брови сжимаются сильней. От страшного напряжения на лбу выступает пот. Крупными каплями скатывается по щекам.

Пятое — сегодня.

— Я должен ехать... я...

— Вы никуда не поедете, дорогой. Вам еще нельзя вставать. Вы никуда не поедете.

Товарищ Павлов удивлен. Ему нужно ехать. Он коммунист и ему дали наряд. В таких случаях не существует слово «нельзя». Какое право имеет этот человек в белом вмешиваться в его партийные дела?

Товарищ Павлов сейчас встанет, оденется и выйдет из комнаты.

Еще крупнее капли проступившего пота. Еще напряженнее излом бровей. Нет! Товарищ Павлов не может встать. Он даже пошевелиться не может. Он...

Опять темнота! Бездонная. Бесконечная.

Человек в белом наклоняется и щупает пульс товарища Павлова.

— Ну? — спрашивает другой.

— Плохо! Без камфары не обойтись.

В коридоре тревожно заболтал что-то звонок телефона.

— Сестра, подойдите, — сказал один из врачей.

Х

Телефонная проволока протянулась через весь город.

С одной стороны взволнованное лицо Арахана, с другой — спокойное лицо ко всему привыкшей сестры.

— Алло! Больница слушает.

— Говорит Арахан. Как больной?

— Боюсь, что безнадежно.
— Он не сможет поехать?
— Он вряд ли вообще встанет, товарищ.
— Послушайте, может быть?
— Надо рассчитывать на худшее.
— Может быть, через неделю?
— Даже в случае выздоровления нужен длительный отдых. И...

Арахан уже не слушает дальше. Арахан дал отбой. Арахан снова снимает трубку. Снова нервно стучит в рычажок.

— Алло! Алло! Центральная?

— 17-45.

— Дайте ЦКРКП.

— ЦК Партии?

— Да, да!

Слышно, как пробуют один за другим провода. Неужели сейчас стереотипное:

— Заняты все провода.

— Нет!

— Позвонила.

— Спасибо! Это коммутатор ЦК?

— Да.

— Дайте Учраспред, Учраспред!

Товарищу Арахану обещали ждать его звонка до десяти часов.

— Учраспред слушает.

— Говорит Арахан. Товарищ Павлов...

Учраспред с полслова понимает, в чем дело.

— Хорошо, все будет сделано!

XI

Человек говоривший с товарищем Араханом из Учраспреда, повесил трубку и быстро подошел к большому шкафу. Там в картонных ящиках лежали учетные карточки членов партии.

Привычным жестом он выдвинул нужный ящик, быстро вынул одну из карточек и почти мгновенно, но внимательно пробежал ее.

Да, да!

«— С какими местностями вы лучше всего знакомы?

— С Туркестаном и Афганистаном.

— На каких языках, кроме русского, вы говорите?

— На английском и фарсидских наречиях».

На звонок из соседней комнаты вышел человек.

— Вот этому товарищу выпишете командировку, вместо Павлова.

— Хорошо!

— И срочно сами отправитесь к товарищу на дом.

— Да!

— Если застанете дома, то сейчас же отвезете на квартиру к Арахану.

Человек из соседней комнаты поворачивается, чтобы уйти.

— Одну минутку! На всякий случай, вместе с товарищем, захватите и его чемоданы. Если успеет, пусть едет с Араханом сегодня же.

И, взглянув на часы:

— До поезда час тридцать минут. Постарайтесь успеть!

ХII

Завтра зачет.

Женя сидит у стола, поджав ноги и подперев голову руками.

Завтра зачет.

Утомительная штука эти зачеты. Врачи сказали — бросить всякий умственный труд. Врачи всегда это говорят. Несколько месяцев тому назад Женя, правда, поддалась их уговорам и взяла отпуск. Но уехала не в Крым, как ее уговаривали, а в Ленинград.

Ей, южанке, хотелось увидеть этот северный город, эту столицу красных восстаний.

И сейчас, сквозь строки книги, нет-нет да всплывут эти ровные, как по линейке вычерченные, улицы, эти площади с огромными домами и памятниками, эта река, стальной лентой перерезавшая город. И над всем одно незабываемое, яркое воспоминание — проводы «Товарища».

Женя отрывается от книги. Где-то они сейчас? Где-то эти веселые ребята с их смешным Фоксом?

А впрочем...

«...экономическое строение общества определяется его...»

ХІІІ

У подъезда Ц. К. стучит автомобиль. Из комнаты Учраспреда выскакивает человек с портфелем под мышкой. Стрелой мчится по пустой лестнице. Бомбой вылетает из подъезда. Отрывисто кидает шоферу:

— На Малую Бронную!

Вскакивает в уже дрогнувший автомобиль.

При первом повороте колеса вспыхивают огни фонарей. На повороте резво лает рожок. Какая-то старуха выскакивает из-под самых колес и, бледная от страха, ворчит себе под нос:

— Носятся, черти. Проклятые!

Накрапывает дождь. Сперва редкий, потом хлесткий, проливной. Резкими порывами рвет на поворотах ветер.

Человек в автомобиле поднимает воротник кожаной куртки, ежится и думает:

— А каково сейчас на море?

Через несколько минут автомобиль останавливается у ворот одного из домов на Малой Бронной.

Женя не отрывается от книги. Стакан остывшего чая и ломоть хлеба с маслом нетронутые на краешке стола.

Придется просидеть всю ночь.

Сколько раз давала себе слово работать по НОТ'у и ни в коем случае не засиживаться позже двенадцати.

И как назло, всегда так. В последнюю минуту оказывается, что половина не сделана. Усталость дает себя знать. Некоторые строки приходится перечитывать по два раза. Буквы в словах сливаются в пятна.

«...экономическая конъюнктура данного периода...»

Стоп! Кажется, стучат. Да!

— Войдите!

Человек с портфелем под мышкой вихрем врывается в комнату. Женя не успевает вскочить со стула, как он уже протягивает ей конверт.

На конверте бланк ЦК. Лицо Жени выражает недоумение.

— Это мне?

— Ну конечно, вам!

Женя торопливо разрывает конверт. Знакомая формула: члену РКП такому-то...

Женя несколько мгновений вертит бумажку в руке. В мыслях хаос.

...Арахан... экономическая конъюнктура секретаря... Афганистан данного периода... полпред определяется... Человек с портфелем действует решительно.

— Постарайтесь немедленно. Поезд отходит через час десять минут.

Два раза повторять не надо.

Чемодан Жени до смешного пуст. Укладывая его, она смущенно вертит в руках заплатанную юбку.

Человек с портфелем замечает это.

— Не беспокойтесь. Все будет сделано на месте. О туалетах позаботятся.

О туалетах? Ах, да! Она ведь секретарь полпреда. Приемы, представительство.

Женя улыбается и решительно захлопывает чемодан, в котором, уныло стуча, перекатываются: кусок мыла, закрученный в полотенце, зубная щетка и расческа. Да, вот еще, парочку книг и...

— Вот я и готова!

Она подходит к вешалке и натягивает худенькое осеннее пальто. Человек в кожаной куртке советует ей прихватить дождевик. На дворе...

Неплотно прикрытое окно распахнул порыв ветра. Косой дождь побежал с подоконника на пол.

Ливень.

— Форменный шквал, — сказал человек с портфелем. — Плохо сейчас на море.

На море. Женя вспомнила Ленинград и грязные волны морского канала. Вспомнила смешного Фокса, барахтавшегося в холодной воде. Вспомнила славных парней, уезжавших в кругосветное плавание.

Каково им в такую погоду?

Человек с портфелем и Женя вышли из ворот и сели в поджидавший их автомобиль. Автомобиль рванул, зажег глаза фонарей и ринулся сквозь потоки дождя и порывы ветра.

За пять минут бешеной езды Женя успела привести в порядок свои мысли.

Когда подъехали к дому, где жил Арахан, то чуть не налетели на тормозившую у подъезда машину.

— Это чей? — спросил человек с портфелем.

— Товарищу Арахану, к поезду.

— Вот и отлично! Садитесь туда, товарищ Женя. Успели!

И когда товарищ Арахан выходил из подъезда, человек с портфелем встретил его веселым возгласом:

— Ваш секретарь ждет вас в автомобиле.

«Товарищ» прошел Зунд, Каттегат и благополучно выбрался в Северное море.

В Дувре — митинг в Интернациональном клубе моряков и овации.

В Лондоне — неприятность с синими бобби в Ист-Энде и прогулки по Пикадилли. И наконец, через Ламанш, «Товарищ» вышел в Атлантический.

По этому случаю закатали маленький пир и устроили дружескую потасовку.

Затем, обогнув Пиренейский полуостров, взяли курс на остров Мадеру, с Мадеры на Канарские, с Канарских на Сен-Луи, к Зеленому Мысу, чтобы оттуда дунуть на парусах, через Гвинейский залив, к мысу Доброй Надежды.

Но что поделаешь? В самом интересном месте поймал штормяга.

Как вам понравится гоголь-моголь из экваториального шторма и соли? Не знаю. Едва ли очень. Виктор, державший вахту, насвистывал песенку Джонса и смеялся в лицо ревущему урагану. На лоб с зюйдвестки заплывали капли влаги. Испуганная собачонка дрожала и прижимала свое тельце к мокрым резиновым сапогам Виктора. «Товарищ» трещал.

Спокойнее стоять у стены капитанской рубки и, не обращая внимания ни на что, дремать. Интереснее склонить тело с поручней капитанского мостика вниз и рвать зубами осязаемые мокрые клочья ветра.

Фоксик ежилась и тихо лаял. Даже Виктор не слышал его голоса, а только чувствовал, как теплый, мягкий комочек трется у его ног.

Окончательно «Товарищу» не везло. Огромные волны точно с игрушкой обращались с трехтысячетонным парусником. Никогда еще судно, даже в бытность свою «Лори-станом», не бывало в подобной передраге.

Но молодые штурманята только довольны. Три года сборов в полуторогодичное плавание подготовили ко всевоз-

можным передрягам.

С упругостью теннисных мячей шныряли загорелые румяные комсомольцы между снастями и мачтами.

Виктора еще не сменили и он держал вахту у капитанского мостика. Он здорово продрог и с нетерпением ждал смены. Но отдохнуть ему не пришлось. Его сменили у рубки и послали к штурвалу. В кубриках пусто. Вся команда на палубе. Крепят снасти. Меняют галсы. Повинуется команде капитана. Паруса сматываются, четко работает машинное отделение. Соленые седые жабры волн ластятся к судну.

А внизу, в каюте радиотелеграфиста, тепло, уютно и не чувствуется напряжения и борьбы. Правда, качает совершенно особенным образом. Лихо и бессердечно. Но это вовсе не мотив для разжижения мозгов и сентиментальностей.

Полированная мебель. Чистый пол. Лакированные стены кабинки, задранные люки. Радио-приемник и отправитель блестят медными частями и судорожно выбивают точки и черточки.

На голове радиотехника, — слухачи. Они тоже, как и все в кабинке, хорошо отполированы и аккуратно прилажены к голове.

Единственный контраст в кабинке — сам радиотехник. Взлохмаченная голова и широко раскрытые, полные волнения и жаждой смерти и жизни, страстью к приключениям и молодостью, глаза.

Однако, все остальное, то есть костюм, ботинки, в полном порядке.

Он жадно вслушивается в слухачи. Наконец, улавливает волну звуков.

— О-ля-ля!..

Радиотехник схватывает рупор и бросает в него:

— А—л-л-о! капитан, а—л-л-о!

После ряда обращений, капитан на мостике ответил.

— Капитан, — продолжает радиотехник, — пять румбов на норд-ост. Шхуна пятьсот тонн. Алло! Британский флаг... Алло!..

Капитан бросает в рубку:
— Пять румбов на норд-ост!..
— Есть, капитан!..

Виктор крепит штурвал и глухо бросает в трубку рупора ответ.

У радиотехника колебания волн достигают максимального предела. Волосы лохматятся с каждым новым звуком. Одной рукой он придерживает радиодневник, другой — вписывает сообщения, а сам отрывисто забрасывает рупор и капитана новыми подробностями.

Валька Третьяков — друг Виктора. Виктор у штурвала. Валька на марсе. Он плюется вниз и смеется над бурей. Что ему шторм? Валька орет, сам он уверен, что только мурлыкает, вычитанную им из романа Лондона пиратскую песенку:

Не один десяток трусов
Отражали мы вдвоем...

Но песня песней и пираты пиратами. Внимательный взор Вальки что-то ловит в гангренирующей стихии.

Ракеты. Зеленые и красные. Белые и красные. Зеленые и красные.

— Судно с правого борта!.. — слышит через мгновенье в своей рубке капитан.

Пираты позабыты. Что-то загрохотало и в черной пропасти, озаренная молнией, мелькнула гибнущая, молящая о помощи шхуна.

Капитан сурово сжал поручни своего мостика. Капитан спокойно отдал в рубку приказание:

— Десять румбов на норд-ост!..
У штурвала Виктор опять налегает на колесо:
— Есть, капитан!

Щеки Виктора пылают и он совсем позабыл про забившегося в угол рубки Фоксика. На гребне волны, под блеск молнии, «Товарищ» накренился, выпрямился и нырнул в провал.

Бритое лицо капитана сделалось еще глаже и обтянулось на скулах. Глаза искрились упорством и неисчерпаемой энергией. Он делал резкие шаги по мостику и изредка прикусывал нижнюю губу. Но, в общем, фигура капитана была самой спокойной в эту ночь на экваторе.

И чем крепче затягивался шторм, тем спокойнее становился капитан. В конце он замер, застыл у своей рубки. Руками он держался за поручни. Морской цейс свешивался на его груди ненужной побрякушкой и при резких движениях стучался о поручни.

Непроглядная тьма со всех сторон. Ветер рвал в клочья все и самого себя. Когда громадный шквал подымал на седой гребень «Товарища» и открывал черный провал, а яркий снопок молнии освещал острые и частые, как зубы акулы, камни, то легкий, щекочущий озноб пронизывал нервы и тело.

Капитан слушал, приказывал и гипнотизировал шторм.

«Товарищ» искал. Да, в такую страшную свалку он пробирался по взбесившейся стихии и искал погибавшее судно. Шхуна «Гуд-бай» была где-то рядом. Под боком. Дежурный на марсе то и дело отмечал появление ракет.

Но не шутка пробраться и найти в такую погоду. Очень трудно прийти на помощь. А не прийти — моряк не может. Погибнуть, но предпринять все, что в силах, для спасения погибающего собрата.

Вот совсем близко мелькнули красные и зеленые ракеты. С первой молнией зачернели черные точки шлюпок и людей. Капитан отдал приказание, «Товарищ» повернулся на указанное направление и пошел.

Пожалуй, этот приказ капитана был последним. Море еще раз обнажилось и похвасталось острыми рифов. Пасть щелкнула и закусила щегольским остовом «Товарища».

Впереди мелькнула и безнадежно рывкнула ломающимися снастями шхуна «Гуд-бай». Капитан вынул изо рта трубку и повернулся.

Многих смыло волнами и унесло в океан. Те, которые уцелели, ждали своей очереди. О, они не волновались! Они ждали с замиранием сердца. Вот оно, настоящее приключение!

Виктор запутался в рубке. После толчка о рифы на нее что-то упало и он с трудом пробивал себе дорогу вниз, на палубу.

Капитан говорил, но его никто не слышал. Из машинного отделения наверх карабкалась братва. Вода захлестывала «Товарища» и сверху и снизу.

Когда Виктор, прижимая к себе собачонку, вылез на палубу, то, надо отдать ему справедливость, он сделал это вовремя.

Осталась одна шлюпка и он не замедлил воспользоваться ею. «Товарища» смыло с рифа. Его остов частью распался по волнам, а основным скелетом погружался на дно.

К шлюпкам шхуны «Гуд-бай» прибавились шлюпки «Товарища».

XVII

12-я платформа отправления нового вокзала Рязанско-Казанской жел. дор. Экспресс Москва-Ташкент готов к отправлению.

Туман плотно окутал вечернее небо и сквозь мглистый свет вокзальных платформ, наполненных суетой, свистками, криками, разговорами и руганью, тусклится циферблат часов марки П. Буре. Стрелки показывают 10.35.

К подъезду вокзала стрелой впивается вороненый «Мерседес»-лодочка. Нервными толчками вылетают из кузова желтые в серых чехлах чемоданы, одетые в дорожные костюмы Арахан и Женя и двое серьезных, бритых, в кожаных куртках, с маузерами в деревянных кобурах. Берут вещи и все стремительно бросаются к платформе отправления.

10.40. Часы с маркой П. Буре на циферблате точны, как изделия государственного треста точной механики или,

что то же, не уступают хронометру обсерватории Гринвича.

Паровоз конструкции С-2, возглавляющий скорый Москва-Ташкент, нетерпеливо пыхтит. Наконец, непосредственно за третьим звонком, надрывно вылетает резкий сиреноподобный вой, ударяется о нагофренную крышу платформы, о зубы, об уши и пропадает во мгле вечернего неба.

Волна громохання и лязга пробегает по вагонам и замирает на буфере последнего, особого назначения вагона.

На ступеньках длинного пульмановского вагона секундное пререкание между проводником и людьми в кожанках.

Арахан и Женя отстранили проводника и прошли в вагон. Чемоданы с последними фразами лучших пожеланий влетели за ними, и кожанки, вместе с разношерстной толпой перрона, провожают взглядом красный, расползающийся в мглистом тумане свет буферного фонаря.

Что делают люди на пограничных станциях железной дороги? Лушат семечки. Пишут стихи и зевают. Смертельно скучно, однообразно зевают. На задворках станции дико взъерошенный одинокий подсолнух и целая серия громадных, неудобоваримых репейников, постепенно переходящих границы невинности и наивности и превращающихся в кактусы.

Телеграфист на такой станции — брюзжащий, одутловатый, или вечно пьяный спросонья, или сонный спьяну.

Начальник станции придерживается нормального образа жизни, то есть следует примеру своих подчиненных.

Два раза в неделю он меняет головной убор. Обычно ходит в тюбетейке, к поезду выходит в форменке.

С тюркскими племенами в большой дружбе. Сторонник полного самоопределения.

Дождик — явление чрезвычайно редкое. Небо — странное. Очень глупое и прозрачное. Облака абсолютно не оправдывают надежд. Не облака, а так, перышки.

Когда с северо-запада громыхал паровоз с парой вагонов, то с юго-востока плавно приближались тени. Караван. Паровоз и вагоны привозили товары и редко-редко шальных людей.

Люди шарахались по сараям станции и исчезали в ближайшем караван-сараях или в чай-ханэ.

Паровоз взлохмаченный, закоптелый, выжженный солнцем, и два вагона: один товарный с почтой и товарами, охраняемый диким тюрком с ножом и наганом в складках широкого халата, а другой — пассажирский, белый, всегда пустой, с одной бригадой. Второй поезд — водяной и развозит воду.

Чай-ханэ и караван-сарай. Караван-сарай, — грязный двор, грязные комнаты, грязные закоптелые люди, грязные ишаки и грязные верблюды, при нем чай-ханэ.

Чай-ханэ — вкусный, напичкованный сладостями востока, уголок.

Но с обаятельной усладой для туземцев и смертельно одуряющим средством для европейцев, с тюркским оркестром.

Тюркский оркестр — это нечто невероятное. Совершенно своеобразное, не имеющее равного себе во всех частях света. Испанские гранды, колчаковские офицеры и денкинские доброармейцы не могли выдумать более звероподобной пытки.

Нервы человека берут и завивают накаленными докрасна щипцами.

По барабанной перепонке дуют из армии пулеметов «Максим», по мозжечку прогуливаются цимбалы и турецкий барабан.

Это еще не все. Самый страшный, самый зловредный змий — трубочка в английскую милю длиной. Тонкая музыкальная душа черноокого тюркмена задувает в эту английскую милю экзотические мотивы и тогда человек понимает: он попал на страшный судный день. Не нужно затыкать ватой и пальцами уши, не нужно заливать ушную раковину стеарином или воском. Не поможет бегство в степь. Английская миля застигнет свою жертву с поличным, то есть способностью слышать и чувствовать. Выход один: вырыть ямку в песке и засунуть в нее голову. Очевидно, страусы пришли к своей манере прятаться только после опыта с тюркменским оркестром.

Недельного гостя ждали не раньше, как через два дня. Но вне всякого плана телеграфист принял срочную депешу, передал начальнику станции и перетирал ее содержание вместе с сухим виноградом и двумя милиционерами в чай-ханэ.

Начальник поезда направил гонца в караван-сарай и там приготовили караван. В четыре часа пришел поезд. Женя с любопытством осматривала паленую местность и распухшего по экстраординарному случаю телеграфиста. Между прочим, телеграфист, проклиная себя за невоздержанность, сразу влюбился в Женю и написал предлинное стихотворение тягучим александрийским ямбом.

Женя выпила до дна чашу удовольствий железнодорожного оазиса. Она послушала оркестр и перепробовала все сорта восточных сладостей.

Арахан вел себя серьезно. Он говорил с местной властью, расспрашивал о дороге и что-то записывал в записную книжку.

Когда солнце спало, то путники были готовы к долгому пути в столицу Афганистана.

Два комфортабельных верблюда, под полпреда и его секретаря, два — под груз и четыре — под проводников.

Маленький караван тронулся в путь и в ритмичных покачиваниях верблюжьего бега потонули станция, чай-ханэ, оркестр, караван-сарай и поселок. Только кактусообразные репейники перебивали голую песчаную растительность.

Телеграфист переписал три раза стихотворение, назвал его «Роза севера», запечатал в три конверта и отправил с паровозом в РСФСР.

Через десять километров остановились. Отряд особого назначения. Советская граница. В низких глиняных домиках расквартированы красноармейцы-пограничники. Больше половины отряда вечно в полубреду от жары и малярии. С севера — Аму-Дарья, с юга — степь и впереди на восток солончаки, пустыня и граница Афганистана.

Начальник отряда Осназа дал конвой на верховых лошадях. Десять всадников. Конвой сопровождал до границы к пограничникам-афганцам. По дороге ехать было не-

безопасно. Работали шайки басмачей.

Солдаты рассказывали о многочисленных приключениях, о непрестанной перестрелке с басмачами, делавшими набеги на оседлое население. Жаловались на изнуряющую, выматывающую силу малярию. Рассказывали об афганцах.

Очень удобно и хорошо сидеть между двумя горбами на верблюде. Когда привыкнешь к своеобразному бегу этого сильного и выносливого животного, то, пожалуй, предпочтешь его хлопотной езде в седле на верховой лошади.

Часа через два приехали к границе Афганистана.

На худеньких лошадках-иноходцах, в английском френче и громадной чалме с кривой шашкой, тремя револьверами и парой кинжалов за поясом, предстали перед ними пограничники-афганцы.

— Селям алейкум! — приветствовал Арахан.

— Алейкум а селям! — отвечал афганец.

Красноармейцы сдали караван на руки афганской страже и, попрощавшись, уехали обратно.

Начальник афганского пограничного отряда был очень любезен. Он оказался уже извещенным о приезде полпреда и поджидал его.

В таких же глиняных домиках, тоже желтые и высохшие, но пестрые, разукрашенные допотопными ятаганами наряду с современными карабинами, афганцы поразили Женю.

Несмотря на крайне свирепый вид, они очень радушно встретили приезжих. Начальник не стал задерживать Арахана, отрядил к его каравану пять человек стражи и пожелал скорейшего прибытия в Кабул.

Поднимались горными тропами. Проходили солончаки и выжженные солнцем пустыни.

Дорога очень однообразная и пустынная; изредка проплывал мимо небольшой караван и обменивался приветствиями. Еще реже стучали копыта горных лошадок.

Острые камни, спуски, подъемы, крутые тропы, опять камни, опять подъемы, опять спуски.

На второй день пути прибыли в Мазар.

В Мазаре опять церемонии у местного наместника кабульского правителя. Осмотр города. Отдых.

Пестрый базар. Многочисленные арыки, переплетающие сады, гордые и дикие афганцы. Белые глиняные домики, узкие горные улочки, чай-ханэ, караван-сарай. Пестрота, белизна, зелень.

Мазар — небольшой цветущий оазис.

В Мазаре сменили верблюдов, проводников и охрану. В Мазаре пробыли один день. Из Мазара отправились дальше. Теперь предстоял главный переход через большую безводную пустыню. Шестидневный переход.

Особенно тщательно упаковывали воду.

Но Мазар не только оазис. Мазар — город в Афганистане. Афганистан пользуется своеобразной любовью англичан. Англия очень любит афганцев.

А в каждом городе в Афганистане есть и ее люди. Она протягивает свои щупальца через эту полудикую страну к границам СССР. Она охраняет Индию.

В Мазаре есть личности. Личности, снующие около купцов Запада. Личности, получающие шифрованные депеши, меняющие свою наружность, отбывающие в Кабул и снова возвращающиеся в Мазар. Это шпионы. По прибытии в Мазар, караван Арахана был встречен наместником правительства из Кабула и шпионом. Наместник распахнул перед полпредом двери своего дома, наместник был любезен и горячо жал руки.

Шпион не распахивал дверей дома и не жал рук. Шпион раскрыл кошелек и заплатил за откровенность одному из охраны, сопровождавшей Арахана.

Шпион пролез к верблюдам и багажу полпреда. Шпион обследовал, фотографировал и записывал.

После отбытия караванов в Кабул, шпион работал в темной комнате своего домика. Над домиком развевался флаг...

Шпион говорил по радиотелеграфу и посылал шифрованные депеши.

На другой день в Мазар прилетел белый аэроплан-амфибия Виккерса. В аэроплане сидели двое.

Шпион занял кабинку. Шпион улыбался и потирал руки. Аэроплан исчез в лазури безоблачного неба.

XVIII

Ржавые, склизкие лужицы и колючий саксаул — вот все, что встречал караван на своем пути.

Арахан смеялся и рассказывал Жене сказку, в которой говорится, почему нельзя пить из таких лужиц. Смеяться можно. В бурдюках и английских фляжках — вода.

Солнце здорово грело. Женя никогда в жизни не испытывала такой жажды и не чувствовала такой жары. Что Крым? Каких-нибудь тридцать, сорок градусов. Пятьдесят и шестьдесят — вот что показывал термометр.

Часто прикладывались к флягам и часто их наполняли. Воды не жалели и пили вдоволь. Но чем больше пили, тем больше хотелось пить.

Не переставая прошибал сочными каплями пот и выбрасывал влагу из тела наружу.

С десяти утра до шести вечера печет солнце сверху и песок снизу. До десяти и после шести жара спадает. Верблюды бегут и ритм бега напоминает слабую морскую качку.

На второй день Арахан поздравил Женю с выносливостью.

— Собственно, мы могли бы воспользоваться самолетом, — сказал он, — но вы, наверное, не раскаиваетесь, что жаритесь в этой сковородке из песка?

— Конечно, товарищ Арахан! Я чувствую себя прекрасно. Я благодарю вас и думаю, что при другом, более современном виде транспорта, не благодарила бы.

Женю очень забавляли встречи в дороге, когда какой-нибудь маячащий на своем верблюде путник равнялся с ними и исчезал вместе со своей заунывной песней за горизонтом.

Арахан и Женья прекрасно говорили по-тюркски и арабски. Лучших отношений с проводниками нельзя желать.

Ко всему, к Советской России у восточных народов неистощимая симпатия и дружба.

Проводники говорили об англичанах. Они их ненавидели и боялись. Британцем пугали детей. Англичан проклинали и тихо уничтожали. С английскими флагами на Востоке неразрывно связаны деспотия, ужас, голод и болезни.

На предпоследний привал устраивались с особым рвением. Разбили шатры и закусили. Потом легли спать.

Обычно, охране полагалось нести дежурство посменно. Обычно они так и делали. Дежурили по два часа.

В это время остальные отдыхали и безмятежно спали.

Продовольствие и воду клали в отдельный шатер и у этого склада дежурил проводник.

В три часа дня, то есть в самое знойное время, верблюды тревожно закричали, а дежурный внимательно разыскивал причину их тревоги.

Но на горизонте не показывалось ничего. Однако, верблюды не успокаивались, а проводник имел к верблюдам неограниченное доверие, но, к сожалению, не обладал тонким слухом.

И только тогда, когда верблюды особенно занервничали, он обнаружил в воздухе жужжащие звуки. Он посмотрел на небо и увидел черную точку, быстро-быстро снижавшуюся и увеличивающуюся в своих размерах. Проводник не испугался и не удивился. Он успокоил верблюдов. Абкер знал летающих птиц. Он знал, что такое аэроплан.

Аэроплан оказался амфибией Виккерса и спустился метрах в ста от стоянки Арахана.

Проводник не предпринял ничего и спокойно, скрестив ноги, продолжал курить кальян.

Из амфибии выскочили три человека в белом с плотно закрытыми белыми масками лицами. Они направились к становищу. Один из них, более высокий, более тонкий, заговорил с проводником.

— Кто эти люди?

— Пойди и спроси у них, — отвечал проводник.
— Куда вы идете? — настаивал белый человек.
— Пойдем с нами и дойдешь до места, которое тебя интересует.

Белый человек не злился, он хладнокровно продолжал:

— Много ли воды у вас?

— Ровно столько, сколько нужно шести правове́рным на один день пути.

— Прекрасно!.. — резко оборвал белый человек. И в руках троих засверкали большие кольца. — Правове́рные могут обойтись и без воды. Магомет вывезет правове́рных!..

Они быстро скрутили проводника и заткнули ему рот.

Из палатки взяли все запасы воды и исчезли на самолете.

Шум поднимающихся моторов был услышан Женей. Она выскочила из палатки и увидела стальную птицу в нескольких метрах над землей. Женя почувствовала что-то недоброе, а в следующее мгновение она увидела связанного Абкера. Быстро распутав ему веревки и еще быстрее сообразив, в каком положении они очутились, Женя бросилась будить Арахана.

Поднятая тревога не принесла никаких результатов. Арахан несколько раз спрашивал Абкера, как были одеты люди, о чем они спрашивали и не было ли каких-нибудь отличительных знаков на аэроплане. Абкер отвечал:

— Они спрашивали, кто ты, куда едешь и сколько воды у нас. Они и их птица были белы, как снег на вершинах Памира. Они хотели стрелять из черных револьверов.

Решили как можно скорее продолжать путь. Среди продовольственных запасов оставались лимоны и апельсины. Это давало путешественникам кой-какую надежду, впредь до встречи с караваном, утолять приступы жажды.

Осторожно расходуя каждую толику лимона и апельсина, двигались вперед. Как нарочно, солнце жгло неутомимо и не встречалось ни одного путника.

Час за часом, миля за милей. Во время захода солнца сделали привал. Правове́рный не может не молиться.

К утру осталось восемь часов пути и ни одного апельсина и лимона. Лучи солнца вытягивали влагу. Во рту образовались сгустки слюны, которая липла к нёбу и действовала на воображение. Глаза у всех воспалились и верблюды беспокойно вытягивали шеи и покрикивали.

Все мысли вращались вокруг воды. Даже не встречалось ржавых, склизких лужиц. Проводники пробовали удивляться. Никогда они не проходили по такому безлюдному пути. Второй день ни одного правовежного.

В первые дни песок не казался однообразным, забавляли кудреватые валуны. В причудливых выветренных бороздах мерещились очертания определенных предметов. Думалось о миражах и казалось невероятным, что люди способны на все из-за капли влаги, освежающей рот.

Теперь песок стал серым и скучным. Никаких очертаний, только противные, ничего не говорящие выемки.

Пыль, о которой раньше вообще не думали, стала въедаться в лицо, шею, глаза, в рот. Дыхание участилось и в жилах, на висках, неприятно, учащенно стучала кровь.

В три часа, ровно через двадцать четыре часа после ограбления, путники приблизились к городу.

Казалось, что совсем рядом. Ну, не больше, как в миле. Высились стройные минареты, двигались люди, пестрели чистенькие домики, залитые зеленью садов.

Женя позабыла о своей жажде, а проводники многозначительно переглянулись, но ничего не сказали.

По мере приближения к городу он расплывался и, наконец, растаял. Это был мираж.

В шесть часов опять привал. Женя настолько ослабла, что не могла слезть со своего верблюда. Проводники молились.

После шести жара спала, но жажда только усилилась. Ехали молча. Часов в восемь верблюды выпрямились, ускорили бег и радостно закричали.

— Близка вода, — коротко оказал Абкер и добавил исчерпывающе, — Кабул!

На горизонте, охваченном сумерками, показались очертания развалин.

Что же делал Виктор? Шторм рассеялся и волны мирно покачивали шлюпку с клеймом «Товарищ».

В шлюпке жалобно лаяла собачонка, а под собачонкой, на самом дне, лежал Виктор.

Что случилось с остальной командой — неизвестно. Неизвестно, что стало с шхуной «Гуд-бай».

Когда Виктор прыгал в шлюпку, то падавшая снасть задела его голову. Измученный ночью бессонницей и штормом, он упал на дно лодки.

Фоксик лизал ему руки, лицо и лаял. Лаял нежно, словно жаловался. А когда на горизонте засинела расплывчатая, окутанная туманом полоска, он залаял громче. Но Виктор ничего не слышал.

Полоска приближалась, туман рассеивался...

ГЛАВА ВТОРАЯ,

где смерть смотрит в глаза героям

I

Неисчерпаемый источник для юмориста — география Иванова. Этот достопочтенный географ сообщает:

«Главный народ в Африке — негры; они живут в области саванн и тропических лесов и по языку разделяются на негров суданских и негров банту».

И несколькими строчками ниже:

«Из народов белой расы с незапамятных времен живут на севере и востоке Африки хамиты...».

Еще ниже:

«Европейцы стали селиться в Африке недавно».

Только и всего! Ни слова о том, что «главный народ», до сих пор знавший только белых хамитов, с пришествием европейцев познакомился с белыми хамами, и что эти белые хамы совсем по-хамски поступили с «главным народом».

Вряд ли найдется на всем земном шаре другая страна, в которой так неприкрыто, так беззастенчиво проявлялись бы рабовладельческие инстинкты английских, германских и французских цивилизаторов.

Главные центры беззастенчивой эксплуататорской политики раскинулись по западному берегу страны, в районе так называемого Слонового и Невольничьего берегов. Последнее название достаточно ярко характеризует то, что творилось здесь белыми, окрестившими местность столь звучным и милым именем. Именно отсюда потянулись нити первоначального накопления огромных богатств современных промышленных китов Англии, Германии и Франции; именно здесь закладывались основы их финансового могущества. Первые колонизаторы, проникнувшие в эти местно-

сти, наталкивались там на негров, имеющих свои земли и своим трудом обогащавших самих себя. И вот, говоря словами Маркса, они, эти колонизаторы, показывают, «что развитие общественной производительности, силы и труда, кооперация, разделение труда, применение в крупном масштабе машин и т. д. невозможны без эксплуатации рабочих и соответствующего превращения средств производства в капитал. В интересах так называемого национального богатства последний ищет искусственных средств для создания народной бедности».

В другом месте Маркс говорит, что «негр есть негр. Только при определенных обстоятельствах он становится рабом. Хлопчатобумажная машина есть машина для прядения хлопка. И только при определенных отношениях она становится капиталом».

И колонизаторы прилагали все усилия, чтобы создать эти определенные обстоятельства и определенные отношения. И надо сказать, блестяще успели в этом. Они экспроприировали, то есть, попросту говоря, ограбили несчастных негров так, что те и пикнуть не успели. Они позаботились о превращении их в рабов, иногда наемных, а чаще — просто рабов.

И сегодня, как и несколько сот лет тому назад, остаются действительными слова, сказанные Диодором Сицилийским и цитируемые Марксом в первой книге «Капитала», в главе о заработной плате: «Нельзя без сострадания к их ужасной судьбе видеть этих несчастных, не имеющих возможности позаботиться хотя бы о чистоте своего тела или о прикрытии своей наготы. Ибо здесь нет места снисхождению и пощаде по отношению к больным, хворым, старикам, к женской слабости. Все должны работать, принуждаемые к этому ударами бича, и только смерть кладет конец их мучениям и нужде».

Не только смерть!

Диодор Сицилийский не знал, что его слова будет цитировать в своей книге человек, указавший другой выход этим несчастным!

II

— Так вы говорите, на десять процентов, Биль?

— На десять, Боб! Даже не торговались.

— И все наличными?

— Ни единого чека.

— С ума они сошли, что ли?

— Какие-то тресты, Боб! Новая затея. Ни черта я не понимаю в биржевых историях.

— Понимаешь, не понимаешь, а дело ты сделал хорошее! — хлопнул его по плечу Боб.

Биль довольно усмехнулся.

— Из моей доли процентов пятьдесят ухнули, Боб.

— Как так?

— Так! Не удержался. Завернул по дороге в Париж...

— Ну, не совсем это по дороге.

— Когда есть деньги, тогда все по дороге. Вот завернул в Париж, ну и ухнул.

— Девочки, старина?

— И девочки, и карточки, и водочка.

— Молодец!

Владелец сахарных плантаций Боб Роджерс был очень доволен. Его компаньон Биль, ездивший с грузом тростника в Европу, привез приятную новость! Тростник подорожал на десять процентов. Десять процентов — это не шутка. Десять процентов, это... это...

— Это очень много денег, — решил наконец Боб.

Деньги он любил и хотя не тратил ни одной лишней копейки, но старательно подсчитывал размер своего текущего счета в британском банке и каждому увеличению его радовался. Зачем ему нужны были деньги, он не знал. Не было у него любимой женщины, которую можно было порадовать дорогим подарком, не было у него детей, не было даже дальних родственников. Кроме своего компаньона, Биля, ни одного человека не мог Боб назвать своим другом, ни к одному человеку он не питал симпатии. Люди платили Бобу тем же. Начиная от негров, гнувших свои

мокрые от пота и крови спины на его плантациях, и кончая местными представителями власти, никто иначе не отзывался о нем, как о «кривом черте».

И в самом деле, Боб Роджерс был кривым. На его толстом, лоснящемся от жира, вечно нечисто выбритом лице ворочался один единственный глаз. Второй — давно пропал в стычке с пьяным штурманом купеческого корабля; стычке, — происшедшей из-за трех шиллингов, проигранных штурманом Бобу. Штурман решил, что такому богатому плантатору карточного долга можно и не платить. Боб думал иначе. Ценой глаза, но свои три шиллинга он все-таки получил. Таков был Боб Роджерс, «кривой черт». За исключением одного глаза и непомерно длинных рук, у Боба Роджерса не было никаких внешних дефектов. Высокого роста, в меру толстый, но не жирный, то, что называется — упитанный, — он мог ударом кулака свалить быка с ног, и работавшие на его плантациях негры на своих спинах не раз испытывали железные руки хозяина. Вровень кулакам был и характер Боба. Железный, негнувшийся.

— Что Боб захотел, то и будет, — говорили его соседи и купцы, имевшие с ним дела. Можете представить себе, какое приятное сочетание давал этот характер, эта сила и невероятная алчность, неудержимая любовь к деньгам и их накоплению!

— Знаете, что они мне сказали, Боб, там, в Лондоне?

— Ну?

— Они сказали мне: «Ваши негры могут отдохнуть, мистер Биль. Раз тростник поднялся в цене на десять процентов, настолько же вы можете сократить его добычу».

— Что? — Боб покрутил своим единственным глазом. — Что?! Они так сказали? Смеялись они, что ли?

— Они говорили серьезно, Боб. Они очень советовали нам сделать это. Дело в том, — Биль понизил голос до шепота, — дело в том, что поговаривают о восстании.

— О восс... — Боб побагровел и вскочил с плетеного кресла. — Эй, ты, старая развалина! — крикнул он, перегнувшись через перила веранды.

На зов появился старый негр.

— Лошадь! — проревел ему Боб. — Лошадь, и живо!

Потом, повернувшись, он сорвал со стены длинный бич и тяжелыми шагами спустился во двор.

— Куда, Боб? — бросил ему вдогонку Биль.

— На плантацию; и не буду я Боб Роджерс, если добыча тростника не возрастет вдвое.

III

Совершенно невероятная жара. Только привычные люди могут двигаться под этими отвесно падающими лучами тропического солнца. Только негры, родившиеся и выросшие в этой местности, могут с утра до вечера резать толстые стебли сахарного тростника, не падая в беспамятстве на землю. С непостижимой ловкостью работают они около своих корзин, ударами ножа срезая по несколько стеблей сразу. Впрочем, это только пока надсмотрщик не отошел слишком далеко, или не свернул в протоптанную меж рядами высоких тростников межу. Стоит ему хоть на минуту оставить этих людей без своего надзора, как спины разгибаются, ножи откладываются в сторону, и работа, до сих пор кипевшая, замирает. Но это случается не часто. Надсмотрщики — народ опытный и устраиваются так, что ни на одну минуту не спускают глаз с вверенных их надзору людей. Они считают себя в праве требовать от негра непрерывной работы. Негр считает себя вправе как можно меньше работать и как можно больше отдыхать. Надсмотрщики, недовольные этим, называют негров не иначе, как «ленивые скотины». Негры думают о себе иначе. Они могли бы порассказать о том, как трудолюбиво и старательно обрабатывают они свои поля, как храбро и настойчиво преследуют зверей в чаще леса там, где не висит над ними палка, там, где их труд свободен.

Надсмотрщики не станут, конечно, слушать негритянские рассказы. Они усмехнутся, выругаются и заявят:

— Кто ж тебя за уши тянул, черная морда? Ты пошел

сюда добровольно. Ты контракт подписал.

Добровольно? Контракт подписал? Бедный негр даже писать не умеет. Что мог он поделаться, когда белые пришли в его поселок, оскорбили его и его жену, а когда он попробовал возмутиться, объявили бунтовщиком и сунули ему в руку какую-то бумагу. На этой бумаге он отпечатал свои пальцы, и эта бумага тяжелым грузом легла на всю его жизнь?! А, может быть, просто его напоили водкой и привезли сюда полумертвого от алкоголя. Или ласками, угрозами и подарками выманили его у его родителей и еще ребенком заставили выпить до дна чашу рабского труда. Белый — умный и хитрый человек. Белый человек всегда найдет для себя рабочую силу.

Мы только что упомянули о ребенке. Да, на плантациях Боба Роджерса, а, впрочем, также и на других, вы могли встретить детей, исполнявших работу взрослых. Девочки и мальчики равно гнули свои спины у высоких плетеных корзин, равно взваливали эти корзины себе на плечи и, переламываясь надвое под непосильной тяжестью, клали на телеги собранный тростник. Объехать ряды и забрать добычу у каждого на месте телега не могла. Разве можно мучить буйволов, которые здесь так дорого стоят? И буйволы отдыхали при каждом удобном случае, а за них мучились негры, старые, молодые и совсем, совсем юные.

Невероятная жара! Боб Роджерс совсем распарился. Он полудремал, покачиваясь в седле, опустив поводья, но крепко сжав хлыст толстыми, грубыми пальцами.

Вдруг он почувствовал, как его лошадь шарахнулась в сторону и едва успел ухватиться за луку, чтобы не вылететь из седла... Что за чертовщина? Чего испугалась Бьюти?

И, стряхнув дремоту, Боб увидел, что прямо перед ним, преграждая дорогу, стоит маленький, жалкий негритенок, перепуганный и остоленевший.

— Откуда ты взялся, негодяй?

«Негодяй» молчал, устремив на Боба полные испуга глаза.

— Почему ты не работаешь, мерзавец?

«Мерзавец» открыл рот и издал какой-то плачущий звук.

— Поди сюда, противная обезьяна! Поди сюда!

И так как «противная обезьяна» не двигалась с места, то Боб сам подъехал к мальчишке, нагнулся в седле, схватил его за шею, как хватают щенка и, подняв в уровень со своим единственным глазом, принялся методически, хладнокровно бить его рукояткой хлыста. Негритенок забился в сильных пальцах и закричал от боли. Крик еще больше разозлил Боба, удары стали чаще и сильнее.

Бедный, глупый негритенок! Ты не знаешь, что нельзя кричать, когда сахарный тростник подорожал на десять процентов.

IV

Негр Бинги всего два месяца работает на плантациях одноглазого черта. Никто не знает, откуда явился Бинги, но в один прекрасный день вербовщики привели его вместе с другими пьяными неграми. Так же, как другие, он оказался неграмотным, так же, как другие, поставил он вместо подписи отпечаток своего пальца, окунутого в чернила, и так же, как другие, покорно встал на работу. Но когда надсмотрщик попробовал так же, как других, ударить его хлыстом, Бинги посмотрел так, что хлыст в руке надсмотрщика остановился на полдороге.

В остальном, все было вполне нормально. Никто не знал, что Бинги добрых двенадцать лет провел в Капштадте, работая в качестве швейцара в одном из роскошных кино; никто не знал, что там Бинги слышал и узнал кое-что из того, что белые обычно скрывают от негритянских ушей.

Не знал этого и Боб Роджерс, когда он бил негритенка в двух шагах от того места, где, согнувшись в три погибели, резал хрустящий тростник Бинги.

Когда Бинги слышал крики избиваемого, он вздрогнул и поднял голову. Крики на плантациях не редкость. К ним привыкли и они являются совершенно необходимым аккомпанементом работы. Бинги, как и все, не раз слышал

крики и оставался наружно спокойным, смиряя поднимающуюся волну гнева.

Но на этот раз крик был таким жалким, таким детски-молящим, таким животнo-беспомощным, что Бинги не выдержал.

Он рванулся сквозь тростниковые заросли, ломая драгоценное растение, и через секунду очутился лицом к лицу с Бобом.

Увидев подбегающего к нему негра, негра с перекошенным ненавистью лицом, одноглазый черт невольно выпустил свою жертву. Бинги подхватил падавшего мальчика. Негритенок, жалобно повизгивая, прижался к нему, а Боб несколько секунд внимательно разглядывал дерзкого и, коротким ударом отметив на щеке Бинги красную полосу, повернул лошадь.

«Поговаривают о восстании», — вспомнил он слова своего компаньона.

V

Бинги не бросился вслед уезжавшему оскорбителю. Бинги почти не почувствовал прикосновения хлыста. Его внимание было поглощено ребенком, всхлипывающим на его потном плече.

Что это был за ребенок? Кожа да кости! Несчастное существо, обреченное на преждевременную старость и раннюю смерть. С колыбели, почти, приученный к побоям и подчинению, он будет расти в страхе рабского повиновения и никогда не осмелится поднять руку на белых угнетателей. Белые знают, что они делают, белые не зря любят набирать на работу негритянских детей. У всякого народа, у всякого племени будущее — в детях. Поработить ребенка, это значит — поработить будущее.

Пока Бинги думал обо всем этом, негритенок успокоился и поднял голову с плеча своего спасителя. Через чащу тростников ему видна была пустая корзинка, брошен-

ная Бинги у места прерванной работы, а вдалеке был виден белый человек с хлыстом, приближавшийся кошачьими шагами к оставленному Бинги месту.

Негритенок знал, что надсмотрщик Рибб ненавидел Бинги и слышал, как старый холоп плантатора поклялся однажды свести в могилу этого проклятого недотрогу. И, увидев теперь высокую фигуру надсмотрщика недалеко от того ряда, в котором работал Бинги, мальчик понял, что его спасителю грозят большие неприятности.

— Бинги, Бинги! масса Рибб, — прошептал он, и Бинги, мгновенно опустив мальчика на землю, бросился сквозь тростники к своей корзине.

Рибб еще издали заметил, что Бинги нет на обычном месте. Предвкушая расправу, он тихо, стараясь остаться незамеченным, крался вдоль тростников, сжимая хлыст, в который была вделана тяжелая стальная пружина. Сейчас он задаст этому черному негодяю!

Бинги вернулся на место за несколько секунд до того, как надсмотрщик Рибб очутился около его корзины. Они почти столкнулись друг с другом и глаза белого, как острые гвозди, вонзились в глаза черного раба. Этот зрительный поединок продолжался около минуты и, в результате, белый, пробормотав какое-то проклятие, повернулся и пошел, сыпя направо и налево удары своего бича.

VI

Издали может показаться, что в лесу кто-то разбросал пчелиные улья. Негритянские хижины — эти круглые мазанки с лиственной кровлей и дырой на том месте, где должна быть дверь, — мало чем отличаются от ульев. Даже размер их не всегда достаточно велик, чтобы рослый человек мог разогнуть в хижине свою спину. Последнее, впрочем, лишняя роскошь. Согбенные долгой работой на плантации, негры и после работы ходят обезьяньей походкой и, почти ползком, добравшись до своих хижин, мгновенно

сваливаются на сомнительной чистоты циновки и засыпают тяжелым, беспокойным сном.

Сон — это единственная радость, единственная улыбка отдыха. В дождливую погоду приходится еще возиться с огнем и урывать драгоценное время. Но в теплую погоду огонь не нужен. Придя домой и закусив черствой маисовой лепешкой, можно сейчас же растянуться и спать; спать-спать до нового утра.

Вот почему у возвращающихся с работы такие торопливые шаги. Они почти бегут к своим хижинам, они, как животные, легким движением ныряют в отверстия, из которых, смешиваясь с лихорадочным воздухом леса, тянет запах человеческого пота.

Поселок Джубба, расположенный около плантации Боба Роджерса, отличался от других негритянских поселков только своим размером. Он раскинулся на огромное пространство. На Боба работали полторы тысячи негров и все они расселились в Джуббе. По этому поводу Боб имел свои соображения. Практиковавшееся другими плантаторами казарменное содержание работников он решительно отвергал. Во-первых, лишние расходы, а во-вторых, казарма — место слишком тесного общения и всяческих заговоров. В казарме — все на одинаковом положении и эта общность положения сближает даже людей разных племен. В поселке — дело другое. Здесь царил до тонкости разработанная Бобом система, согласно которой некоторые имели свои маленькие поля и пользовались правом их обработки, для чего освобождались, несколько дней подряд, ранее срока. Совершенно понятно, что это право можно было заслужить только путем предательства и раболепства. И в поселке Джубба насчитывалось несколько человек, которых соблазняла перспектива иметь собственное поле, и которые взяли на себя труд надзора за другими. Они составили нечто вроде милиции и были вооружены. Что касается остальной массы, то и там игра на собственнических интересах делала свое дело и в короткое время Бобу удалось превратить поселок в сущий ад противоречий, соглядатайства и взаимной ненависти. Этого только и надо было одногла-

зому черту.

Каждый раз, когда Бинги подходил к окраине поселка, его охватывали невеселые мысли. Сама структура поселка говорила о разъединенности, обособленности отдельных семей и групп. Хижины стояли врассыпную, отброшенные друг от друга, отделенные деревьями леса. Бинги знал, что, в огромном большинстве случаев, сосед ни в чем не поможет соседу; и даже воды ему не принесет, если тот будет умирать от жажды. И это не оттого, что негры таковы. О, нет! У себя, в глубине страны, они знают, что такое товарищество и взаимная поддержка. Но здесь, где стены имеют уши, где в каждом кусте может спрятаться соглядатай, где воля белого выше всех законов, здесь всякая дружба, всякая связь, опасны. Лучше жить своим умом, лучше самому о себе думать. Белые не любят, когда негры дружат между собой...

Бинги миновал ряд хижин и приблизился к своей, — такой же маленькой, грязной и неудобной, как все остальные.

— Бинги! — услышал он, не доходя нескольких шагов до порога. — Бинги!

Бинги нагнулся и у самых дверей хижины разглядел маленького негритенка, спасенного им сегодня днем. Он вспомнил, что мальчонка зовут Бату.

— Что ты делаешь здесь, Бату? — нагнулся он и погладил смешную курчавую голову.

— Бинги не прогонит меня? — захныкал мальчик. — Бинги пустит меня к себе? Бату так боится. Белые люди убьют Бату, о Бинги!

— Войди! — сказал Бинги, открывая дверь. — Войди! Бинги оставит тебя с собой.

Пройдут долгие, долгие годы. Маленький Бату станет большим негром. Маленький Бату пройдет через многие страдания и пытки. Может быть, маленький Бату доживет до лучших времен и увидит то, о чем и во сне не снилось его предкам. Может быть, маленький Бату, как все, превратится в жалкого, сморщенного, бессильного старика, измученного побоями и работой. Может быть, маленький Бату умрет под хлыстом одноглазого черта. Все может быть!

Но, что бы ни было, как бы ни было, маленький Бату никогда не забудет этой теплой, душевной тропической ночи, в которую слышал он от доброго храброго Бинги такую чудную сказку о белом человеке, отдавшем свою жизнь за счастье всех маленьких Бату.

Годы пройдут длинной и томительной вереницей, а в памяти его всегда сохранится ласковая рука Бинги и голос, часто повторявший имя, которое Бату до конца своих дней будет носить в сердце. Если у Бату будут дети, он по ночам тихо, тихо, чтобы не услышали белые, будет повторять им это имя и заставит их заучить наизусть сказку о человеке, которого зовут — Ленин.

Бату знает, что это только сказка. В жизни никогда не бывает добрых белых. В жизни все белые злые и у всех у них есть палки, которые так больно бьют. В жизни нет белых, называющих негров братьями, в жизни нет белых, считающих негров равными себе.

Но все равно, сейчас, под ласковой рукой Бинги, Бату поверит сказке, поверит тому, что где-то, далеко, живет такой белый, к которому можно прийти с негритянской болью и негритянской обидой, и который знает такие олова, от которых и боль, и обиды уйдут, уступив место радости. Бату во сне увидит этого человека, во сне поговорит с ним, и когда в следующий раз белый надсмотрщик поднимет на Бату свой хлыст, маленький негритенок спокойно посмотрит ему в глаза и скажет одно только слово, скажет — Л е н и н.

Бедный, маленький Бату. Он не знает, что это случится завтра, он не знает, что от этого слова белый надсмотрщик побагровеет и нальется злостью; он не знает, что палка белого надсмотрщика с такой силой опустится на его голову, что маленький негритенок никогда больше не увидит ни сахарных плантаций, ни леса, обступившего их...

Бинги наклонился над своим гостем. Мальчик спал и во сне улыбался. Бинги осторожно прикрыл его худенькое тельце какими-то тряпками, встал и вышел наружу.

Теплый тропический вечер ударил в лицо пряными ароматами леса. Было душно и кружилась голова. Несколько

минут Бинги стоял, не двигаясь, и смотрел на небо. Потом потянулся, расправляя усталые за день мускулы так, что кости хрустнули, и пошел по спящему поселку туда, где у колодца ждала его Таао.

VII

В тридцать лет, при неудачно сложившихся обстоятельствах, начинаешь ненавидеть. Боб Роджерс мог похвастаться. Неудачи преследовали его всю жизнь. И нечего удивляться тому, что, во-первых, он сделался плантатором, выжимателем соков в этой берлоге на невольничьем берегу, а, во-вторых, что он ненавидел.

Ненавидел он всех с одинаковой яростью. Клещей, судорожно впивавшихся в кожу, термитов, шуршавших в своих гнездах, москитов, облипавших всегда, когда не было во рту спасительной трубки. Но больше всего Роджерс ненавидел негров. Он знал, что они давали ему возможность жить, надеяться на лучшее, и — еще кое-кому, там, у себя, — показать старого Боба Роджерса.

По существу своей натуры, Боб не был плохим человеком и вовсе он не виноват в том, что судьба ему навязала карьеру висельника.

Семь лет назад, то есть как раз после войны, Роджерс, носивший другую фамилию, занимался консульством, миссионерством, торговлей и вообще правительственными делами.

Правительственные дела — это не так много и не так трудно. В Куку особенно. Абсент, виски, бенедиктин заполняли свободное время. В Куку приезжали купцы: французы, англичане, немцы, американцы. Неприятная история случилась как раз с немцем. Немец обвинил его в нечистой игре. Фи! Шокинг! Конечно, Боб не стал долго тянуть и в тот же день немец получил в лоб то, чего ему не хватало. Металла для винтиков.

Немец! Скажите, пожалуйста, разве немец человек? Тот же негр! Но, как-никак, немец оказался крупным воротилой. Пришлось отдать концы и показать всем свою двухсотфунтовую фигуру с тыла.

Пара лет шатания по Нигеру, пережитое удовольствие быть завтраком у племени Ньям-Ньям, драка с карликами и, в конце концов, — новое имя — Боб Роджерс; новые деньги, новые возможности и фактория на одном из притоков дельты Нигера, с сотней негров и с кучей скота.

Фактория находилась на берегу реки Бомаясси. Река хорошая, светлая, смирная. Племя Н'гапу, — как и река.

Боб Роджерс пришел к Н'гапам смирным и тихим, таким, каким он умел быть. Боб Роджерс с носильщиками с пристани Гобо принес упакованные тюки. Он созвал совет великих мокунджи Н'гапу.

На совете Боб Роджерс делал много чудес. Он снимал кожу со своих рук, держал в руках огонь, давал слушать из маленькой трубки разговоры белых мокунджей на большой Каге (реке) и на пристани Гобо.

Боб Роджерс доказал, что он личный друг Нга'Кура*. За несколько десятков бус и за ящик виски и абсента мокунджи Н'гапу с радостью взялись за постройку, по его указаниям, на берегу Бомаясси большой хижины.

Тут он еще раз поразил негров.

Опять ходили носильщики к Гобо и вернулись нагруженные ящиками, досками и какими-то еще приспособлениями. Боб Роджерс отослал негров и один день разбирался в планах.

Потом он созвал опять совет мокунджей и на этом совете сказал, что совещался с великим Нга'Кура, и что Нга'Кура разрешил ему построить дом, который будет его домом.

Мокунджи пали ниц.

И в этот же день к Бобу Роджерсу пришло все племя. Боб Роджерс сказал, что не всякий черный может тронуть

* Божества (*Прим. авт.*).

дом Нга'Кура. Он сказал, что только колдуны племени и мокунджи, с их женами, могут остаться.

Колдун, мокунджи, жены и сам Боб Роджерс работали один день и полдня. Дворец Нга'Кура был готов.

Хорошенький передвижной домик из трех комнат, с большой верандой, с большими окнами.

Не подверженный действию огня, проложенный асбестом; крыша, — покрытая плотным слоем каучука. Хорошо застекленная веранда. Уютные комнаты.

Вскоре после постройки была привезена ванна и все приспособления для водопровода и электрического освещения. Над домом Роджерс установил антенну радиоприемника и в своей комнате радиоприемник и телефон.

В деревне негры говорили о Бобе Роджерсе, как о великом мокунджи белых. Боб Роджерс к чему-то готовился.

Однажды к нему приехали двое белых, которые поселились в его доме.

Потом Роджерс уехал и возвратился на пироге, которая ехала и сама кричала, как крокодил. Да, негры были правы! Пирога ехала сама. Боб Роджерс получил моторную лодку.

В моторной лодке Боб привез то, что черные называли ингорогомбе, а белые — винчестерами. Кроме винчестеров, был небольшой пулемет и десять ящиков патронов.

Были организованы: полицейский пост, тюрьма и скотный двор. Роджерс создал отряд из местных негров, одел их и снабдил оружием. Построил для них отдельные хижины при своем дворце и откармливал их. Они ничего не делали, не протестовали, были довольны и повиновались.

Прекрасные плантации приносили громадный доход; солдаты, которых негры племени называли туругу, исправно собирали оброк. Приходившие моторки, с пристани Гобо, забирали большой груз и оставляли много денег.

Одним словом, Боб Роджерс организовал прекрасную факторию. Он сам в достаточной мере изленился, постарел и похудел. О том, что Боб Роджере имеет какое-то прошлое, все позабыли. Время шло.

Негры выбивались из сил, подгоняемые сержантами и туругу. Они стали хиреть, и жизнерадостность медленно спа-

дала с их когда-то беспечных и веселых лиц.

Даже самое любимое занятие — охоту, Боб Роджерс превратил в каторгу. Все время был хороший спрос на слооновую кость, страусовые перья и шкуры. Мокунджи не протестовали. Боб Роджерс действовал от имени великого Нга'Куры и щедро угощал абсентом.

Но это было давно!

Теперь Боб Роджерс признанный, но ненавидимый и могущественный вождь Н'гапу. Великие мокунджи племени склонились перед ним. Прошло много дождей с того момента, как Боб Роджерс споил абсентом и виски старых колдунов и вождей и получил из Лагоса подкрепление в виде двух сержантов...

Боб Роджерс только что разобрался в полученной недельной почте. Он проверил ящик с напитками, табак, сигары, серию пилюль и несколько кило хины.

Просмотрел корреспонденцию, заказы, ответы торговых фирм, предложения. Все старо, скучно и однообразно. Журналы и газеты; но это его наводило на мысли о Европе, о цивилизации, театре, — о всем том, о чем он предпочитал не задумываться. Пытка!

Думая разогнать тоскливое настроение, Роджерс приказал слуге подать на веранду ликер. Солнце плыло вниз по горизонту и стекла веранды горели пурпуром заката.

Боб начал разбираться в толпе разнородных бутылочек, наполненных всевозможными сортами, ароматами и вкусами.

Приготовив дьявольскую смесь из семи марок и опрокинув хорошую рюмку, более напоминающую посудину для черпания воды, Роджерс зевнул. Как говорят негры, он старался прогнать сон через рот. Сегодня и любимая смесь не удовлетворила его. Он закурил сигару из вновь полученного ящика и окутал себя клубами тяжелого сизого дыма. Но зевота не прекращалась. Тогда Боб Роджерс встал и, отшвырнув в сторону сигару, взял со специальной подставки одну из трубок и набил ее душистым кэпстеном.

От трубки лучше не стало. Боб Роджерс сам перестал понимать, что ему нужно. Душистый табак раздражал, лике-

ры не успокаивали, сигары противны, журналы возбуждают ненависть. Трубка полетела к сигаре. Боб Роджерс понял.

Бобу Роджерсу скучно. Очевидно, наступил один из тех ужасных периодов, которых он поджидал с содроганием и тайной надеждой. А вдруг прошло?

Скуки Роджерс боялся больше, чем малярии. С лихорадкой он сжился, закармливая ее хиной.

Предостерегающие явления, пытки, именуемые скукой или тамбо, в долгой протяжной зевоте, ломающей рот. Клонит ко сну, но не спится. Одолевает сонная бессонница. Тамбо — род сонной болезни, сильно распространившейся среди белых в экваториальной Африке.

Сонная болезнь, в своем характерном виде, на белых не действует. Негры не болеют тамбо, но от сонной — гибнут.

Только одно средство может предотвратить тамбо. Это средство — женщины.

Боб Роджере подумал об этом и бросил взгляд на реку, протекавшую в нескольких шагах от его дома.

По черной глади реки скользила пирога. В пироге сидела черная девушка.

Таао, дочь старого мокунджи Н'гапу — Таманады. Таао — самая красивая девушка племени. Таао любит Бинги. Бинги любит самую красивую девушку потому, что он, Бинги, самый умный, самый красивый и самый сильный мужчина на плантациях.

Все окрестные Банды удивлялись, почему Н'гапу не выберут Бинги свои мокунджи, но виноваты были не Н'гапу, а отцы Н'гапу и Н'гакуру.

Второй дождь Таао — единственная и любимейшая ясси Бинги. Второй дождь Бинги гладил нежные, с лиловатым отливом, стройные, чуть-чуть полные руки своей ясси и целовал ее пухлые губы. Таао носила очаровательную косточку в мочках своих ушей и блестящие браслеты у запястьев рук и ног. Ради своего Бинги она пудрила белой золой свое тело.

Зрачки Таао — с синими отблесками, а белки сверкали, как белая эмаль. Таао не высока, Таао не толста, Таао

изящна.

Боб Роджерс увидел, как она ловко управляла своей пирогой и скоро пристала к берегу. Из деревни доносились звуки тамтама. Роджерс решился. Он надел свой пробковый шлем, взял хлыст и соскользнул с веранды к берегу.

Солнце быстро скатывалось в пасть каймана пустоты. Река казалась густой, застекленной, покрытой лаком. Кругом квакали лягушки, жабы-буйволы, жабы-кинвалы, голосили стервятники.

Под навесом, у пристани Роджерса, бесшумно зыблилось несколько узкогрудых пирог. Боб Роджерс пересек речку. Пройдя метров тридцать по берегу, он вышел к небольшой поляне между грудой банановых и масленичных пальм. Боб Роджерс остановился и посмотрел.

В чем дело? Прекрасный случай! Он возьмет ее! Сладострастная улыбка появилась на его лице и обнажила ряд червивых зубов.

Черная Таао тоже улыбнулась, но ее улыбка показала ровные жемчуга, оттененные лепестками губ.

Черный Бинги не мог не улыбнуться и его зубы не были хуже зубов Таао.

Боб Роджерс не видел ни Бинги, ни его зубов; он не думал ни о них, ни о чем другом, кроме своего желания. Оно рвало его на части.

Боб Роджерс не мог видеть Бинги. Его не видела и Таао.

Бинги по дороге подумал о Таао и о том, что она его ждет, а Таао в своем томительном ожидании почувствовала близость Бинги.

— Чего ты ломаешь свои глаза, красотка? — Боб Роджерс подошел вплотную к Таао. — Или тебе мало работы днем? Смотри, белый господин делает тебя достойной его.

Роджерс схватил Таао за руку выше локтя и попытался привлечь к себе.

— Ай, масса Роджерс не трогает черной девушки! Черная девушка любит черного. Черная девушка боится массы Роджерса. — И Таао ловким, скользким, еле заметным движением увернулась от Роджерса. При повороте она своим упругим телом тронула ногу Боба. Он бросился за ней.

— Слушай, — кричал он, — белый господин не даст тебе работать! Белый, господин приведет тебя к себе и сделает своей ясси. У белого господина есть все. У него есть сладкий кенэ, яркие бусы, яркие платья; у него есть то, чего нет у самых великих мокунджей Банда.

Но Таао не слушала. Она испугалась озверевшего Боба Роджерса. Его лицо и в спокойном состоянии не производило приятного впечатления. Он имел хороший рост, хорошие плечи и прекрасную мускулатуру. Его несчастье начиналось с головы. Волосы были жесткие и почему-то не росли. На затылке местами сверкала плешь. Лоб был низкий. Густые, сросшиеся брови и один глаз, но и тот желтый. Белки глаза испещрены тоненькими жилками.

Лицо бледное, с желтым оттенком. Пористая кожа и широкие, в минуты злобы свисающие губы.

Самым неприятным были его ненормально-длинные руки, которые заканчивались узловатыми пальцами с почерневшими ногтями.

В припадке злобы все это делалось хуже. Лицо багровело, в углах рта показывалась пена. А единственный глаз наполнялся кровью...

Боб Роджерс прыжками бросился за Таао. Но ей не повезло. О, она бы оставила далеко позади себя белого плантатора, но Таао помешал камень. Она споткнулась и упала.

Боб Роджерс, торжествуя, бросился на нее. Таао удалось опять вывернуться, но все же Роджерс крепко схватил ее за руку и притянул к себе.

— Масса Роджерс не тронет Таао!

Боб Роджерс растерялся. Но не выпускал своей жертвы. Через ее плечо он посмотрел на черного раба, осмелившегося кричать.

Таао трепетала. Теперь она должна бояться не только за себя, но и за Бинги. Белый сделает с ним все, что хочет. Он его убьет. Ох, Н'гакуру! Лучше бы она не ходила навстречу своему солнцу.

Бинги бежал к Таао. Он не думал о последствиях. Он хотел спасти свою ясси.

Боб Роджерс немного успокоился. Сейчас он отлупит стеклом черного болвана, а после уведет девушку к себе и все устроится как нельзя лучше. Если девушка убежит, он пошлет за вождем и колдуном и за несколько бутылок виски заставит поселок выдать Таао.

— Иди сюда, презренная черная собака, и ты узнаешь, как поднимать голос на англичанина.

Роджерс выпустил Таао и стал в боевую позицию, с поднятым в правой руке хлыстом. Бинги, сверкая глазами, сжимая кулаки, стоял в отдалении.

Сначала он немного подумал, потом сделал резкий выпад по направлению к Роджерсу. Тот приготовился и почти опустил на спину Бинги свой хлыст. Но Бинги нагнулся, движением вперед принял на голову туловище Роджерса и перебросил его через спину на землю.

Удачный выпад окрылил Бинги. Он обернулся к Роджерсу, который еще не опомнился от ловкого удара, и выхватил у него хлыст.

Боб Роджерс вскочил, вытащил из кобуры кольт, но здоровый кулак Бинги, величиной с хороший кокос, выбил из его рук карманную пушку, скромно названную револьвером.

Бинги отбросил в сторону хлыст и кулаками стремительно атаковал Роджерса. Прекрасно! Боб Роджерс не сомневался в своих боксерских талантах. Как любитель бокса, он заранее торжествовал победу.

Бинги не торжествовал, он действовал. Хороший короткий удар под подбородок и легкий скрип челюсти. Не важно, что Роджерс что-то сплюнул в сторону, может быть, и пару своих гнилых зубов.

Бинги действовал серьезно. Недаром он с таким удовольствием смотрел когда-то на матчи бокса.

Но и Боб Роджерс в метрополии подвизался на ринге. Он знал пару хороших, запрещенных в честном бою ударов. Но разве бой с негром — бой? Это просто драка. Ему только кажется, что черная собака ударила его по лицу. Он сам ударил черную собаку. Гнев, боль, ненависть и азарт залили кровью лицо и глаз Роджерса. А Бинги нахлестывал

его со всех сторон.

Боб Роджерс держался на ногах достаточно крепко и иногда удары его длинных рук попадали в цель. Таао прижалась к стволу пальмы и со смешанным чувством удовольствия и ужаса смотрела на дерущихся. Ей было приятно, что белому попадает больше и что Бинги так ловко управляет своим телом.

Бинги внимательно следил за своим противником и не терял из виду ни одного его движения. Вот его правая рука делает выпад к груди Боба Роджерса. Роджерс заметил направленный удар и пытается его парировать. В это мгновение левый кулак Бинги наносит Роджерсу сокрушающий нокаут.

Боб Роджерс, отброшенный силой толчка, не выдерживает и летит.

Напоенный запахом крови, Бинги бросается за ним. Он настигает свалившегося Роджерса. Он потерял власть над собой; напрасно побледневшая и испуганная Таао дрожит и прижимает свое тело к его телу, напрасно Бинги срывает с себя ее нежные теплые руки. Таао молчит, она от испуга не может говорить и Бинги ее не слышит.

Бинги бросился, схватил валявшийся на земле хлыст и, подбежав к Роджерсу, начал избивать его жестоко и бессознательно.

Цепь угнетенных поколений восстала в его крови. Он ни о чем не думал, он упивался расовой местью. Бинги мстил! Бинги могил не только за себя, за свою обиду; он мстил за свой народ, доведенный до уровня обезьяноподобных людей.

Трудно предсказать, чем могло кончиться побоище. Но хриплый крик, вырвавшийся из груди Роджерса, предопределил исход дела.

Хрип привел в сознание застывшую от страха Таао и она вскрикнула. Вскрикнула и бросилась к Бинги. Таао повисла на шее своего возлюбленного и покрыла его потное от возбуждения лицо градом поцелуев. Таао заплакала и теплые слезы Таао, оросившие мускулистое тело Бинги, вернули его к действительности.

— Бежим, милый, бежим! Бежим, — шептала Таао голосом, полным гордости к силе и храбрости своего Бинги и ужаса за его судьбу. Она знала, что жизнь Бинги кончена, а может быть, — и ее собственная. Белые все могут. Белые все знают.

Бинги тоже понял. Он крепко прижал к себе Таао и пошел с ней вниз по дороге, туда, куда заходит солнце.

Боб Роджерс увидел, что на него перестали обращать внимание. Увидел он и свой револьвер.

Перемогая боль, он протянул руку и медленным движением потянул к себе игрушку. Левая рука была парализована каким-то дьявольским ударом, а на правой руке из пяти пальцев действовали лишь три.

И этими тремя пальцами Боб Роджерс нажал собачку...

Сухой звук выстрела и Таао повисла на руке Бинги.

Пуля вошла в спину и вышла из груди. Бинги сначала хотел вернуться к Роджерсу и добить его, но Таао, обливаясь кровью, беспомощно повисла на его руке.

Боб Роджерс потерял сознание.

VIII

Место, где произошла потасовка, предназначалось для лунных идилий. Роджерсу не повезло; но зато его храброму сержанту Риббу повезло, и очень. Он хорошо провел время с двумя сочными чертовками и навеселе возвращался в факторию.

Надо сказать, что он удивился, когда нашел своего патрона в таком печальном виде. Рибб перетащил Роджерса к пироге, а дома заботливо перемазал, перебинтовал, перемыл, раздел и уложил в постель. Боб Роджерс заснул, не приходя в сознание...

— Что ты скажешь, Рибб? — прохрипел Роджерс, делая попытку встать. — Не находишь ли мою оснастку немного неудачной?

Он не мог больше сдерживать себя и, ругаясь бесчеловечно и зверски, рассказал Риббу о драке. Решили сейчас же устроить расправу над негодеям.

Рибб помог Роджерсу выйти на веранду. Роджерс за ночь отоспался и значительно окреп. Призванные к веранде полицейские туругу стояли молча, опустив голову.

— Эй, вы, щенята! Н'гакуру требует Бинги.

Туругу молчали и еще ниже опустили голову.

— Что же вы носы повесили?! Или хотите, чтобы я отремонтировал ваши плевательницы?!..

Молчание. Боб Роджерс взял лежавший около него револьвер и выстрелил в ближнего негра. Тот упал, а остальные попытались разбежаться.

— Стойте, собаки! — заорал Боб Роджерс, — если хоть один из вас тронется с места, то живым не уйдет никто! А ну-ка, Рибб, доставь сюда вон ту черную воблу. Приведи Бинги, черт!

— Масса Роджерс, — запинаясь, начал негр, — Бинги очень сильный. Менеде боится Бинги, масса сама должен взять Бинги. Мы не пойдем за Бинги. Все равно, что там — смерть, что здесь.

Роджерс понял, что с ним не сварить каши.

— Ладно, — махнул он рукой Риббу, — уведи этот скот.

У Боба Роджерса сложился определенный план действий. Он вызвал по телефону Лагос.

— Алло, кэптен Грефе? У меня неприятности с моей шайкой. Необходимы вы и еще четверо, чтобы поймать одного черного мерзавца.

— Алло, Роджерс, добрый день! Можно устроить! Мы доканчиваем наш джокер. Вам, наверно, интересно знать, кто выиграл.

— Честное слово, кэптен Грефе, у меня дело худо и, во всяком случае, не до джокера. Обеспечьте вашим партнерам выигрыш — жареных шишов на кокосовом молоке.

— Старина Боб, у вас хмурое настроение. Очевидно, дело действительно серьезно.

— Кэптен, простите, но у вас сегодня на языке засели фуру. Плюньте на джокер, пошлите все к чертям и жарьте

сюда. Я вам устрою хороший десерт из черных красоток.

— Олл-райт!

Через час, в сотне метров выше фактории Роджерса, звонко застучали о каменистое дно брода несколько пар копыт.

Шесть джентльменов в сверкающих белизной пробковых шлемах, серых бриджах, серых рубашках, в желтых крагах, с кольтами на поясах.

Все шесть прекрасно сидели в седле и все шесть курили трубки.

Перебинтованный и замотанный Роджерс, вместе с Риббом, встретил прибывших и с грехом пополам уместился в седле своей лошади.

— В чем дело? — спросил его загорелый парень лет 28-ми.

— Плохо, кэптен! Не правда ли, я здорово разукрашен?

— Есть малость, старина; как фигура на картах.

— Это меня отделал черный, сильный, как дьявол. Дело вышло из-за девчонки.

— Есть! Отправляемся. Мы сделаем хороший соус из его мозгов к жареным гусеницам, а весь его женский штат пойдет на десерт.

IX

Бинги не спал всю ночь. Он не мог бежать. Рана Таао приковала его к месту. Выстрел попал в легкое. Из горла шла кровь. Бинги целовал Таао, но она ничего не чувствовала; она металась в агонии и бредила ужасами прошедшей ночи.

Где-то на деревне уже стучали тамтамы, кудахтали куры. Разносились веселые голоса ребятишек.

Кое-где уже собирались идти на плантации. Вдруг по деревне пронесся какой-то человеческий вихрь. Три негра неслись к хижине, перегоняя друг друга.

Влетели в хижину и заговорили все трое. Бинги остановил двух и дал слово одному:

— Говори ты, Ябада!

— Бинги, спасайся немедленно! Шесть белых дьяволов и белый мокунджи из дворца Н'гакуру как бешенные несутся к нам. Приходили туругу и сказали, что они идут убивать тебя и хотят сделать из твоих мозгов соус к жареным гусеницам.

Таао захрипела, Бинги, сдерживая волнение, сказал:

— Хорошо, друзья, оставьте меня и скажите, что вы не видели Бинги, что вы с ним не говорили. Нет, лучше ничего не говорите. Вы видите, что сделал белый с дочерью Таманады, что сделал белый с лучшей девушкой вашего племени. Вы возьмете ее и отнесете к Лэттере к Сабанги.

Но негры не унесли Таао живой. Она, не приходя в сознание, изошла кровью и умерла. Негры молчали.

Шум на деревне рос. Деревня знала, что этот странный Бинги избил белого господина.

— Я скроюсь на берегу за слоновой зарослью. Там белые ничего не могут сделать, а у меня есть место, — сказал Бинги неграм. — Идите и не говорите ничего, а Таао отнесите к Таманаде и скажите ему, кто был виновником ее смерти.

На другом конце деревни слышались гиканье и крики.

— Они, — догадался Бинги.

Выскользнули из хижины. Негры с Таао пошли на север к реке, к племени Сабанги.

Бинги побежал вниз на запад, к морю.

С другой стороны хижины Бинги, почти в тот же момент, отскочило и бросилось в сторону криков и гиканья старое, пестрое, длинное существо. На его голове был нахлобучен меховой колпак с воткнутым вверх страусовым пером. Ноздри были пронизаны длинной костью. На шее — бесчисленное множество амулетов. В мочках ушей тоже какие-то костяшки и, наконец, расписанные красным и синим, серые от грязи брюки висели на его худых длинных ногах.

Это был Таратога, — главный колдун племени Н'гапу.

Совершенно случайно он подслушал эту важную весть. Его хижина была недалеко отсюда. Когда он проходил к себе от мокунджи, то увидел, как три пыхтевших от скорого бега негра вбежали к Бинги. В привычках Таратоги — все знать, и он подслушал.

Он понял, что за это дело он, с одной стороны — сможет получить много абсента и виски, а с другой — представлялся прекрасный момент, чтобы избавиться себя и мокунджи от неисправимого смутьяна. Он знал, что белые заедут к нему и поэтому остановился на пороге своей хижины.

Таратога не ошибся. Белые подъехали к нему. Рибб слез с лошади и подвел негра к Роджерсу.

— Что ты знаешь сейчас о Бинги? Правда ли, что его тут нет? — спросил он.

— Таратога всегда знает очень много. Н'гакуру любит Таратога, но Таратога не хочет говорить здесь.

Пришлось Роджерсу слезть. В хижине Таратога сказал ему, что Бинги несколько минут назад удрал к слоновой заросли, в свое логовище. И что если они поедут по дороге, через рощу масленичных пальм, то смогут его догнать.

— Хорошо! Если ты сказал правду, то получишь достойное тебя, если нет, то тоже — по достоинству.

Восемь джентльменов прогалопировали через деревню и выехали на дорогу к слоновой заросли, о которой говорил им Таратога.

Бинги, не спеша, бежал по дороге.

Но Таратога показал белым путь, идущий наперерез. Путь масленичных пальм пересекал слоновую тропу и вот, в месте этого пересечения, преследователи заметили перебегающего Бинги.

Когда Бинги их заметил, то было уже поздно. Они нагоняли его; на их стороне — скорость лошадиных сил.

Забавное зрелище, — стадо диких слонов! Забавно оно тогда, когда вы зритель, а стадо на экране кино.

Недаром черные называли это место слоновой зарослью.

В тот момент, когда несчастный Бинги уже выбился из сил, после проделанных десяти миль, в слоновой заросли шла свалка.

Два ярко выраженных слоновых самца претендовали на власть племени. Стукались клыки, раздавалось свирепое урчанье, в воздухе мелькали колоссальные серые массы и сверкали фонтаны брызг.

Один, самый большой слон, защищался от семи тоже не маленьких животных. Он забрел сюда дорогой, пристал и позволил себе вольности со слонихами. Племя не снесло такого оскорбления и яростно наступало на обидчика...

Преследователи только что хотели перейти с галопа на рысь и взять на мушку собаку Бинги, — но не убивать, а только ранить, — как вдруг увидели, что он страшным прыжком нырнул в заросли.

Роджерс выстрелил, но пуля попала не в Бинги. Бинги был уже по ту сторону дороги. Пуля попала в самца, удиравшего от разоренного стада.

Самец, от недоумения и боли, на мгновение остановился, затрубил, затем резко повернулся и бросился на преследователей.

Восемь джентльменов решили, что им ничего не остается, как покончить с этим животным. Они дали по нему залп. Слон опять затрубил и за ним показалось бешено несущееся, ломавшее все на своем пути, стадо. Слон ринулся на белых, стадо — за ним.

Белые предпочли скрыться на узкой тропинке. О преследовании Бинги в таком аду нечего было и думать. Долго еще они слышали ужасный рев слонов и трескотню ломающегося леса...

Губы Бинги побелели. Но Бинги почти радовался; он был спасен. Теперь он мог добраться в племя Сабанги или

в какое-нибудь другое и продолжать свое дело мести. Слоны спасли его.

Крупный лес кончился. Начался бамбук. Бинги решил пройти к берегу и искупаться. После 12-ти миль непрерывного бега под страхом смерти так хорошо выкупаться, а потом полежать на солнце и поваляться в песке.

Солнце стояло в зените и с моря тянул легкий бриз. Недалеко залаяла собака. Откуда собака? Бинги не вытерпел и, пересилив слабость, побежал.

Собачий лай приближался. Наконец, бамбук перешел в тростник, а затем кончился и тростник. Бинги выбежал к тихому песчаному берегу. В песке он увидел выброшенную приливом шляпку. На шляпке какую-то надпись. Бинги умел читать по-английски, но этих букв он не понимал. Он подошел ближе.

Из шляпки ему навстречу выскочила худая, измученная собачонка. Она прижималась к земле, виляла обрубленным кончиком своего хвоста и жалобно смотрела на Бинги.

В шляпке он увидел белого человека.

Бинги инстинктивно отпрянул назад. Нет! Он не будет связываться с белыми. С него хватит. Бинги повернулся и хотел уйти. Собачонка судорожно бросилась к нему под ноги. Она прыгала на него и но пускала. Бинги колебался. Белый человек в лодке вздохнул.

Бинги решился и подошел к нему. Бинги нагнулся и снял с пояса флягу.

Когда он подносил флягу ко рту белого человека, на его рубашке он увидел два значка и фляжка выпала из рук Бинги.

Бинги увидел красную звезду и портрет. Он знал эти раскосые глаза, эту улыбку, этот высокий лоб.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

или сто семнадцатая жена

I

— Убери своего верблюда, ленивая скотина! Или ты не видишь, что лошадь моего господина боится?

— А ты бы посоветовал своему господину не выписывать лошадей Аллах знает откуда. Местная не стала бы фордыбачиться.

Верблюд, на единственном горбе которого покачивалось что-то вроде площадки, употребляемой наездниками в цирке, стоял у подъезда белого как снег дома и, равнодушно поворачивая голову, с гордым презрением косился в сторону молодой лошади, выделяющей фортеля в оглоблях легкого кабриолета.

Человек, сидевший в кабриолете рядом с кучером, наблюдал верблюда с большим интересом. Собственно говоря — не верблюда, так как верблюды в Афганистане так же многочисленны, как собаки на улицах Москвы; а его сбрую, чрезмерно, даже, можно сказать, необузданно-роскошную сбрую. Охватывавший морду животного ремень, заменяющий обычные лошадиные удила, и тянувшиеся от этого ремня поводья, были разукрашены золотыми пластинками, и на местах скрепления, тяжелые золотые кисти свисали на морду и шею одногорбого уroda. Площадочка на его спине была укрыта роскошным восточным ковром, а ремни, прикреплявшие ее к горбу животного, сверкали серебряными пластинками с вырезанными на них изречениями Пророка. Костюм погонщика, начиная с чалмы и кончая широким белым бурнусом, был сшит из тончайшего шелка. Все говорило о том, что владелец выезда безмерно богат и своим богатством любит хвастаться перед другими.

— Чей это верблюд? — спросил сидевший в кабриолете

европеец своего кучера.

— Кому принадлежит этот одnogорбый урод? — окликнул кучер погонщика.

Погонщик внимательно оглядел не блещущий новизной экипаж, презрительно скользнул глазами по волновавшейся лошади и, низко склоняя голову, в знак уважения к тому, чье имя он произносил, ответил за себя и за верблюда:

— Нашего господина зовут Чандер Рао Налинакша.

Сидевший в кабриолете европеец поморщился. С Налинакшей, крупнейшим купцом всего Афганистана, у него были дела, устраивавшиеся далеко не к выгоде владельца кабриолета... Пожалуй, лучше избежать ссоры с верблюдом такого крупного и безжалостного кредитора.

— Брось! — сказал европеец своему кучеру, видя, что тот намеревался продолжать спор. — Брось, я пойду пешком,

Но раньше, чем он успел поставить ногу на подножку экипажа, из-за поворота улицы вынырнул автомобиль, сразу положивший конец недоразумению. И лошадь, и верблюд, оба в одинаковой степени, испугались чудовища с огненными глазами и метнулись в сторону. Кабриолет покачнулся, вылезавший из него европеец нырнул под брюхо верблюда и сочно выругался...

II

Съезд на раут полпреда СССР был в полном разгаре.

У полпреда много неприятных и скучных обязанностей. Но из них — самая неприятная, это — обязанность принимать важных и нужных людей. Во время такого приема приходится все время быть начеку, следить за каждым своим словом и детально взвешивать и оценивать все качества собеседника. При этом, ни на одну минуту не надо забывать об обязанностях хозяина и старательно угощать гостей, нарочно с пустыми желудками приезжающих на такого рода вечера. Особенно трудна последняя обязанность на Восто-

ке, где люди до крайности щепетильны в вопросах гостеприимства.

Арахан проделывал все полагающиеся церемонии. Он встречал гостей в дверях парадного зала — зала, выходящего в сад широкой тенистой верандой; отвешивал глубокие поклоны восточным гостям, крепко жал руки европейцев и с тоской подсчитывал, сколько еще приглашенных должны пройти мимо него.

Наконец, входная дверь в последний раз захлопнулась за каким-то жирным стариком в чалме, и Арахан направился на веранду. Здесь предстояла еще более трудная задача. На веранде стояло около дюжины маленьких столиков, сервированных к легкой закуске. Надо было обойти все столы, посидеть около каждого, точно учитывая, какому столику можно уделить десять минут, а какому за глаза довольно и пяти. В разговоре то и дело приходилось переходить с английского на немецкий язык, с немецкого перескакивать на французский, а между тем и другим вести короткие беседы на местном наречии. Слова путались в голове и минутами казалось, что на плечах не голова, а огромный арбуз, а вместо косточек — в арбузе разные слова почти всех языков мира.

Разговаривая, Арахан то и дело бросал взгляды на дверь внутренних комнат, откуда должна была появиться Женья и освободить его от половины работы.

У Жени в этот вечер было не меньше забот, чем у ее начальства. Это был первый раут, на котором она показывалась посетителям полпредства не как деловой секретарь полпреда, а как женщина и, волей-неволей, как хозяйка. Счастливые мужчины! У них для таких случаев форма одежды предписана законами хорошего тона. Идет или не идет к ним фрак — они его одевают, потому что так установлено. В отношении к женщине буржуазные обычаи поступили крайне жестоко. Они коротко обмолвились, — в таких-то случаях надевается вечерний туалет.

Вечерний туалет. Хорошее дело! В обычное время, вечерний туалет Жени состоял в том, что она, сбросив жавшие ноги ботинки, одевала старые стоптанные туфли. Те-

перь — дело иное. Так просто не выкрутишься.

На диване перед ней были разбросаны легкие полувоздушные тряпки и Женя, стоя посреди этого газового, шелкового и батистового хаоса, вела себя совсем странно....

Она не перебирала ткани руками, не ласкала ими свое лицо, словом, не проделывала всего того, что проделывают девушки из французских романов и героини Вербицкой, а просто сосредоточенно и довольно крепко ругалась, путаясь ногами в шлейфе какого-то дикого сооружения из кружев и атласа. Нет, эту дрянь она ни за что не наденет. Вот, эта, может быть, нырнула она в другую шелковую ловушку. О, черт! Оказалось, что это не платье, а одно декольте. На кой дьявол прислали ей эту дрянь? Что она будет делать со всем этим? К черту! к черту! к черту! Платье за платьем летели в угол комнаты, пока, наконец, одно, наиболее скромное не снискало благоволения. Женя быстро оделась, взглянула на себя в зеркало и осталась довольна. Затем достала из вазы несколько роз и быстрыми движениями приколотла их к платью. Хорошо!

Теперь поправить прическу и... Удивительное дело! Обычно, Женя справлялась с прической в два счета. Но сегодня! Зеркало говорило ей слишком приятные вещи, чтобы она смогла так скоро расстаться с ним. Еще один локон. Еще один!..

Арахан в нетерпении не сводит глаз с двери, ведущей в Женину комнату. Ему обязательно нужно, чтобы кто-нибудь занял вон того толстого болвана в чалме. Женя могла бы сделать это. Почему она так долго? Что за чертовщина!

Арахан знал своего секретаря, товарища Женю, энергичную, умную и толковую девушку; довольно миловидную, всегда просто и со вкусом одетую. Но Арахан совсем не знал, что есть Женя-женщина, способная на одну лишнюю минуту задержаться перед зеркалом и продлить эту минуту за пределы часа.

И когда, наконец, она появилась в дверях и остановилась на пороге, разглядывая гостей, приподнявшихся ей навстречу, Арахан несколько мгновений не мог произнести ни слова; и когда, наконец, справившись с собой, сказал,

обращаясь к присутствующим: — Господа, рекомендую. Мой секретарь! — то слова его звучали скорей вопросом, чем утверждением.

III

Чандер Рао Налинакша еще не стар. Ему недавно минуло сорок два года и он вступил в ту пору жизни, когда мужчина становится настоящим мужчиной.

У Чандера — большая, спадающая вниз черная борода, огромные, как ночь, глубокие глаза с темно-синим оттенком. Чандер Рао красив, но красота у него какая-то страшная, отталкивающая, и долго смотреть на него не то что невозможно, а неприятно. Неприятно также чувствовать на себе его пристальный и какой-то всегда оценивающий, всегда взвешивающий взгляд.

Это последнее испытала в сегодняшний вечер Женя.

Она уже полчаса беседовала со стариком, оказавшимся каким-то крупным хлопководом, вразумительно разъясняющим ей различные сорта хлопка. В эти полчаса глаза Налинакши не отрывались от нее.

Первое время она думала, что это простое любопытство восточного человека, — качество, которым на Востоке обладают поголовно все, — но мало-помалу убедилась, что следящие за нею глаза как-то слишком внимательно скользят по ее лицу и по складкам ее платья. Она пробовала поворачиваться спиной, боком, пробовала, наконец, сделать рассерженное лицо. Ничего не помогало. Чандер Рао Налинакша следил за каждым ее жестом, следил упорно и настойчиво...

Когда Арахан проходил мимо столика, за которым сидели старик и Женя, она остановила его и спросила, нарушая все правила хорошего тона, по-русски:

— Слушайте, что это за черномазая фигура, вон там, в углу?

Арахан удовлетворил ее любопытство, а Чандер Рао, заметивший, что разговор шел про него, отвел свои глаза в сторону. Через несколько минут Чандер Рао был в другом конце веранды и разговаривал там с каким-то низеньким толстым афганцем, одетым в уродливо сидевший на нем европейский костюм.

— Ты понял меня, Мустафа? — говорил толстенькому человеку Чандер.

— Понял, Рао!

— Все должно быть сделано быстро, ловко и тихо. Ни криков, ни сохрани Аллах, крови быть не должно!

— Я не маленький, Рао, можешь не беспокоиться.

— Иди!

Маленький толстый человек вышел из дома полпредства. Едва он показался у выхода, как к подъезду подкатил щегольский автомобиль. Человек сел в автомобиль, шепотом отдал какое-то распоряжение шоферу, и машина тронулась.

Проехав несколько улиц, автомобиль остановился. Толстый человек выскочил и свернул в один из переулков, а шофер продолжал свой путь.

В переулке было темно, так что в двух шагах можно было принять стену за человека, а человека за дерево. К темноте примешивалось несметное количество ям, камней и каких-то канавок. Среди всего этого хаоса свернуть шею было очень простым делом. Однако человек, выскочивший из автомобиля, шел совершенно уверенно, словно глаза его были глазами кошки, способной видеть в темноте: он ни разу не споткнулся, не налетел на камень и совершенно уверенно подошел к маленькому домику, ничем не отличавшемуся от любого соседнего. У дверей этого домика он постучал три раза, потом, через некоторый промежуток времени, еще три и, наконец, при третьем троекратном ударе,

дверь отворилась и какая-то фигура осветила лицо стучавшего фонарем, поднятым дрожащей старческой рукой.

— Войди, Мустафа! Аллах да благословит твой приход!

Мустафа не замедлил последовать любезному приглашению и, сделав несколько шагов по коридору, очутился в комнате, наполненной такими ужасающими запахами, что даже привычный к ним человек должен был в первую минуту зажать нос.

Представьте себе небольшое помещение без окон, с одной-единственной дверью, занавешенной старым, рваным ковром. Представьте себе, что в этом помещении несколько десятков людей, лежа на полу, подложив под головы деревянные тумбочки, тянут из нескольких десятков трубок отвратительное снадобье, наполняющее комнату приторно сладким запахом. Представьте себе, что все эти люди невероятно грязны, что их лохмотья кишмя кишат насекомыми, что они по двое и более суток на шаг не выходят из комнаты, что от жары по их телам струятся потоки грязного и вонючего пота, что перекурившиеся извергают на пол потоки желтой жидкости, что плевки, наполненные страшным ядом, испаряются на черном полу, что сквозь дым, чад и полумрак лица людей кажутся совершенно желтыми, что одна-единственная лампа-коптилка освещает только фигуру худого, как скелет, грязного, как комната и страшного, как семь смертных грехов, человека, сидящего у двери и следящего за курильщиками. Представьте себе все это и вы представите курильню опиума.

Что тянет людей в этот ад, в этот притон? Что заставляет их отдавать все заработанные за день крохи за несколько трубок одурманивающего зелья? Что?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо взглянуть на тех, кто лежит на полу и отдается действию яда. Надо всмотреться в их истомленные голодом и работой лица, надо прощупать на их телах шрамы, нанесенные ударами войск и полиции, надо взглянуть на мозоли их загрубелых пальцев.

В курильни опиума людей гонит вековечное рабство, беспросветное угнетение и полная безнадежность. В слад-

ком сне они забываются от горькой жизни, а очнувшись от этого сна, превращаются в обезволенных маньяков, бес- сильных бороться, неспособных восстать. Вот почему евро- пейцы так усердно поддерживают распространение этой отравы в покоренных ими частях Азии.

Мустафа недаром пришел в эту страшную дыру. Муста- фа отлично знал, что здесь он найдет нужных ему людей. Достаточно обратиться к караулящему у дверей хозяину и тот вам доставит покорных и честных исполнителей для любого дела. В курильнях опиума всегда есть люди, гото- вые пойти на все, чтобы иметь возможность заплатить за лишнюю трубку курева. Ради опиума, ради счастья погру- зиться в сладкие грезы уставший от жизни человек отдаст все, продаст себя в вечное рабство.

Таких людей искал здесь Мустафа и таких людей при- вел ему сгорбленный и полуслепой от старости хозяин ку- рильни.

Санди, Рагор и Миндра.

Так звали этих людей.

Ну и молодцы это были! На лице каждого, словно на пластинке фотографического аппарата, запечатлелись все человеческие пороки. У Санди не было одного глаза и по- ловины левой щеки, причем уцелевшие части лица покры- ты были какими-то темно-лиловыми нарывами, местами переходившими в желто-синие язвы. Волосы, редкие и ка- кие-то бесцветные, росли пучками, как кустарник в степи, а нос раздулся огромной картошкой, испещренной синева- тыми жилками. Рагор отличался полным отсутствием лба и провалившимся в пропасть греха и разврата носом, а Мин- дра имел на своем лице столько шрамов, что совершенно нельзя было определить, чем он видит, говорит и ест.

Мустафа слегка поморщился, разглядывая эти три гра- ции, вынырнувших из мира наркотических видений и пре- ступления.

— Дело есть! — коротко сказал он.

Санди промычал в ответ что-то похожее и на утверж- дение и на вопрос. Рагор шмыгнул провалом носа, а Мин- дра издал свистящий звук.

— Сейчас получите вот это, — подбросил Мустафа на ладони несколько золотых монет, — а когда все будет сделано, то еще столько же. Поняли?

Трое опять ответили какими-то неопределенными, нечленораздельными звуками.

— А дело ваше будет заключаться вот в чем. Пойди прочь, ты, — цыкнул он на не в меру любопытного хозяина. — Пойди прочь!

Толстое лицо Мустафы и отталкивающие рожи трех преступников приблизились друг к другу и долго прерывистый шепот дразнил любопытство хозяина курильни.

IV

Верховую езду Женя любила с детства. В этом отношении она прошла ту простую, но хорошую школу, в которой, вместо разговора о развернутых коленях и ввернутых носках преподается правило: держись так, чтобы ни один черт тебя не сбросил.

В восемь лет она уже умела мчаться на неоседланной лошади по степям Туркестана, а в двенадцать — проделывала на спине скакуна все те фокусы, которые раскрашенные старухи демонстрируют, к удивлению ничего не смыслящей толпы зрителей, на смирных, как щенки, манежных лошадях. И, притом, в большинстве случаев, без седла.

Женя отлично знала, что седло — вещь далеко не такая приятная, как кажется. Она знала, что неоседланный конь более удобный, приятный и спокойный способ передвижения. Главное — привыкнуть к езде без седла на рыси. А что касается галопа, карьера и тому подобных «страшных», с точки зрения обывателя, вещей, то они совершенно невинны, когда вы своими ногами обвиваете свободную от седельного сооружения лошадь.

Опять-таки, стремена. Только полный невежда может думать, что со стременами дело легче и безопаснее. Кто знает верховую езду, тот знает, какими неприятностями грозит

стремя человеку, не овладевшему трудным искусством езды в седле.

Поэтому Женя была крайне огорчена, когда Арахан сказал ей, что в настоящем своем положении она без седла выезжать на прогулки не может и единственное, что утешило ее, — это прекрасный костюм, делавший ее похожей на героиню Джека Лондона, писателя, которому Женя уделяла большую часть своего свободного от занятий времени.

И сегодня, готовясь к своей обычной прогулке, она с удовольствием натягивала прекрасные бриджи, надевала американскую рубашку, завязывала галстук и прятала непокрытые волосы под поля стетсона. Сегодняшняя прогулка обещала быть очень интересной. Она подробно разузнала о том, что неподалеку от города находятся развалины древнего храма Солнца и собиралась их навестить.

Когда она вышла на крыльцо, ей подвели прекрасную полукровку. Она легко вскочила в седло и чуть тронула каблуками бока лошади. Лошадь сразу пошла хорошей легкой рысью, но песок улицы утомлял животное и Женя легким движением поводов перевела его на шаг.

Подъезжая к окраине города, Женя подумала о том, что не худо было бы еще раз проверить дальнейшее направление пути и искала глазами кого-нибудь, у кого можно спросить об этом. Улица, однако, была пуста и только мальчишка в тюбетейке и одной рубашонке копался в песке около маленького грязного домика. Отлично зная, что мальчишки — народ наиболее осведомленный во всем, что касается всякого рода развалин и других мест для лазания и прятков, она поманила его к себе и, сунув ему в руки мелкую монету, попросила показать дорогу.

Мальчишка, обрадованный монетой и тем, что эта странная женщина в мужском костюме говорит на родном ему языке, охотно дал требуемые сведения и, через секунду, лошадь Жени галопом шла по пыльной дороге.

Мальчишка долго смотрел ей вслед а когда повернулся, то увидел перед собой лицо, такое страшное, какое бывает только у шайтанов. Обладатель этого лица схватил пы-

тавшегося удрать мальчишку за руку и голосом, свистевшим, хрипевшим и шипевшим, как сотня простуженных граммофонов, спросил:

— Куда поехала женщина?

— К храму Солнца, — слышалось в ответ сквозь слезы испуга.

— К храму Солнца!

Человек отпустил мальчишку. Мальчишка мгновенно исчез в воротах одного из домиков, а человек свернул в переулочек.

Через несколько минут из переулка выехали трое людей на верблюдах и погнали животных в том направлении, в котором уехала Женя.

Лица у этих людей были такие, что, увидев их один раз, уже нельзя было забыть всю жизнь. А так как ты, читатель, уже видел однажды обладателей этих лиц, то сразу узнаешь в них Санди, Рагора и Миндру.

V

Развалины храма Солнца лежали верстах в пяти за городом. Много, много столетий тому назад, как говорили местные предания, тогда, когда люди не молились еще великому Аллаху, когда Магомет, принесший правоверным их учение, еще не жил на земле, могущественный царь, чьи владения простирались далеко на восток и запад и в чьих владениях никогда не заходило солнце, построил этот храм. Бесконечное количество богатств пошло на постройку этого храма. Сognи тысяч рабов таскали тяжелые камни, из которых складывались его стены, караваны за караванами привозили из отдаленнейших окраин царства, мрамор и малахит, самоцветы и яшму. И вот, когда храм был почти готов, рабы, работавшие над его постройкой, взбунтовались.

Бунт был усмирен быстро и жестоко и сотни тысяч непокорных были принесены в жертву богу Солнца при освя-

щении нового храма.

С тех пор ходила сохранившаяся и по сие время легенда о том, что тени этих рабов бродят в развалинах храма и по ночам громко взывают о мести.

В дни народных волнений, в годы национальных войн, никогда не утихавших в Афганистане, развалины этого храма служили местом тайных сборищ, заговоров и складов оружия. В горячих боях и схватках между восставшими и усмирителями развалины не раз переходили из рук в руки, и то, что не успело сделать время, сделали пули, ядра и динамитные патроны. От некогда величественного и роскошного храма остались одни развалины.

Но все-таки, храм поражал непривычный к нему глаз. Редкие уцелевшие колонны пугали своей вышиной и массивностью; кое-где сохранившиеся стены были покрыты странными кабалистическими узорами, тут и там попадались уцелевшие своды подземных ходов; в намеченных фундаментом залах высились еще жертвенники, высеченные из сплошного камня, вероятно, те самые, на которых пролили свою кровь рабы, восставшие при постройке.

Каменные изображения крылатых быков и полульвов-полутигров виднелись на карнизе кусками, висевшими между некоторыми колоннами. Огромные бассейны, выложенные мрамором, теперь поросли травой и кишмя кишели всеми гадами, водящимися в пустынях Азии...

Женя несколько раз объехала вокруг развалин, потом выбрала часть, менее поддавшуюся разрушительному влиянию времени, и, соскочив с лошади, привязала ее к кустарнику, выбивавшемуся между гигантских плит. Сделав это, она вынула из кармана блокнот и карандаш и стала зарисовывать внешний вид храма. Затем она вошла во внутрь развалин, останавливаясь у каждой колонны, каждого барельефа, каждой надписи на стене. Она впитывала в себя ароматы прошлого, жила запахами легенды и с увлечением заносила на бумагу все мелочи, поражавшие глаз.

Мало-помалу она забралась в самую глубь обширных развалин и нырнула в отверстие какого-то подземного хода.

И в ту минуту, когда она хотела войти в открывшееся перед ней подземелье, до ее слуха донеслось ржание лошади. Испуганное, нервное ржание.

Женя поспешно вышла обратно и, перепрыгивая через камни, почти побежала к тому месту, где оставила лошадь. Не успела она сделать нескольких шагов, как из-за одной колонны, преграждая ей дорогу, выступили три человеческих фигуры с лицами, закрытыми белыми капюшонами накинутых на плечи плащей.

Несколько минут все четверо стояли, не двигаясь и разглядывая друг друга. Женя силилась понять, что это могут быть за люди. Санди, Рагор и Миндра раздумывали, на кой чорт понадобилась Налинакше эта женщина в мужском костюме. Наконец, Женя сделала движение, словно приказывая ши расступиться, и тогда один из них, преграждая ей дорогу, сказал:

— Ты должна ехать с нами! Так сказал Чандер Рао.

Чандер Рао! Женя вздрогнула. Перед ней встали темные, как ночь, глаза длиннобородого человека, неотступно преследовавшие ее вчера вечером. Она поняла их взгляд, она поняла, зачем здесь перед ней эти люди и...

В руке Жени блеснул маленький браунинг. Человек, стоявший прямо перед ней, мгновенно нагнулся, а другой быстрым движением сильной руки обезоружил девушку. Потом кто-то сзади накинул ей на голову мешок.

Она билась, кричала, кусалась, но ее зубы хватали только грязную и грубую ткань мешка, ее крики терялись в этом мешке, как в темнице, а ее барахтанья были бессильны против железных рук, поднявших ее на воздух и понесших куда-то.

Куда? — она не знала.

.
.
.
.

VI

Лошадь Жени прибежала домой к обеду. Испуганный и удивленный Арахан поднял на ноги весь город, а далеко за городом, в песчаном море мчались три верблюда, на горбе одного из которых всадник придерживал странную продолговатую ношу, завернутую в мешок.

VII

Вдалеке от значительных центров, около маленькой деревушки, раскинулись хлопковые плантации Чандера Рао Налинакши. Куда ни кинешь взглядом, везде его земли, его поля.

В центре этого обширного хозяйства расположена резиденция господина и властителя многих сотен рабочих. По своему внешнему виду главный дом этой резиденции, в котором живет сам Рао, впрочем, не живет, а только изредка наезжает, мало чем напоминает обычные дома восточных купцов. В его архитектуре сказывается рука европейского художника, и дом не столько выдержан в восточном стиле, сколько нарочито стилизован. Его резные входы, купола и башенки представляют собой пеструю смесь всех знаменитых дворцов и мечетей; а его внутренние комнаты мало чем отличаются от комнат любой европейской виллы. Правда, большой парадный зал покрыт восточными коврами и уставлен мягкими, нагоняющими лень и сон тахтами, но дальше, за этим залом, в деловых комнатах, все — по-европейски, даже по-американски. В кабинете самого Налинакши американское бюро, вращающиеся этажерки и телеграфный аппарат. От Востока здесь остались только мягкие ковры да приспособления для курения кальяна. В столовой — мебель, сделанная по рисункам лучших германских конструкторов, рядом со столовой прекрасно обору-

дованная бильярдная окончательно убеждает вас в европейских вкусах хозяина.

Если в вашей деловой работе вы сумели стать необходимым Чандеру Рао, и если ваше знакомство ему полезно и нужно, то приглашение провести пару-другую дней в его дворце не замедлит последовать. И все время, пока вы будете гостем Чандера, он изо всех сил будет стараться убедить вас в своей полной европеизации. Вы увидите прекрасную коллекцию марок, которую собирает этот азиатский купец; вы будете наслаждаться картинной галереей, состоящей из крайне редких экземпляров, в большинстве эротического содержания; вы залюбуетесь тщательно и со вкусом подобранными трубками и напрасно будете хвалить одну из них, особенно вам понравившуюся, в надежде на то, что хозяин, согласно восточным обычаям, насильно всунет ее в карман вашего смокинга. Ничего не поможет! Перед вами Чандер Рао будет выдержанным европейцем и к обеду, — разочарование! — выйдет в безукоризненном фраке.

Прогостив у него достаточное, по законам приличия, время, вы уедете в удобном шестиместном автомобиле и разочарованно будете рассказывать знакомым, как вы напрасно пытались разглядеть восточного деспота под костюмом и манерами европейца.

А между тем, восточный деспот был все время около вас и, так только вы уехали, скинул проклятое одеяние, сшитое у лучшего лондонского портного, и облачился в роскошный халат и чалму. Потом смазал благовониями свою роскошную бороду, позвал молчаливого слугу и, заставляя его раскрывать перед собой двери, проследовал через анфилады комнат туда, где за тяжелыми, спущенными с потолка тканями скрывалась массивная чутунная дверь.

Здесь он оставил слугу и, вынув из складок своих шаровар огромный ключ, повернул его в плохо смазанном замке. Замок скрипнул, дверь отворилась и Чандер остановился на пороге, любуясь открывшейся перед его глазами картиной.

Теперь он был в маленькой ложе, устроенной так, что, невидимый для других, он мог видеть все и смотрел, как, не подозревая о его присутствии, сто шестнадцать женщин плескались в огромном мраморном бассейне.

Кого-кого только не было в этой голой, визжащей, барахтавшейся, возившейся с бесстыдством, которое дает уверенность что никто их не видит, толпе женщин. Француженки и немки, англичанки и дочери Ирландии, блестевшие, как хорошо начищенные сапоги, негритянки, итальянки с черными глазами, индианки, китайки и японки, женщины Персии и Кавказа, светловолосые и сильные норвежки. Это была коллекция, собираемая с любовью и знанием дела, постоянно обновляемая, коллекция живая, хохочущая, возившаяся в серебряных брызгах полной благовония воды. Эту коллекцию Чандер Рао никому не показывал.

Вы могли быть не только нужным ему человеком, вы могли быть его другом, его близким родственником, человеком, спасшим ему жизнь, братом и больше чем братом, и все-таки вы не получили бы доступа в гарем, где сто шестнадцать женщин были собраны для удовлетворения его необузданного восточного темперамента.

Только слухи ходили о гареме Чандера, только завистливые разговоры об этой, единственной в мире, наиболее полной и удачной коллекции, одним из главнейших достоинств которой было то, что самой старшей из всех жен Рао было всего семнадцать лет.

Только сам Чандер да немногие посвященные в дело люди знали, как набиралась эта коллекция. У Чандера был принцип — не покупать. Товар должен был быть украден для него, и за это он платил ворам крупные суммы. И товар, по прибытии во владения Чандера, не должен был быть старше двух лет. Жертвы его сластолюбия выращивались в гареме, под его неусыпным надзором, а по достижении восемнадцати лет снабжались крупной суммой денег и отправлялись на все четыре стороны. Впрочем, последнее в том случае, если они вели себя хорошо и гарантировали своим поведением отсутствие каких бы то ни бы-

ло претензий к похитителю. В противном случае, каждая почему либо возбуждившая подозрение пленница гарема, достигнув восемнадцати лет, просто-напросто, в один прекрасный день бесследно исчезала.

Таким путем Чандер поддерживал свою коллекцию в постоянно свежем состоянии и только одно обстоятельство мучило его сознание. Среди собранных им экземпляров не было ни одной русской.

Последний экземпляр этой национальности «выбыл из строя» накануне семнадцатого года и с тех пор Налинакша не решался брать в свой гарем женщин страны, в которой жены вместе с мужьями работали в учреждениях, управляющих жизнью государства. Кто ее знает, какие беды могла натворить большевичка в его тихом гареме.

Как случилось, что, увидев Женю, он забыл о своем принципе не брать в гарем взрослых, Налинакша не знал. Красота этой золотоволосой девушки пробудила в его восточном сердце страсть, заставившую разум отступить на второй план. В первый же момент он сказал себе:

— Эта женщина будет в моем гареме!

А раз Налинакша сказал...

Короче говоря, когда Женю освободили от окутавшего ее мешка, она увидела себя в огромной восточной комнате, в кольце ста шестнадцати пар глаз, с любопытством разглядывавших новенькую.

VIII

Одна женщина с особым волнением изучала Женю. Жена сразу поймала на себе пристальный взгляд двух черных глаз и выделила из толпы других маленькую женщину восточного типа с двумя тяжелыми косами, падавшими до самых икр смуглых ног.

Эта женщина была Фатъма, любимейшая жена Чандера Рао. Фатъма находилась в том возрасте, когда восточная женщина является наиболее полным воплощением женствен-

ности, в том возрасте, который стоит на самой грани неумолимой и печальной старости, в возрасте полной зрелости, полного расцвета. Фатьме было четырнадцать лет.

Я не смеюсь и не иронизирую, о читатель! На Востоке женщина не знает того переходного периода, который у нас называется девичеством. На Востоке как-то сразу из девочки-ребенка вырастает женщина, полная жизненных сил, раскрывающаяся для любви и страсти. Перед ней сразу открывается вся жизнь. Будущее кажется ей бесконечно прекрасным, полным молодости, сил и здоровья. Рано вступая в пору зрелости, она кажется счастливее своих европейских подруг, у которых жизнь крадет еще несколько лет. Да, она кажется счастливее и, увы, только кажется. Едва почувствует она первое набухание груди, едва ее одежды первый раз окрасятся каплями крови, алыми вестниками зрелости, как гарем, безжалостный восточный гарем, схватит ее в свои объятия и примется за свою разрушительную работу.

Гаремная жизнь! Вот учреждение, ярче всего рисующее вред безделья, вред отсутствия умственной и физической работы. День за днем протекают в бесконечном однообразии, в пожирании несметного количества вязких и пряных восточных сладостей, в ссорах или нежничаниях с подругами, в долгом сне, переходящем в хроническую сонливость. Мышцы начинают обрастать слоем жира, кожа дряблеет и сморщивается, съеденные сладостями зубы крошатся и чернеют, мозг тупеет от полного отсутствия умственного напряжения, и два-три года такой жизни превращают женщину в старуху. И повелитель ее гарема, заметив первые морщины, лениво отдает приказание:

— Убрать!

Фатьма еще не познала всего этого, она только год провела в гареме Чандера и, окруженная ласками и заботами влюбленного в нее самодура, черпала полными пригоршнями удовольствие роскошных нарядов и диковинных сладостей. Драгоценности, переданные в ее полное распоряжение, еще не наскучили ее маленьким ручкам, и ее пальцы еще любили перебирать самоцветные камни, спрятанные

в ларьке из красного дерева. Чувство жизни, умение любить жизнь еще не покинули ее.

И сегодня из всех женщин одна Фатъма искренне интересовалась вновь прибывшей. Остальные быстро удовлетворяли свое любопытство, ощутив Женины бриджи, попробовав мягкость выбившихся из-под стетсона волос и отошли со скучающим видом, кто — валяться на мягких коврах и подушках, кто — плескаться в бассейне. Фатъма осталась наедине с таинственной незнакомкой в мужском костюме.

Она внимательно исследовала ее мягкие высокие сапоги, сняла и повертела в руках шляпу, тронула стек, погладила затянутые в перчатки руки. Женя позволяла ей все это, в свою очередь, с любопытством и восхищением разглядывая этот образчик гаремного зверька.

Наконец, Фатъма почувствовала, что для полного удовлетворения мучившего ее любопытства необходимо кое о чем порасспросить золотоволосую незнакомку, и уже открыла было рот, как вдруг сообразила, что чужестранка не поймет ее языка. На лице Фатъмы выразилось глубокое огорчение, и она знаками пыталась объяснить Жене, что хотела бы знать — сколько ей лет.

Женя улыбнулась и спокойно сказала:

— Спрашивай меня! Я все понимаю!

На минуту Фатъма так и застыла с полуоткрытым от удивления ртом, потом пришла в себя, схватила Женю за руку и потащила ее на край бассейна, к возвышению, устроенному из сваленных в кучу подушек и ковров.

Здесь она уложила Женю и начала сыпать вопросами. Ответы поражали, казались совершенно невероятными; многие понятия требовали объяснений и разговор затянулся. Некоторые из женщин подошли к ним, остановились, удивленные тем, что эта девушка свободно говорит на понятном им наречии, и приняли участие в беседе.

Это был своеобразный вечер вопросов и ответов в гареме. Едва только Женя рассказала им о своей работе, как градом посыпались вопросы о России, о русских женщинах и в ответах на эти вопросы Жене пришлось прочесть целую

лекцию по истории женского движения и рассказать о происхождении советской власти. Слушательницы были поражены. Они никогда бы не поверили всему этому, но Женя, с ее мужским костюмом и независимым видом, была живой иллюстрацией рассказа.

Все-таки были и недоверчивые. Были такие, которые решили, что девчонка просто хвастает и что при первом столкновении с гаремным режимом вся ее хваленая независимость полетит к черту, и она окажется такой же бабой, как все они; да вдобавок еще бабой хвастливой. Поэтому, когда в дверях комнаты показался евнух, лица многих искривились двусмысленными улыбками и сто шестнадцать жен Чандера, не исключая и Фатьмы, отошли в сторону и наблюдали, как новая добыча их повелителя будет усмирена роскошью наряда и парой-другой драгоценных камней.

Впрочем, то, что они увидели в руках у евнуха, превзошло все их ожидания. Даже привыкшая к роскоши Фатьма вздрогнула от восторга. Таких тканей, таких красок она еще никогда не видела среди подарков Чандера. Это была шелковая поэма, пенящаяся, горящая всеми оттенками радуги. И вдобавок, сверху пышной шелковой груды, падая до земли, змеились золотые и жемчужные цепи, меж которыми сверкали красные, как кровь, рубины и горели алмазы величиной с грецкий орех. Какая женщина устоит перед этой роскошью!

IX

Раз уж мы попали в гарем, то нельзя нам с вами, читатель, пройти мимо обязательного гаремного обитателя — евнуха. Евнух — это не просто страж нескольких десятков женщин, заключенных в роскошную темницу, не просто слуга, обязанный присматривать за гаремными порядками. О нет, — евнух гораздо больше; он фактический властитель всех вверенных ему женщин; шпион, соглядатай, от которого не укроется ни одна тайна, ни один секрет, ни

одно шепотом сказанное слово. Он знает тайные помыслы всех жен своего господина, он держит в руках нити всех гаремных заговоров и интриг. Одного его слова достаточно, чтобы погубить любую, даже самую любимую и красивую затворницу. Подозрительный, ревнивый и деспотичный хозяин, не имея возможности лично наблюдать за всем, что творится в женской половине его дома, волей-неволей должен верить евнуху, как своим собственным глазам и ушам. И нередки случаи, когда совершенно неповинная женщина, и притом женщина, пользовавшаяся особым расположением господина и повелителя, шла на мучения, а иногда и на смерть, по ложному доносу толстого скопца, обиженного недостаточным с ее стороны вниманием.

Пользуясь этим, евнух требует от женщины гарема неограниченного подчинения малейшим его капризам и его грязным похотливым желаниям человека, утратившего способность удовлетворения, но не потерявшего и даже еще более развившего свое сладострастие. Евнух человек, отдавший в жертву господину и гарему свой пол, превративший себя в обезличенное, серое существо, потерявший право на местоимение «он», донельзя нелепый и жалкий со своим ожиревшим, как у женщины, телом и лишенным растительности, лицом. Он существо низшего порядка, бесполое полуживотное, не лишенное, однако, разума, разума, ожесточенного на тех, ради кого он обезличился. Гарем и хозяин — вот то, что он ненавидит всеми фибрами своей мрачной души, души скопца-сладостлюбца. Служа им обоим, он им обоим мстит; мстит на каждом шагу, при каждой возможности. Он никогда не забудет пинка, полученного им от повелителя. Он никогда не забудет циничной и злой шутки одуревшей от скуки женщины, он все это сложит в дальний ящик своей памяти и, при первом удобном случае, заварит такую кашу, что и повелитель и гарем несколько дней подряд будут жить в кошмаре ревности, грызни и побоев.

Он ничего не может сделать силой или открытой злобой. Слабый, как женщина, забитый и обиженный, он только исподволь, потихоньку, из-за угла, может наносить свои

удары. Поэтому он должен быть вкрадчиво-мягким, приторно-вежливым, внешне незлобивым и неопасным. Из поколения в поколение, от евнуха к евноху передаются веками выработанные нормы поведения, неписанные, но непреложные законы касты. Веками вырабатывается тип евнуха.

Неслышные кошачьи шаги, вкрадчивый и мягкий голос, полная покорность перед всякими ударами судьбы, готовность услужить всем и всегда, отодвигание себя на второй план и разговор о себе не иначе, как в третьем лице, а за всем этим, — постоянная настороженность, вечное обдумывание очередных пакостей, очередных историй.

Все это накладывает на евнуха чисто внешний отпечаток. Он ходит чуть-чуть согнувшись, на ходу присматриваясь и прислушиваясь, всегда потирает руки, как человек, разговаривающий сам с собой. На его лице одновременно выражаются несколько мыслей, и оно является воплощением неискренности и лживости. Он вздрагивает и настораживается при малейшем шорохе и громко сказанном слове, он съеживается и как бы подставляет спину для удара, когда в разговоре с ним повышают голос. А в общем и целом, он отталкивающе противен и напоминает скользкую извивающуюся змею.

Х

Женя разглядела евнуха только тогда, когда он, подойдя к ней и не опуская из рук нарядов и драгоценностей, приветствовал ее низким поклоном и словами:

— Мой повелитель, любимый сын Пророка, Чандер Рао Налинакша шлет тебе эти подарки, о женщина, и приказывает надеть их.

— Что? — вскинула глазами Женя и увидела сморщенное лицо, лишенное всякой растительности, с отвратительным подобием улыбки на нем.

— Что? — повторила она. — Какой такой повелитель!

И не удостоив евнуха дальнейшим разговором, повернулась к нему спиной.

Евнух вздохнул и, обойдя тахту, на которой сидела Женя, появился с другой стороны:

— Мой господин и повелитель, возлюбленный сын Пророка, Чандер...

Женя перебила его на полуслове.

— Не трепись, — крикнула она евнуху по-русски и тотчас лее перевела свои слова на понятный ему язык. — Пойди к шайтану с твоим повелителем и твоим Пророком. Да, кстати, прихвати с собой эти вонючие тряпки.

Евнух почтительно выслушал всю эту тираду и продолжал:

— Мой господин и повелитель, о женщина, не допустит такого поведения в своем гареме. Мой господин и повелитель, о женщина, осчастливил тебя своим вниманием и ждет от тебя...

— Что? — Женя вскочила на тахте во весь рост и стояла, сжимая в руках стек. — Что? ты учить меня собираешься, бесполоая обезьяна?!

Это было слишком. Евнух побледнел от нанесенного ему оскорбления. Сто шестнадцать жен Чандера Рао Налинакши сдвинулись ближе, стоя в прозрачной воде бассейна, на самом краю которого евнух держал перед белой женщиной роскошные подарки.

— Мой господин и повелитель отныне и твой господин и повелитель, — вразумлял евнух непокорную. — Он возвеличит тебя, если ты окажешь ему должное внимание, и он покарает тебя...

— А? — Женя сделала шаг вперед. Евнух невольно отодвинулся и с трудом удерживал равновесие на самом краю бассейна.

— А? Кто покарает меня? Что ты сказал? Слушай, ты, безусая баба. Я считаю до трех. И если ты не уберешься вовремя, то... Раз...

Евнух съежился, предчувствуя неприятную развязку, но, боясь потерять свой престиж перед следившими за происходившим женщинами, не трогался с места.

— Два!

Евнух жалко покрутил головой и заморгал глазами.

— Три!

Обтянутая тонкой кожей высокого сапога нога Жени вытянулась вперед, выбила из рук евнуха ворох тканей, которые, как яркие птицы, порхнули в воздухе и упали в воду, задела подбородок евнуха, и страж гаремной невинности последовал за шелком, камнями и золотом...

Того, что последовало за этим, Женья, по правде сказать, не ожидала. Она не рассчитывала на тот эффект, который произведет вся эта история.

Не прошло и получаса, как в двери гарема вошел евнух, сопровождаемый несколькими слугами. В руках у слуг были длинные бичи. Они шли заказывать дерзких.

Такие наказания не редкость в гареме. Обычно женщины покорно принимают их, как должное, и спокойно отдают свое тело в руки палачей. Но сегодня дело было иное. Едва евнух и слуги переступили порог гарема, как женщины повернулись им навстречу, сбились в кучу и приготовились к защите. Женья быстро оценила момент и, спрыгнув с подушек, позвала Фатьму и с ее помощью надела на себя костюм. Второпях она не заметила, как приколотый к рубашке портрет упал на землю и как Фатьма, подняв его, заколола свою чадру.

Увлекая за собой Фатьму, Женья вырвалась вперед и бросилась навстречу палачам. Сто пятнадцать женщин как одна последовали за ними. Слуги и евнух были смяты в одно мгновение и даже не пытались защищаться. Гнев придавал женщинам нечеловеческую силу. Две из них подхватили кричавшего в отчаянии евнуха, сдернули с него одежды и понесли его к одному из столбов комнаты. Там они его подняли на высоту человеческого роста и кусками шелка прикрутили так, что он едва мог дышать. Слуг разложили на мягких коврах и вернули им все полученные когда-либо удары. В довершение, одна из более догадливых нырнула на дно бассейна и там закрыла выходное отверстие, обрекая дом Налинакши на потоп.

Сделав все это, женщины бросились к выходу и разбежались по саду и комнатам дома, а частью выбежали и за пределы фактории.

Несколько минут спустя у ворот фактории послышался троекратный рев автомобиля.

Чандер Рао Налинакша вернулся в своя владения.

XI

Повелитель ста шестнадцати жен стоял в дверях гарема и смотрел, как слуги возвращали беглянок. Были пойманы все. Некоторые из них шли, виновато опустив глаза в землю и не смея взглянуть на своего господина, который методически отсчитывал удары па телах пойманных. Некоторые сопротивлялись и их несли, перекинув на плечо, как мешки с хлопком.

Часть причитала, проклиная глупую чужестранку, устроившую всю эту кашу, часть бросала ругательства в лицо Чандера и его слуг. Сам Чандер, внешне спокойный, внутренне бесновался и ждал того момента, когда слуги доставят ему эту проклятую большевичку, чтобы расправиться с ней.

Однако, ни Жени ни Фатьмы не было. Сто пятнадцать жен были водворены на свои места, сто пятнадцать ударов нанесла рука Чандера, а о двух главных зачинщицах не было ни слуху, ни духу. Чандер бесновался, рассылая все новых и новых слуг, и только к вечеру один из них вернулся усталый и запыленный, чтобы сообщить, что беглянки скрылись в великих джунглях.

Налинакша молча выслушал его и решительным голосом отдал приказание.

Через пять минут четыре самых лучших коня были выведены из конюшни, и четыре всадника отправились на них по направлению к границе Индии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой репортер сходит с рельс

I

Главный колдун Нью-Йорка не имел причин быть недовольным.

Главный колдун Нью-Йорка, мистер Чарльз В. Лоув сделал хороший бизнес для себя и для своего коллеги — главного колдуна Канзас-Сити. Но, очевидно, это не помешало ему получить таинственное письмо из Тексаса.

Август, 21, 1928.
Тревожный месяц.
Неделя неудач.
Безнадежный день.

М-ру Чарльзу Лоуву.
Главному колдуну.

Дорогой Чарли, выезжай немедленно, есть горячие дела и хорошая охота.

С наилучшими пожеланиями остаюсь в святом и ненарушимом союзе

Гарри Б. Террель, главный колдун клана 86.

М-р Лоу в потерял письмо и уехал на запад. Письмо нашел в коробке сигарет «Янки Дудль», в Атлетик-Клубе, Дикки Ред.

Прямо из Атлетик-Клуба Дикки отправился домой.

В три часа в контору Армаур-Стар-Компани, Уолл стрит 199, явился человек с сединой, говорившей о положительных сторонах характера, и с сухостью в фигуре, указывающей на его деловые способности и военное прошлое.

Человек представился, как богатый фермер, полковник Уильям Ричвуд из Техаса, и сказал, что он имеет важное поручение от Чарльза Лоува.

Полковника Уильяма Ричвуда принял вице-президент треста, с брюшком, подтверждавшим содержание рекламы в «Нью-Йорк Геральд» об окороках Армаур-Стар.

— Что скажете, м-р Ричвуд, какая погода в Техасе и сколько тысяч голов вы нам предлагаете?

— В Техасе прохладно, пустячки! Не больше тридцати градусов в тени. Скот превосходен и мои быки, смею вас уверить, стоят быков Блока с Рио-Гранде.

Но, уважаемый м-р Уотч, я хотел бы говорить о вами не только о погоде и быках. Я получил от Чарли наказ зайти к вам и осведомиться, не дадите ли вы какого поручения в Техас?

— Хорошо, м-р Ричвуд, но я, правда, не знаю, у меня ничего нет для ваших друзей. Если вы будете иметь честь поговорить со мной о скоте или о жаре на западе, то я весь к вашим услугам.

Уильям Ричвуд поблагодарил Уотча и вышел из конторы треста. Он пошел по Бродвею, а потом взял машину и поехал в редакцию «Дейли Воркер».

В этот же день Уотч пришел в скверном настроении духа в приемную своего секретаря.

— Что за расхлябанность, м-р Брокмен, куда завалился секретный протокол нашего последнего совещания?

Брокмен посоветовал Уотчу после обеда выпить стакан виски с содой.

— Хорошо действует, даю слово! — и дал Уотчу копию с протокола, которым тот интересовался.

Но у м-ра Уотча было полное тело, дом на Пятой авеню и жена. Поэтому думать долго ему доктор запрещал. Человеку, который не хочет преждевременно приобрести место постоянного жительства в мавзолее, вредно много думать,

много работать и много... Но ел м-р Уотч много. Что поде-
лаешь! Каждый человек потеет по-своему.

II

Дикки Ред говорил с редактором.

— Что делается в Канзасе, кроме кампании за подписку на нашу газету? Я знаю, что заводы треста Армаур-Стар хотят объявить снижение на 20%. Дивиденды Либби Мак-Нейля не дают им покоя. Они подкупили санитарную инспекцию и пустили в работу гнилой скот. Потом я знаю, что в Канзасе в городское управление намечены перевыборы. Там раскрыто злоупотребление, не так ли? Штат в руках Ку-Клукс-Клана, но в Канзасе соотношение голосов совершенно другое и если с ребятами что-нибудь не случится, то белые колпаки не сосчитают своих голосов в городе.

Я еду в Канзас! А вот вам бумаги, которые обличают Армаурский трест и государственную санитарную инспекцию. Ждите меня, я скоро буду!

В Канзас Дикки приехал в семь часов. В городе стояла духота и свирепствовала пыль. Машина, на которой Дикки поехал в Холливуд, сломалась на полпути и он предпочел пройти остальную половину расстояния пешком.

Прежде всего, Дикки встретил знакомого парня с заячьим ухом, по имени Том Пакля, в прозвище которого, без сомнения, были виновны его волосы. Том Пакля радостно приветствовал Дикки, с которым он познакомился в редакции.

— Старина Дикк! — фамильярно бросился он к нему. — А знаешь ли, — продолжал он таким тоном, как будто бы вчера распивал с ним пиво, — пока черт где-то трепал твою шкуру, у нас дурацкая история!

— Что такое?

— Ты знал этих миляг Мак-Кэна, О'Нейля и Крена? Ну, так вот, они предпочли скрыться в неизвестности и мы не знаем, что делать. Некому баллотироваться на выборах и

опять пройдут белые колпаки.

Дикки отправился к месту жительства О'Нейля. Том Пакля пошел с ним. По дороге их нагнал шофер.

— Алло, мистер! Не хотите ли продолжать путь?

— Да! — если через метр не повторится история с машиной.

Дикки и Том Пакля сели в автомобиль и благополучно доехали до дома, где проживал О'Нейль.

В его комнате Том Пакля повторил свой рассказ, а Дикки Ред нашел окурочку сигареты марки «Янки Дудль».

— Прекрасно, — сказал он, — Том Пакля, можешь повесить меня, если я не найду ваших ребят на ранчо Гарри Терреля.

— Больно, старик, ты высоко прыгаешь.

— А разве у вас гористая местность?

— Что?

— Разве у вас, говорю, гористая местность и до ранчо Терреля трудно добраться?—повторил Дикки Ред.

Как и следовало ожидать, у Тома Пакли нашлись знакомые: рыжий Джек и черный Билль. Резкий контраст их внешности не мешал им быть душевно единым существом.

Ранчо Терреля находилось в 20 милях на запад от Канзаса, а рыжий Джек и черный Билль состояли ковбоями при ранчо.

— Слушай, старина Том, — сказал Дикки, — я здорово хочу спать, приходи ко мне в отель ровно в 10 утра и мы отправимся в путь.

III

Наутро утро Дикки был готов к путешествию и, когда Том Пакля вошел к нему в номер, то встреча была не очень трогательной.

— Эй, мистер, что вы потрошите чужие карманы? — сказал он.

Человек, стоявший к нему спиной, не обратил никакого внимания на этот скромный окрик. Это был здоровый малый с далекого запада и хлесткий конец его косынки задорно подпирал вихры волос на затылке.

Том Пакля, недолго думая, подошел ближе и нежно ударил джентльмена, шарившего по чужим карманам, по шее.

Тогда малый обернулся.

— Брось, Том Пакля, валять дурака, — сказал он, — поезд уходит в 10.30 и я совершенно готов.

Вышли на станции Коровий Брод. А у ранчо встретили рыжего Джека и черного Билля. Они курили свои трубки и вспоминали фруктовые консервы у старика Бодроуса в городе.

— Слушай, — сказал рыжий Джек черному Билли, — ты не думаешь, что это Том Пакля?

— Да, — ответил черный Билль, — я думаю, что это он!

Они поздоровались и Том Пакля представил друзьям Дикки.

— Вот, рыжий Джек, мой приятель Дикки, прекрасный парень; он хотел бы, как и я, получить работу в ранчо, но, к сожалению, у него нет прозвища,

— Что ж, — ответил Джек, — вид у него классный и раз он твой приятель, то он будет работать на ранчо и мы назовем его Дикк Паклин.

Дикк Паклин, Том Пакля и два приятеля пошли к управляющему ранчо.

— Два хороших ковбоя никогда не лишни в таком большом хозяйстве, — подумал управляющий, и они подписали контракт на один год.

В этот же вечер Дикки загонял скот, как заправский пастух, а в салуне старого Сэма показывал ребятам, как не моргая дуть виски с перцем.

После хорошего прогона по залу в шимми под веселого тапера, он и Том Пакля тихо покинули трактир и, сев на своих лошадок, поскакали на ранчо.

В пятистах метрах от дома в скалах и холмах терялось ущелье и объемистые пещеры, часто служившие загоном

для низкорослого скота,

У входа в ущелье стояло двое белых истуканов. Дикк Паклин с одной стороны, а Том Пакля — с другой оглушили, раздели, связали и спрятали в кустах белых младенцев. После короткого знакомства с документами, в пару секунд, Дикк Паклин стал Джебсом Мак-Дугласом, клигруппсом и ранчером с запада, а папаша Том обрел счастье в имени Джонатана Стивенсона.

Через полчаса пришли трое джентльменов и последний из них, такой же белый осел, как и все, сказал, что братья могут уйти с поста.

Дикк Паклин бросил взгляд на лошадей. Над деревом, к которому они были привязаны, по-прежнему безмятежно колыхался белый платочек. Оба исчезли в глубине ущелья.

Под яркий свет высокого, крестообразного факела несколько десятков околпаченных молодцов, под председательством двух главных колдунов с какими-то птицами на груди, валяли дурака, или иначе — вели заседание ложи клана 86.

Дикк понял, что двое с птицами и буквами Г. С. — это Чарльз Лоув из Нью-Йорка и Гарри Террель — владелец ранчо. Он понял, что связанные, в красных повязках на глазах, у стены — это Мак-Кэн, Ричард О'Нейл и Чарли Крен.

Правда, немного темновато, свет слишком тускл, но такой объектив, как у Дикки, мог взять какую угодно темноту. Незаметно спрятав аппарат в складках халата, Дикки наvertел целую катушку снимков и успел зарядить другую.

На собрании клана, собрании богатых ранчеров, салунщиков, отставных майоров, полковников, капитанов и других людей такого же сорта, вынесли решение. Ввиду предстоящих выборов, стачек и всевозможных передраг, в целях обеспечения общественного спокойствия в городе линчевать трех большевистских агентов.

— Слышишь, Пакля? — сказал Дикки. — Надо начинать!

Связанных отвели от стены и вся процессия, возглавляемая горящим крестом, двинулась к выходу.

— Том Пакля, — шепнул Дикки, — мчись скорее к ранчо, приведи пару лошадок, а остальных отпусти и полей им

под хвост скипидара.

От ущелья повернули в проход к большому дереву с сучьями, похожими на маленькие баобабы. Два высокого роста кузнеца и один старший леший заняли места палачей и приготовили веревки.

Том Пакля примчался и нашел Дикки на условленном месте.

Луна освещала долину и поблескивала на белых балахонах кланцев. Часто летучие мыши падали на белые халаты, а у горящего креста крутился рой ночных насекомых.

— Лошади за углом! — сказал Том.

— Хорошо, заставь их потоптаться на месте с пару секунд, а я буду работать с запада, — и Дикки прошел к дереву с другой стороны.

— Итак, братья, — болтал колпак нью-йоркского колдуна, — остаемся в святом и ненарушимом союзе и воздадим богу хвалу за его милосердие и справедливость...

— Леди и джентльмены, я должен сознаться, что вы окружены, — непочтительно прервал Дикки.

Белые колпаки заколебались. Два «пушечных» отверстия показывали свои дырки. Но так как все были безоружны, то никто не сказал ни слова.

— Верховные члены клана, потрудитесь развязать у трех джентльменов вечерние туалеты на их шеях. В случае отказа...

Кузнецы и леший быстро исполнили приказание.

— Леди и джентльмены, надеюсь на вашу скромность. Отвернитесь! Мак-Кэн, О'Нейль, Крен, идите прямо. Алло, Том, принимай!

— Леди и джентльмены, перемените позиции! Пользуйтесь моими указаниями.

Белые балахоны сгрудились и по мере того, как Дикки отступал к югу, где его ждали четверо всадников, — путаясь в фалдах священного одеяния, беспорядочно отходили назад.

Вскочив в седло, Дикки дал в воздух пару выстрелов и кавалькада бешено помчалась к железной дороге. Через несколько минут они услышали погоню. Дикки и Том не могли сократить расстояния, они не знали местности, а тот,

кто догонял, перерезал горы по малоизвестной тропинке.

Впереди вынырнула станция железной дороги. С запада приближался поезд. Через секунду на шоссе показались всадники, на путях поезд, и еще через пару секунд Том Пакля и Дикки Ред, О'Нейль, Мак-Кэн и Крен были на последней площадке последнего вагона, а по смежной линии бешеным галопом неслись оскорбленные в своих лучших чувствах члены клана.

— Если они попробуют уцепиться, — сказал Том Пакля, — будем стрелять.

Большая часть балахонов промчалась вперед к голове поезда. Меньшая, с угрожающим видом, мчалась, не отставая ни на один метр. Дикки спровадил спасенных ребят в вагон, а сам с Томом Пакля остался на площадке.

— Эге, опасность сверху! — крикнул Дикки Тому Пакле, замечая кусок белого халата.

Затем все пошло очень весело. Так, по крайней мере, казалось Дикки. Сверху лезли белые балахоны, а он и Том Пакля скидывали их вниз.

Гикавшие всадники отстали и на пути белели не очухавшиеся от ударов и падения тела.

— Да, мы порядком поработали! — сказал Том Пакля. — Я так шикарно вспотел.

IV

— Еще раз в проявитель, еще раз в фиксаж! Прекрасно!

В фотолаборатории, под красными тонами света, руки опускали в ванночку для проявления маленькую катушку пленок.

Дикки Ред! Если хотите, — Ричард Ред! Но Дикки лучше! Так любит больше он сам и все его так именно и зовут. Дикки!

Дикки — репортер «Дейли Воркер». Первый репортер. Понятно, что когда газета наладилась, в ней появились и другие, но Дикки был первым.

А вы думаете, что в Соединенных Штатах так приятно считаться репортером «Дейли Воркер»? Напрасно! Вы ошибаетесь. Репортер «Дейли Воркер» — пария среди других репортеров. Репортера из «Дейли Воркер» избегают, игнорируют, не пускают, выставляют; вообще — не церемонятся.

Для желтого репортажа президент Белого Дома устраивает периодически приемы. Но приемы у президента — это еще чепуха. На них ничего не решается.

Но вот, пускай попробуют попасть на какое-нибудь важное совещание биржевых королей, готовящих изменения в политических картах мира. Пускай попробуют! И тогда, когда желтых пускают потому, что у желтых вырезаны зубы, от красных отгораживаются колючей проволокой. Или легко, по-вашему, пробраться репортеру на стачку? Посмотрим! Во время стачки линия заводов охраняется правительственными войсками. На заводах работают стачколомы и их охраняют от излишнего ремонта.

В такое место от ассоциации прессы, от местной газеты, от центральных газет посылается рой репортеров, фотографов и кинооператоров. Весь материал, доставляемый ими, проходит через хороший фильтр и на другой день на двух газетных простынях вы будете читать о том, какие алчные звери — рабочие, как они избивают честных тружеников и как хорош владелец завода и какой рай дает он рабочим взамен их ничтожного труда.

Для обычного желтого репортера существуют определенные форматы, в которые он должен укладывать свой репортаж. Желтый репортер умеет пригонять точку в точку, к нужной мерке свой материал. Он знает то, о чем нельзя говорить, он знает то, о чем нужно сказать. Он получает хороший гонорар.

У желтых репортеров даже есть постоянные инструкции о желательных и нежелательных новостях. Он знает, что:

несчастье с рабочими на производстве нужно замалчивать,

несчастье с капиталистом афишировать; нельзя портить нравственность сообщениями о публичных домах и об оболыщенных. Нужно расписывать и копаться в туалетах нефтяной королевы, выходящей замуж за железного короля.

И в особую графу желательных новостей занесены:

сообщения о забастовках, когда число бастующих выше двухсот и затрагивает интересы крупной промышленности и задерживает транспорт и когда совершаются насилия над стачколомами.

У репортеров «Дейли Воркер» не было списка желтых ассоциаций, они работали по другим принципам.

Для репортера «Дейли Воркер» не существует рамок и границ. Он пишет обо всем, о чем нужно писать, и он, прежде всего, человек, а потом уже репортер.

Поэтому-то, когда происходят беспорядки на заводах, ведущие к забастовкам, наряды полиции и правительственных войск имеют на руках сотни оттисков с лиц репортеров «Дейли Воркер», а в особенности с лица первого и самого лучшего репортера рабочей газеты — с лица Дикки Реда.

А лицо у Дикки Реда было ярким и здорово врезывалось в память. Хороший лоб. Каштановые волосы, откинутые назад; плотный румянец на загорелых щеках. Темные брови и глаза — серые, прекрасные глаза. Добавьте к этому шесть футов античной фигуры, с нулевым процентом жира и каменными мускулами, и вы увидите перед собой репортера «Дейли Воркер».

Да! Ку-Клукс-Клан ненавидел Воркер-Парти и все, что с ней связано, но «Дейли Воркер» он ненавидел конкретно, а лучшего репортера «Дейли Воркер» — Дикки Реда, — каждый, кто оставался верным и преданным святому и ненарушимому союзу, готов был растерзать.

О рабочей газете Америки на английском языке мечтали годы и собирали от взносов цент к центру, доллар к доллару до того момента, пока не накопилось несколько миллионов. Тогда купили дом и оборудовали по последнему слову техники мощное орудие печати.

Редакция занимала большое семиэтажное здание. В нижних этажах помещались гаражи, экспедиции, склады, наборная, цинкография, печатное и переплетное отделения. В верхних — библиотека, отдел новостей, комната художников, костюмерная, комнаты редакторов отделов, репортеров, машинисток, лаборатория, станция беспроволочного телеграфа.

На самом верху была установлена антенна радиоприемника и два небольших ангара со стальными самолетами. Тут же на крыше находилась платформа, с которой отбывали с репортерами самолеты системы «Райт».

Одним словом, «Дейли Воркер» была по своему техническому оборудованию одной из лучших газет Нью-Йорка.

Со всеми штатами ее связывала густая сеть рабочих корреспондентов.

Двери редакции были окутаны плотной сетью электропроводов и, при желании, можно было в любом месте произвести частичный взрыв. Провода служили верной охраной на случай погрома со стороны Ку-Клукс-Клана и полиции.

Под землю из редакции вели ходы, выходившие в нескольких десятках метров от здания. Приходилось прибегать и к таким мерам. Враги рабочих организаций не дремали и пакостили где только можно.

V

Все кадры на катушке вышли великолепно. Два главных колдуна, крест, пленники, все собрание. Еще несколько минут Дикки печатал при искусственном солнце на бумаге большой чувствительности, а потом спустился к редактору.

Хирам Джонсон был очень доволен Редом.

Эти снимки дадут хороший тираж вечернему выпуску. Джонсон вызвал заведующего цинкографией и передал ему

снимки.

— Материал товарища Реда должен занять всю середину разворота и первую полосу.

«Дейли Воркер» бралась нарасхват. Громадные красные буквы разглашали тайну треста Армаур-Старт Компани и воспроизводили снимки с заседания ложи клана и с трех связанных замаскированных висельников.

По всем улицам надрывались от крика, шныряя между многочисленными авто, мальчишки «Дейли Воркер». Их крики были нечленораздельными, но внушительными и зазывающими:

«Очередной скандал в тресте Армаур-Старт-Компани».

«Администрация подкупает санитарный надзор».

«Дивиденды треста воняют гнилой падалью».

«Приключение репортера на западе».

«Белые разбойники Тексаса делают линч честным рабочим».

«Победа Воркер-Парти на выборах в Канзас-Сити».

Полисмены хладнокровно скрывали свое удивление. Все до единого брали «Дейли Воркер». Пять миллионов тиража расплозлось по стране и из-за нехватки пришлось выпустить второе издание.

В газете приводились снимки с бумаги, подписанной обличаемыми сторонами и заверенной нотариатом города.

На небе от Бруклин-стрит расходились громадные прожектора и рекламные аэропланы писали светящимися облаками заголовки «Дейли Воркер».

Стояла невыносимая жара.

В деловом кабинете президента Армаур-Старт толстый человек курил толстую сигару и читал газету. По мере того, как он залезал глазами и мозгами в черный, мелкий шрифт, дым плотнее окружал его лысину. Газета судорожно ежилась и толстое лицо толстого человека, курившего толстую сигару, перекошилось гневом.

Президент не любил вмешательства в его дела. Он поклялся самому себе в смерти репортера-разоблачителя. Он решил предъявить иск и обвинение в клевете к газете «Дейли Воркер».

К тому же, ему окончательно испортили настроение, прогулку на яхте и ужин с очаровательной Мэри Магден из центрального мюзик-холла.

В этот вечер все говорили о вечернем выпуске и о репортере Реде.

Редакция «Дейли Воркер» подверглась форменной осаде. Армия кодаков, кинооператоров теснилась у всех подъездов. Но не только у подъездов. Даже у домов и квартир сотрудников.

Все газеты хотели поместить портрет Дикки Реда. Дикки Ред не знал об этом и не мало смутился, когда увидел, что получилось из его «выхода из дверей редакции» по дороге к автомобилю.

Все они были очень корректны и Дикки не услышал ни одного слова.

— Что ж, он сделал, по их мнению, хороший бизнес!

Несколько десятков объективов зафиксировали со всех сторон Дикки Реда, засняли на киноплёнку, а карандаши художников закрепили в альбомах его движения.

Редакторы других газет в тайниках своих душ жалели, что они не могут так хлестко сделать сенсацию, а в своих передовицах прохватывали «московских агентов».

Впрочем, не все!

Газеты, не купленные Армаур-Старт, кое-что отхватили от сенсации и предприняли ряд мер, чтобы достать еще сведения о делах треста. Особенно на этом деле поработали триста газет Рандольфа Херста.

VI

Чарльз Лоув вернулся в Нью-Йорк в тот же день. А так как он был в то же время и директором нью-йоркского агентства Пинкертона, то до вечера пробыл там.

Вечером агенты облачились в белые халаты и спустились в подвальное помещение конторы. Там помещалась лОжа клана Нью-Йорк 197.

Между прочим, жена Чарльза Лоува приходилась внучкой знаменитому Нату Пинкертону — основателю агентства и старейшему члену ордена Ку-Клукс-Клан.

Но это неважно!

Разница в заседании городской ложи и тексасской заключалась в кресте. В Тексасе он был своеобразным факелом, горел, дымил и трещал; здесь он доверху блестел электрическими продолговатыми лампочками.

И потом, тут в подвале, были устроены приличные ложи и место для президиума.

При торжественном молчании Чарльз В. Лоув нажал кнопку и на экране одной из стен появился четкий портрет Дикки.

Главный колдун нажал еще кнопку и две огненно-красные черты перекрестили его.

Чарльз Лоув нажал третью кнопку и в месте скрещения красных полос появились белые буквы:

СМЕРТЬ.

А из углов лож на экран полетели острые кинжалы.

Так же молчаливо и бесшумно, как и при появлении, все исчезли из подвала дома нью-йоркского агентства Пинкертон.

На улицах стояла такая же духота. Зажглись мириады реклам и небоскребы светились тысячами звезд.

В воздухе стоял неприятный гулкий зуд города-колоса.

VII

Замечательная хорошая машинка — Ундервуд-Портэбл. Так четко работают клавиши и такой хороший шрифт. Лента тоже прелесть. Перевод регистра вверх, она красная — перевод вниз, она черная, а при нормальном положении у букв очаровательные красные кончики.

Каждый репортер любит Ундервуд-Портэбл. Каждый репортер пишет на ней и ни один репортер с ней не расстаётся. Это не реклама, это — истина.

В просторной, светлой комнате отдела новостей работает 30 человек. Это значит, что там такое же количество Ундервудов, Пресс-Бюро, Дубль-Леттергралл, Глоб-Верник Компани, серии электрических ламп и рядом в комнате — справочная библиотека с парой тысяч томов.

Окна комнаты выходят на три стороны и она помещается в углу шестого этажа. Сюда приходят и приезжают рабочие репортеры со всех штатов. Каждый из них может воспользоваться машинкой, составить ряд корреспонденций и сдать их редактору отдела.

Редактор отдела сообщит репортеру, что он должен освещать в жизни своего штата, проинструктирует его на ближайшее время и даст ему чек на получение гонорара.

Тут же рядом находится станция беспроводного телеграфа. Ежедневная почта приносит тысячную корреспонденцию и редакторы отделов имеют очень мало времени на личную жизнь. Они большую часть суток заняты правкой материала.

Не шутка наполнить интересным для рабочих всех Штатов материалом 48 полос 3-х ежедневных изданий.

Тут же находился особо важный отдел Советских республик и Коминтерна. Там работали все сотрудники, говорившие по-русски.

В отделе новостей работал Дикки Ред и симпатичная Ренни Моринс, сестра Дикки. Она, кроме того, работала и в отделе Советских республик, так как говорила по-русски.

У Ренни светлые волосы, темные глаза и Ренни прекрасно владеет стилем. Ренни очень любит Дикки.

Они оба заняты срочной работой. У Дикки Реда всегда важные и срочные работы. Но часы быют семь, а в этот час нужно обедать.

Ренни встала, прошла к столу Дикки и запустила свои руки в его густую шевелюру.

— Алло, Дикки, идем обедать!

Дикки знает, что можно работать, но он знает и то, что нужно есть, заниматься спортом, читать много книг и ходить в театр.

Они отправились обедать.

Только в Америке можно услышать настоящий, неподражаемый джаз-банд. Джаз-банд — это конгломерат звуков — монолит, тонна радио-силы, музыка сатаны. Джаз-банд освежает и наполняет нервы солнечной энергией.

Человек, который много работает, много переживает, много чувствует, любит джаз-банд. А джаз-банд в ресторане черного Билли не имел равных.

И Дикки Ред любил ресторан черного Билли по этим и многим другим причинам. Дикки был завсегдатаем ресторана черного Билли. В центре большой залы с зеркальными окнами находилась эстрада и на ней черный оркестр проявлял чудеса талантливости, экспансивности, энергии и быстроты.

С шести — между столиками начинались танцы. Все танцевали шимми, все танцевали фокстрот и уанстеп.

Дикки и Ренни заняли свободный столик.

Но не сразу к ним подошел лакей. Дежурным по столику Дикки был толстый Чарли. И он, по профессиональной привычке, перекинув через руку салфетку, направился к ним. Но он не сделал и трех шагов. Сухой, выбритый лакей дернул его за рукав.

— Стойте, мистер, этому джентльмену буду подавать я!

И он, хлестко тряхнув салфеткой, перекинул ее на другую руку, подошел к Дикки и подал карту.

Пока Дикки и Ренни рассматривали меню, он вытащил из бокового кармана карточку и стал ее внимательно рассматривать, бросая взгляды на Дикки. Когда, как показалось ему, он достаточно точно сравнил черты его лица и убедился в сходстве, он спрятал фотографию. Фотографию небольшую, перечеркнутую красным крестом с белыми буквами — с м е р т ь.

— На первое вы дадите нам консоме, на второе — свиную корейку и крем из дичи.

— Слушаю, сэр!

Лакей вернулся, накрыл стол, громыхая, поставил перед посетителями приборы и принес большие чашки крепкого бульона.

После двух вторых, Дикки попросил яблочный сидр.

Лакей как будто бы ждал этого.

Почему именно сверкнула еле заметная улыбка у лакея, почему эту улыбку не заметил никто из присутствующих, почему лакей не улыбнулся своими злыми глазами и ехидной, нехорошей улыбкой раньше? Почему? Он знал! Это хитрое, сухое, совсем не лакейского покроя животное знало; оно знало, что Дикки Ред попросит пить.

Иногда бывает такая безошибочная уверенность. В такие минуты человек может стать кем угодно. В такие минуты выигрывают сражения, переходят по тонкому канату Ниагару и убивают людей. Эту уверенность можно оправдать большим напряжением, повышенным темпом чувствительности и еще многим.

Уверенным движением лакей поставил на маленький столик поднос и на него два бокала. Потом он откупорил бутылку...

Занятая девочка Ренни. У нее всегда масса интересных тем и чересчур богатая фантазия. С ней можно говорить до бесконечности и никогда этот разговор не покажется скучным. И особенно занятные у нее волосы. Дикки, как бы впервые, посмотрел на свою сестру взглядом совершенно постороннего человека.

Тут же, в нескольких шагах, танцевало много женщин. Конечно, Дикки не сравнивал ее с этими бедными созданиями, выброшенными жизнью за борт. Нет, он просто смотрел. Они, например, красят щеки, губы, подводят глаза и пудрятся.

У Ренни прекрасный румянец, алые губы, под глазами естественная темнота кожи, брови почти черные, а щеки такие свежие и упругие.

Они пускают в глаза белладонну, чтобы сделать их больше, глубже; у Ренни глаза большие, глубокие, серые, такие же, как у него, но куда лучше.

Они делают что-то со своими ресницами и становятся похожими на больную кошку, у которой слезятся глаза. У Ренни густые, длинные ресницы.

Они пудрят... постой, интересно, есть ли пудреница у Ренни, что-то не помнит, видел ли он ее.

Дикки взял с края столика сумочку Ренни. Сумочку деловой, но хорошенькой женщины, сумочку, полученную Ренни в подарок от своего мужа — секретаря профсоюза Транспортных Рабочих.

Он повертел ее в руках и открыл. Там лежал носовой платок, стило, необходимое всякой журналистке, блокнот, несколько долларов, чековая книжка. Но где же пудреница?

Дикки позабыл про пудреницу в ту же минуту, как он наткнулся на зеркало, вделанное в крышку сумочки.

Длинные, волосатые, узкие пальцы всыпали в бокалы какие-то белые крупинки. Больше Дикки ничего не видит. Нет, он видит, что белые крупинки выскочили из двух больших камней, вправленных в оправу колец.

Дикки спокоен. Он уверенно чувствует себя, хотя знает, что пара синеватых глаз смотрят на его затылок со злобой и ненавистью.

Он закрывает сумочку Ренни и кладет ее на место. Его рука незаметно пробует твердость заднего кармана брюк.

Ренни просматривала взятые с собой из редакции русские газеты, так что вообще ничего не заметила.

По телу Дикки пробежала приятная судорога решительности. Он знал, что нужно сделать. Он знал, что он сделает то, что нужно.

В «Правде» Ренни читала о Москве, о России. Такие интересные вещи о такой интересной стране! Она с головой ушла в серые, скучные по внешности, полосы газеты. Своих газет американцы так не читают.

Она вздрогнула и оторвалась от чтения только после резкого звона быющих бокалов и глухого трепыхания по полу круглого подноса.

Сидевшие за остальными столиками ничего не заметили. Шум джаз-банда и танцующих пар покрывал все осталь-

ное. Однако лакей достаточно проклинал плечо Дикки.

— Ах, Дикки, — сказала Ренни, — какой ты неловкий!

Однако лакей, ползавший около столика и под столиком, был немного другого мнения о ловкости Дикки. Задний брючный карман Реда опустел и предмет, делавший его твердым, блестел в руках своего хозяина.

Лакей очень долго не вылезал из-под стола. С надувшимися на лице и на лбу жилами, он ползал и собирал осколки стекол. К его лбу прикасалось холодное дуло бесшумно стреляющего кольта. А другая рука, опиравшаяся о колено в серых брюках, протянулась к левой руке лакея и сняла с длинных волосатых пальцев оба кольца.

Наконец, лакей вылез. Он имел смущенный вид и спутанную прическу. Колени его брюк испачкались в пыли, на круглом подносе валялись осколки стекла от бокалов. Он сказал, обращаясь к удивленной Ренни:

— О, джентльмен очень ловок, мисс!..

— Еще сидра, — сказал Дикки, — но только я попрошу не давать бокалов, которые могут разбиться!

VIII

Опять Чарльзу Лоуву испортили настроение и весь вечер. Сегодня он провел день в поисках способа мести «Дейли Воркер». А уж если преемник Пинкертона ищет, то можно быть уверенным — он его найдет.

Утром он послал на дом к Дикки запечатанный пакет, но дурак-посыльный упал и адская машинка, спрятанная в пакете, разорвала его ослиную башку, сделав на улице хорошую суматоху и собрав кучу зевак.

Днем он готовился перетравить всю редакцию «Дейли Воркер». Послал своего человека с ядом, чтобы тот пустил отраву в редакционный ленч. Но эта месть не удалась.

Верного человека арестовали в трамвае в тот момент, когда он вытягивал бумажник у какого-то типа в котелке.

И вот Чарльз Лоув ждал вечера. Ждал с нетерпением, надеясь, что уж тут не будет никаких недоразумений. Он ждал условленного звонка.

В восьмом часу Лоув узнал, что состоялся еще один позорный провал.

— Идите к черту, олухи! — напутствовал он своих неловких и неумелых исполнителей.

Чарльзу Лоуву не повезло.

Вы думаете, что на ночь работа в редакции замедляет свой темп? Если вы так думаете, то вы ошибаетесь. Ночная работа в редакции всех газет вообще, а в «Дейли Воркер» в частности, ни на чуточку не уменьшается.

Бегают по этажам молодые люди без пиджаков; рукава их рубашек или аккуратно подняты вверх и закреплены посередине резинкой, или засучены. Они готовят к сдаче самые важные полосы — полосы радиogramм.

В эти часы там, на самом верху, получают новые сообщения, их обрабатывают, перепечатывают, снабжают иллюстрациями и отправляют материал по пневматическим трубам в нижние этажи для набора, клишировки, верстки и печатания. Еще в это время поступают срочные вызовы на места важных происшествий и в несколько секунд дежурный репортер готов, ему уже подан «Форд», с ним хороший кодак, пленки, магний и все, что нужно для работы ночью.

А если нужно гнать куда-нибудь за несколько десятков миль, то репортер выходит на площадку этажа, поднимается на лифте вверх и к его услугам стальная птица.

Главный редактор Хирам Джонсон вызвал Дикки.

— Ред, — сказал он, — сейчас прибыл в город торговый представитель из России. Мы первые получили сообщение. Он остановился в отеле «Люкс», Бродвей, 138.

— Хорошо!

Дикки вернулся к себе, надел пиджак, кепи и спустился на первый этаж.

В распоряжении каждого репортера машина. И репортер должен сам управлять ею. Шоферов не полагалось. На легковых прекрасно обходились без них. Шоферы были толь-

ко в экспедиции, на грузовиках.

Проехав две улицы, Дикки заметил, что какая-то машина не отстает от него. Какая именно, он не мог рассмотреть, сильные фонари топили все в потоках света. Это было тем более неприятно, что он сам выделялся совершенно отчетливо.

Дикки ехал на самом простом открытом Форде, за ним шла сильная машина, — если принять во внимание расположение фонарей, — марки Паккард.

Дикки подумал, что за ним следят из какой-нибудь газеты, хотя и перебить сенсацию и решил запутать их. Он пересек Бродвей, проехал 14 авеню, миновал уже совсем пустые кварталы. Машина не отставала, а как бы умышленно шла за ним, сохраняя взятый интервал.

На одно мгновение Дикки разглядел ее. Им навстречу летел серый Кадиллак и лучи обеих машин скрестились. Он не ошибся. За ним шел Паккард и в кузове сидели три человека в пальто, с высоко поднятыми воротниками и в больших кепи. Четвертым был шофер.

Наконец, промелькнули последние городские улицы, потянулись фабричные здания, широкое шоссе, показался железнодорожный мост.

Паккард резко изменил тактику. В несколько секунд он наполовину сократил интервал и Дикки начал сомневаться в газетном происхождении людей из Паккарда.

Он сделал попытку прибавить ход, но Паккард не отставал. Теперь уже Дикки купался в волнах света, а чуть позже свет перекинулся вправо и вперед. Паккард пошел вровень с Фордом. Затем он потеснил машину Дикки к левой стороне дороги. Трое людей перескочили в Форд, оглушили Дикки хорошим ударом по голове и обе машины стали.

Дикки избит и связан. Шофер пересел с Паккарда в Форд и исчез. Трое свалили Дикки в кузов своей машины и свернули налево, к железнодорожному пути.

IX

На небе ни одной звездочки. Кругом — непроглядная тьма. Такая ночь предназначена для разбойных нападений и всевозможных несчастий. В такую ночь нет ничего легче, как столкнуться поезду с кем-нибудь.

На лбу Дикки вскочила большая шишка. Удивительно неудобно лежать поперек рельс, запеленатым в режущие веревки и в абсолютной тьме.

Телом Дикки нащупывал под собой гравий и шпалы. Лицо покрылось сальной пылью. Головой он обстукал рельсу и выяснил, что рельса не одна, а голова его стучает об уголки многих рельс. Значит, тут недалеко стрелка, а это пересечение.

— Ничего не видно!

Но Дикки приводило в смущение не это. Он думал о том, что по всем порядочным путям ходят порядочные поезда, имеющие обыкновение перерезывать лежащих на их пути людей. Надо сказать, уверенность в таком исходе немного неприятна.

К довершению всего, слух Дикки поймал в рельсе зуд. Зуд приближался, он еще не заявлял о себе откровенно, а только инстинктивным, отдаленным намеком. Сомнений быть не могло. Приближался поезд.

Ни кричать, ни двигаться! Удивительно приятно. Во рту тампон. Он разрезает рот и, несмотря ни на какие усилия, языка не выскакивает.

Плечи привязаны к чему-то и ноги также. Дикки Ред буквально пригвожден к своему странному ложу.

Паккард данным давно исчез по направлению к городу.

XI

Чарльз Лоув потирал от удовольствия руки. Главного виновника его канзасского провала можно считать конченным

человеком.

Недавно приезжали его молодцы. Их он оставил на последний момент. Бравые ребята. Они рассказали ему все, до мельчайших подробностей.

— Теперь ничто не может спасти проклятого мальчишку!

Через три часа они привезут ему подтверждение. Он решил не ложиться спать и ходил по кабинету со своей неразлучной сигаретой «Янки Дудль». Все такое хорошее и вкусное! И замечательный этот писатель Локк, так успокаивает нервы. Он наслаждался.

Через равные, приблизительно, промежутки он поглядывал на свои часы. Иногда он подходил к окну и опять-таки радостная улыбка появлялась на его лице.

— В такую тьму нет спасения!

Печальная штука столкновение поездов. Сколько жертв! Сколько шума, криков! Иногда поезда останавливают бандиты, иногда спускают их под откос, иногда они сами на-talkиваются и крушатся.

Последнее случилось с поездом «Молния» на станции Джерсей, недалеко от Нью-Йорка. Поезд «Молния» летел и никого и ни о чем не спрашивал. Он знал, что стрелочник переведет в нужную секунду путь, знал, что для него, поезда «Молнии», всегда чиста дорога и что он не может опоздать ни на секунду.

Но из-за темноты что-то у кого-то перепуталось и поезд «Молния» врезался в транспорт нефти. Все смешалось в кашу и начался пожар.

Пожар был вскоре ликвидирован. На линии работали экстренно вызванные санитарные отряды. Разбирали балки, спасали оставшихся в живых, подсчитывали убытки, составляли депеши и телеграммы.

Десятки апатичных телеграфистов бесстрастно механически выстукивали депешу. Железнодорожное начальство в смятении соображало, что делать. Какую сумятицу внесло это происшествие в движение! И во всем этом виновата непроглядная ночная тьма.

У смятых изуродованных вагонов смятые изуродованные люди. Оторванные ноги и руки, размозженные черепа, санитары, врачи и сестры, освещающие ручными фонарями окровавленные массы тел, засыпанные обломками.

Паровоз, врезавшийся в первую цистерну, сторел вместе с машинистами, оглушенными ударами. У вагонов с почтой и деньгами стояла охрана. Несколько прожекторов осветили место крушения и предотвратили возможность грабежа.

Из города прибыли репортеры и кинооператоры забегали с юпитерами.

Какой-то чудак, мальчишка лет 18-ти, находившийся в числе очень немногих, достаточно счастливо отделавшихся от катастрофы, составил акт в том, что у него находился последний номер журнала «Америкэн», а этот журнал давал довольно большую премию тому, у кого во время крушения поезда окажется очередной номер.

Все домыслы у людей, бодрствовавших этой ночью, сходились в одной точке — во тьме. Кто проклинал, а кто радовался. Чарльз Лоув радовался. Начальник ночного движения поездов «Молнии», Нью-Йорк — Сан-Франциско — проклинал.

Ему пришлось здорово попотеть, прежде чем он добился освобождения пути для очередного маршрута и, несмотря ни на что, у него уже было пять минут опоздания.

Начальник движения отдал по служебному проводу приказ начальнику путей:

— Переведите Тихоокеанский на второй путь!

Начальник пути повторил начальнику участка движения :

— Переведите Тихоокеанский на второй путь!

Начальник участка движения — начальнику участка пути:

— Переведите Тихоокеанский на второй!

И, наконец, начальник участка пути начальнику стрелки:

— Переведите Тихоокеанский на второй!

Начальник стрелки, тоже переворошенный до глубины своих нервов, сам делал все. Переводил рычаги, исполнял приходившие депеши и распоряжения. Он подошел к рычажным установкам и нажал рычаг.

ХП

Никакой надежды на спасение! Дикий случай! Дикая смерть! Этот черный зуд усиливался и с каждым мгновением становился сильнее. От него сотрясало тело и зубы крепче впивались в тампон. Наконец, где-то еще далеко, загудел гудок экспресса. Только у него были такие резкие и мощные гудки. Дикки увидел растущий, расползающийся красный свет фонарей. Видел искры, вылетающие из топки. Шум рос, экспресс приближался.

Дикки напряг всю силу воли. Его взор застлал огромный огненный дьявол. Он метал свои нервы, свои мускулы, но ничего. Все оставалось по-прежнему, только поезд чудовищно быстро рос.

Наконец, вихрь бешеной скорости обдал Дикки пламенем и он уже чувствовал острия стальных колес, врезающихся в его тело. Он уже видел себя разорванным на куски стальным гигантом. Какой-то огненный ад проглатывал его.

Топка паровоза пронеслась над головой Дикки.

Тихоокеанский перевели на второй путь.

Дикки с изумлением осматривал себя. Он не только жив; искры, выпавшие из топки, попали на веревки и они истлели в нескольких местах. Небольшое напряжение и он свободен. Тампон вытянут изо рта и грудь проглатывает ночной воздух.

Вдали с шоссе показались огни.

— Это они, — подумал Дикки. — Прекрасно, но крайней мере, не идти пешком в город!

Дикки сбежал с насыпи, перебежал шоссе и спрятался по другую сторону за кучей булыжников.

Машина действительно оказалась Паккардом и трое наглухо закрытых людей, выскочив из нее, бросились к железнодорожному пути.

Дикки спокойно вышел из своего убежища, сел в машину и пожелал трем джентльменам приятного возвращения в город.

Под утро Дикки изорванный, израненный, измазанный, но довольный, ввалился в кабинет редактора.

— Вы с ума сошли, Дикки? — встретил его Хирам Джонсон.

— Нет, с рельс! — отвечал Дикки. — Но об этом после. Сначала пошлите репортера к торгпреду СССР, потом проявите снимки, которые я сделал этой ночью, дайте мне стенографистку и виски с содой!

— Это не человек, а дьявол, — пробормотал Чарльз Лоув, — или я осел; одно из двух!

Он остановился посередине тротуара, уткнувшись своей толстой потухшей сигаретой в утренний экстренный выпуск «Дейли Воркер». На первой полосе огромными красными буквами значилось:

«Дикки Ред о Дикки Реде! Дикки Ред о Ку-Клукс-Клане! Дикки Ред о своем спасении!»

Мальчишки тонули в своих выкриках, десятки тысяч рабочих и клерков, отправлявшихся на завод и на службу, расхватывали газету.

ХІІІ

Его, наконец, надо убрать!

Опять в кабинете главного колдуна Штата Нью-Йорк Йорк появились перечеркнутые накрест красные линии, белые буквы, означающие смерть и люди, говорящие о каком-то очень серьезном деле, одетые просто, без балахонов, в штатском, похожие на толпу молодых заговорщиков, из которых каждый получил пощечину от врага.

Ненависть людей потонула в гигантском городе, в подпирающих небо небоскребах, в улицах, переполненных до краев автомобилями, в метрополитене, в трамваях, в воздушной железной дороге и в бешеном темпе биржи на Уолл-Стрите.

Люди, сжигаемые ненавистью, были во власти города-гиганта и каждый сам по себе представлял ничтожную пешку.

Мясной король — один из вождей Ку-Клукс-Клана и на его деньги содержится многочисленный штат многочисленных лож.

Мясной король получил пощечину от какого-то молодого человека с красным билетом, мясной король жаждет крови. Мясной король не требует, он приказывает убить.

Вечер Нью-Йорка — это сказка. Сказка, отблесками которой просвечивает каждый метр города. Сказка — силы человека. Мощные электрические прожектора делают вечер и ночь похожими на день. Электричеством залито все сплошь. И с высоты птичьего полета Нью-Йорк похож на соколовицу, набитую радужными, играющими самоцветами.

И есть единственный писатель, вскрывший электро-нарыв города-гиганта, сорвавший маску с отполированного лоска цивилизации. Этот писатель — Уптон Синклер. У него читатель найдет правду об истинной гуманности королей мясников и об их бойне, об Уолл-Стрит...

Высокий, с синеватыми глазами лакей из ресторана черного Билли, у которого Дикки так вежливо взял кольца с цианистым калием и заставил, как настоящего лакея, ползать на коленках и подбирать осколки стекол, сказал:

— Это сделаю я!

В том же городе, недалеко от агентства Пинкертон на 114 Авеню, шло заседание.

В доме редакции «Дейли Воркер» был ряд комнат для дел совершенно специального назначения. Таким делом являлись дела партии.

Сидевшие в кабинете составляли бюро ЦК Америки. ЦК стал перед необходимостью послать человека в СССР.

Наряду с этим газета хотела дать ряд очерков о стране, которой ее подписчики интересовались больше всего. Когда дошла очередь до вопроса, стоявшего на повестке дня, секретарь сказал:

— Есть ответственное поручение в Россию. Кто из товарищей выполнит его?..

Член бюро и главный редактор Хирам Джонсон ответил:

— Дикки Ред!

Ни одного голоса против. Дикки Реда знают слишком хорошо. Именно, он, а не кто другой!

Бюро перешло к другим вопросам. Организация имела столько дел, что для решения каждого, по регламенту, полагалось не больше пяти минут.

Из рамок выходили только принципиальные вопросы, требующие осторожного, тщательного подхода.

Судьба Дикки Реда по крайней мере на три месяца была решена. Волей партии он был брошен в далекую чудесную страну.

— Итак, Дикки, вы едете из Фриско послезавтра, в три часа?

— Из Фриско, послезавтра, в три часа, на «Президенте Рузвельте»!

XIV

— Хороший пароходик, если не ошибаюсь, тысяч на 30 тонн!

Когда имеешь дело с улицей, то не знаешь, кто на ней враждебен по отношению к тебе и кто нет.

Еще хуже, когда в момент наводнения сердца и ума радостью, предвкушением интересного путешествия, — встречаешь старого приятеля.

И случилось именно худшее. Дикки Ред встретил старого приятеля, застопорил свою машину и дал хороший ход языку.

В пару минут он выложил ему свою радость и сказал, что едет корреспондентом своей газеты в Японию. Приятель оценил дружеские чувства Дикки, дал пару советов, где и как провести хорошо время в Токио, пошутил насчет Фузи-Ямы, в общем, выразил свое удовольствие, пожал руку и пожелал счастливого пути.

В шуме улицы не слышно, что говорят, но шум улицы совершенно не мешает видеть говорящих. У витрины одного из колоссальных универсальных магазинов, против которого стоял Дикки, джентльмен с синеватыми глазами тщательно наблюдал за лицом или вернее, за губами говоривших.

По движениям губ он определил, что Дикки едет послезавтра, через Сан-Франциско в Японию, на пароходе «Президент Рузвельт». Сам он знал, что «Президент Рузвельт» — один из лучших транс-пасификов концерна Гарримана.

И когда Дикки пошел дальше, то джентльмен с синеватыми глазами последовал за ним.

XV

Чарльз Лоув, — главный колдун, — имел свою собственную частную жизнь. Он утром получил телеграмму от жены, спешно вызывавшей его в Японию. Там жена проводила осень.

Она не хотела ехать одна обратно, она хотела видеть рядом с собой своего мужа. Чарльзу Лоуву надоели городские дела и он с удовольствием думал о своей женке и называл ее самыми хорошими именами...

XVI

Дикки Ред делал последние приготовления к отъезду. Он искал самый большой в мире чемодан. Каждый нью-

йоркец скажет вам, где купить такой чемодан. Только в магазине кожаных изделий у Мак-Дугласа и Компани продаются Супер-Глоб-Трогтери Эч 4.

Дикки это знал и он направился к Мак-Дугласу.

— Отделение дорожных вещей налево, — показал дорогу швейцар.

Дикки потонул в запахах кожи. Пахло замшей и шевро, чемоданами, несессерами, удивительными седлами, кожными пальто, пахло приятно, по-кожаному.

Комната ремней, отделение седел, комната перчаток, этаж кожаных пальто, два этажа ботинок; Дуглас, Шимми, Мэри, Чарли, Променад, для тенниса, для гольфа, для футбола, для вечернего туалета, для танцев, для оперы, для... ну, для чего угодно!

Отделение спортивной кожи, отделение кожаных шляп, этаж производственной кожи, два отделения чемоданов и чемоданчиков.

— Дайте мне большой дорожный чемодан!.. — просит Дикки.

Приказчик подводит его к пирамиде чемоданов.

— Пожалуйста, сэр, выбирайте; вам для дороги, книг, путешествий, белья?..

— Мне вот этот, с вашего позволения. — Дикки дотронулся до маленького небоскреба. — Вот этот.

Он заплатил. Чемодан взвалили на Форд. Дикки уехал.

За ним, уже никого не спрашивая, уверенным шагом прошел в отделение чемоданов человек с синеватыми глазами и тоже попросил чемодан и тоже взял самый большой.

Приказчик даже на мгновение позабыл о своей Кэтти. Он с ней должен был вечером встретиться в мюзик-холле, но Джек был дисциплинированным служащим и не подал виду.

Человек с синеватыми глазами уехал на «Кадиллаке».

Этим не кончился день приказчика чемоданного отделения. За самое малое время до закрытия, когда служащие уже начали готовиться к уходу из магазина, к Мак-Дугласу ввалился полный джентльмен, в котором мы узнаем глав-

ного колдуна Нью-Йорка.

Чарльз Лоув тоже прошел в чемоданное отделение и опять ему попался приказчик, мечтающий о Кэтти и мюзикхолле.

— Самый большой чемодан!.. — с легкой одышкой потребовал Лоув.

— Слушаю-с, сэр, — ответил приказчик, — вот, наверное, этот вам подойдет!

— Олл-райт, благодарю! — ответил Лоув.

— Будет о чем поговорить с Кэтти, — подумал приказчик.

Торговля чемоданами Супер-Глоб-Троттер Эч 4 в этот день шла особенно хорошо.

XVII

Сан-Франциско — город солнца. Бурный темп жизни снабжен темпераментом юга и прекрасным климатом. В Сан-Франциско небоскребы не ниже нью-йоркских. Сан-Франциско — Нью-Йорк запада Северо-Американских Соединенных Штатов.

Прекрасная гавань делает его первоклассным океанским портом. Сотни тысяч тонн груза ежедневно погружаются и сгружаются в его пакгаузах.

На улицах Франциско пахнет Азией. Раскосые китайцы, кули, маленькие японцы. Курильни опиума, — китайские притоны и прачечные. Желтые занимают несколько кварталов. Много черных. В ресторане исключительно черная прислуга, черные музыканты. Черные боксеры. Черные швейцары.

Но дальше эстрады ресторана черные в Америке не идут. А в Фриско особенно развит расовый антагонизм.

Консервы, выпускаемые мясными трестами, часто имеют в своем этикете следующее маленькое замечание:

«Упаковано при помощи белого труда».

Никто не станет сомневаться в серьезности этой надписи, гарантирующей белые руки, но все же этикетка очень характерна.

В Сан-Франциско замечательные кино. Совсем рядом Лос-Анжелос — маленькое царство экрана.

Тут круглый год непрерывное толчение тысяч молодых девушек, мечтающих о карьере кинозвезд, но в подавляющем большинстве делающих карьеру публичных женщин.

На экранах Сан-Франциско отражается близость Лос-Анжелоса. Лучшие боевики проходят первым экраном именно в кино Фриско.

XVIII

К двум часам по улицам города резко обозначилась усиленная циркуляция легковых и грузовых машин к пристани концерна Гарримана.

Когда-то древние занимались тем, что подводили примитивную статистику чудесам мира. Этим занимались не только древние. Наши журналы, когда им нечем было заверстывать свои полосы, тоже искали чудес.

Так, во всяком случае, ни древний статистик, ни современный журналист не должен забывать об одном из чудес, об океанском пароходе.

«Президент Рузвельт» походил как две капли воды на других «президентов» Гарримана. Тридцать тысяч тонн. Недурненькая способность поглощать пятьдесят миль в час.

«Президент Рузвельт» по своей длине немногим уступал тысяче метров, а высотой соперничал с средним небоскребом.

На нем установлены мощные радиоприемники и есть все, начиная с площадки для игры в теннис и кончая русскими банями.

Каждая каюта — маленький отель с кабинетом, гостиной, ванной и спальней.

Залы ресторана могут вмещать не только несколько сот персон, но и серию бесконечных блюд, изготавливаемых в прекрасной кухне.

В читальнях можно найти удобные кожаные кресла, последние журналы почти на всех языках, и любые справочные издания. К вашим услугам радиотелеграф, воздушная почта и, если у вас натура романтика, то даже почтовые голуби.

В кино на «Рузвельте» вы увидите последние боевики сезона, а если вам больше нравится театр, то подъемник вас доставит в мюзик-холл.

Морской болезнью на таком плавучем острове может заболеть только человек с чересчур нежной душой или с нервным воображением. Для обыкновенного смертного она недоступна.

Когда вы садитесь на такой пароходик, то вас помещают по вашим денежным способностям. Если вы заплатили по первому классу, то можете, не задумываясь, пользоваться всеми благами культуры. Есть все, что вздумается, посылать депеши, играть, плавать, смотреть, слушать.

Вам будут только предлагать и вас будут спрашивать, нравится ли вам или, может быть, вы хотите более мажорного или более минорного тона от пианиста на эстраде.

Вам приготовят постель, позаботятся о том, чтобы вечером к табльдоту вы были в вечернем туалете, поставят к кровати ночные туфли, не забудут о зубной пасте и зубочистке, о приборе для чистки ногтей. А утром вежливый до чертиков парикмахер выбреет вашу физиономию.

Все это вы получите, если, скажем, за рейс от Фриско до Токио внесете пятьдесят долларов. Ну, а если их нет, или есть меньше? Посмотрим! Во втором классе вы не получаете разных пустяков, без которых можно обойтись, но вас уже не пускают на верхнюю палубу.

Если вы заплатили по минимальной расценке, вас засаживают в самый низ и до места назначения вы будете торчать в пыльных, темных и душных помещениях.

Вы никогда не увидите волшебного верха, не услышите прекрасной игры и не посмотрите на последние боевики сезона.

Вы будете получать кипяток и вас будут третировать. При первом поползновении пробраться на палубу второго класса, вам покажут на ваше место и, надо сказать, покажут весьма неучтиво.

XIX

За час до отправления «Рузвельта» у здания пристани в комнате заведующего багажом неумолимо трещал телефон.

— Алло, я вас слушаю!

Какой-то голос, говоривший с другой стороны, попросил:

— Будьте любезны записать: — Багаж каюты № 98 первого класса не спускайте в трюм.

— Хорошо, будет исполнено, — ответил заведующий багажом и повесил трубку.

Но непосредственно после окончания разговора опять задребезжал звонок.

— В чем дело? — крикнул торопившийся на пароход заведующий.

— Запишите! — повелительно проговорил голос, — багаж каюты 96 первого класса в трюм не спускайте.

— Хорошо!

Но не успел он повесить трубку, как телефон опять зазвенел:

— Алло!

— Заведующий багажом?

— Да!

— Багаж каюты 97 первого класса...

— Знаю, оставить на верхней палубе, будет сделано!

Он бросил трубку и помчался на пароход, боясь того, что посыпятся еще звонки от других двухсот пассажиров с

такими же запросами.

На палубу «Президента» доставили последний багаж. С трех автомобилей внесли три громадных, до странности одинаковых чемодана, известных под маркой Супер-Глоб-Троттер Эч 4. Каждый из сопровождавших чемоданы вручил дежурному офицеру парохода документы пассажиров первого класса кают: №№ 97, 96, 98. Чемоданы поставили рядом.

Пароход готовился к отплытию. Внизу в машинном отделении работала кочегарка. Разводили пары.

Через сорок минут «Президент Рузвельт» отдаст концы.

На пристани под железобетонными сводами, у входа к трапу на «Президент», двое мужчин нетерпеливо ходили взад и вперед, всматриваясь в проходившую публику.

— До сих пор нет!.. — говорил один.

— Да, это не похоже на Дикки... — говорил другой.

Оба вместе продолжали ходить и всматриваться.

Очевидно, видеть Дикки им нужно до зарезу, и его отсутствие становилось странным.

— Но ты звонил ему в отель?.. — остановился один.

— Звонил, — отвечал другой, останавливаясь.

— Ну?

— Говорят, уехал.

— Черт!..

Время шло. Оставалось 20 минут и первый удар гонга на пристани оповещал пассажиров и провожающих.

После третьего предупредительного удара, расталкивая толпу зевак, протискивался на платформу Чарльз Лоув. В самый последний момент он получил телеграмму о том, что его взбалмошная жена выехала и желает видеть его в Сан-Франциско.

Чарльз Лоув решил сделать жене крупный выговор, но все же остаться здесь и дожидаться ее прибытия. Он спешил за своими вещами.

— Я не еду, сэр! — обратился он к офицеру. — Где мои вещи, где мой желтый чемодан?

— Вот, сэр, — надеюсь, вы говорили об одном из них, — вежливо сказал тот, подводя Лоува к желтым чемоданам.

Лоув поблагодарил любезного офицера и его носильщик отправился за ним к автомобилю.

Дикки Ред не появлялся. Двое мужчин не ходили по платформе, они стояли рядом и смотрели на отходную горячку публики. Таможенные чиновники, вместе с дежурными офицерами парохода, обходили пассажиров с последней проверкой.

В двух каютах, занятых какими-то джентльменами, ехавшими до Токио, не оказалось ни одного человека, а у двух желтых чемоданов, по-видимому, не оказалось владельцев.

Однако, таможенный чиновник и дежурные офицеры заинтересовались происхождением желтых чемоданов и в короткое время около них собралась небольшая толпа.

Таможенный чиновник нетерпеливо обходил пассажиров с вопросом:

— Это ваш? Это ваш?..

И по мере того, как он по кругу женщин и мужчин приближался к чемоданам, он слышал только один ответ:

— Нет!

И, наконец, у самых чемоданов он тот же вопрос задал седой миссис в шелковом дорожном манто.

— Это ваш?

На этот раз таможенный чиновник услышал утвердительный ответ и крик седой миссис, упавшей от удивления и волнения в обморок.

— Мой!..

Ответ, вместе с молодым элегантно одетым джентльменом, Дикки Редом, вышел из большого желтого чемодана Супер-Глоб-Троггер Эч 4, Мак Дуглас и К^о.

Наконец, прозвучал сигнал к отправлению, гуднула сирена, капитан приказал отдать концы и, прорезая пыльную и сальную воду гавани, качаясь своим гигантским телом, «Президент Рузвельт» пошел в океан.

Двое мужчин крепко выругались, плюнули и ушли.

Читатель извинит автора, желающего показать ему еще один, может быть, в последний раз, м-ра Чарльза В. Лоува — главного колдуна Нью-Йорка. Чарльз Лоув вошел в свою комнату в «Гранд-Отеле» вместе с черным лакеем, потев-

шим под тяжестью желтого чемодана.

Когда он остался один, то захотел вынуть свою любимую сигарету. Неизвестно, где он оставил свой портсигар и теперь ему пришлось лезть за ним в свой чемодан.

Но ему показалось, или телеграмма жены повлияла на его умственные способности вредным образом, — так или иначе, а желтый чемодан зашевелился. Он шевелился несколько секунд и в тот момент, когда Лоув хотел с криком выбежать в коридор, чемодан раскрылся и из него, потный и смешной, как негр в сметане, вылез высокий, сухой человек с синеватыми глазами, знакомый нам прежде всего по ресторану черного Билли.

Он кипел от гнева и его почтительность, с которой он всегда обращался к Лоуву, исчезла:

— Какого дьявола вам нужен был мой чемодан? Вот и убей после этого мерзавца Реда!..

ГЛАВА ПЯТАЯ,

или восстание негров

I

Я надеюсь, читатель, что ты принадлежишь к числу тех людей, из которых пыльный и душный город не вытравил способности чувствовать и любить природу. Позволь мне думать, что в теплые лунные ночи ты, повинаясь какой-то неопределенной силе, способен часами бродить по бульварам, уходить за город и на вершине Воробьевых гор подставлять свою уставшую за день грудь сладкому дыханию южного ветра.

Южный ветер! Ветер, который через много морей летит к нам от берегов таинственной Африки, ветер, в котором слышатся запахи девственных лесов, рыканье льва и злобный лай гиены. Ветер, который полон таинственных звуков тамтамов, негритянских барабанов, через мили переговаривающихся друг с другом на резком барабанном языке. Ветер, вплетающий в свои шорохи заунывную мелодию негритянской песни и исступленные причитания колдунов.

Когда ты был молод, читатель, ты зачитывался романами Буссенара и Луи Жаколио, — а впрочем, может быть, ты еще и сейчас молод и эти два писателя числятся в списке твоих любимых. Так или иначе, но по их романам ты знаешь, — думаешь, что знаешь Африку.

Ты представляешь себе отважных путешественников и исследователей, проникающих в таинственные дебри страны и там, сквозь тысячи опасностей, путешествующих с единственным желанием насадить великие начала европейской культуры в среде несчастных дикарей. Ты видишь их, — упорных и сильных, терпеливо расчищающих себе дорогу сквозь заросли диковинных растений, под угрозой напа-

дения со стороны диких зверей. Ты волнуешься за них, когда они, измученные и усталые, приближаются, наконец, к цели своего путешествия, к какому-нибудь негритянскому поселку, затерянному в глухой чаще, и ты готов плакать от обиды и негодования, узнав, что жители поселка, вместо того, чтобы радостно приветствовать носителей культуры, встречают их сагаями и ликонгами. Невежественные дикари!

И вдруг ты узнаешь, что один из этих невежественных дикарей присутствовал на последнем конгрессе Коминтерна и говорил от имени миллионов негров.

Это не Буссенар и не Жаколио. Это не южный ветер, шепчущий тебе фантастические истории во время твоих ночных путешествий на Воробьевы горы. Это живой негр, с трудом и опасностями пробравшийся в далекую Россию. Он не пробирался через заросли тропических лесов, он не томился лихорадкой на берегах африканских рек. Нет, — там он чувствовал себя прекрасно и свободно! На своем великом пути в Советскую Россию он прошел через более дикую и страшную страну, чем его родная Африка. Он прошел через Европу! В этой Европе он видел, как культурные люди, впившись зубами в горло таких же людей, высасывали из них кровь и не считали это людоедством. В этой Европе он видел, как среди улиц городов, днем, не прячась и не стыдясь, белые звери терзали остриями шашек и огнем пулеметов людей, просивших куска ими же заработанного хлеба.

И от имени миллионов негров он говорил: спасибо вам за такую культуру! Дайте нам свободу и мы сами создадим свою культуру, культуру нового мира, культуру разума и труда!

Прислушайтесь в голосу этого негра. Он расскажет вам правду об африканских экспедициях, он сорвет покрывала фантастики с героев Буссенара и Жаколио, он покажет вам их, этих передовых разведчиков капитала, — вольных или невольных, не все ли равно? В его рассказах встанет перед вами настоящая Африка, — Африка черных рабов, иссеченных воловьими бичами, Африка окровавленная, втопан-

ная в грязь сапогом французского и английского империализма, Африка зверских насилий над плохо вооруженными и почти беззащитными неграми. Тогда вы поймете, почему герои Буссенара и Жаколио встречали сопротивление на своем пути, тогда вы найдете слова оправдания для негров, в панике бежавших в глубь страны от культуры, которая несла с собой ярмо непосильной работы и удары бича.

Это не ветер, дующий с юга в лунную ночь. Это слова живого человека, говорящего от имени миллионов негров. Это не рыканье льва, не вой гиены, не причитание колдуна. Это стоны боли и обиды!

II

Негры совершенно не виноваты, что от берега моря до центра французской колонии добрых три сотни верст. Негры совершенно не виноваты, что владельцы сахарных плантаций и крупные охотники за слоновой костью хотят увеличить процент прибыли за счет расходов на провоз. Неграм нет никакого дела до того, что кто-то усиленно спекулирует на землях, расположенных по линии намеченной колониальными властями железной дороги. И негры не понимают, почему они должны поливать шпалы и рельсы этой дороги своим потом и своей кровью. Разве от этого поезд лучше пойдет?

Но белые хорошо знают, что они делают. Конечно, тысяча квалифицированных европейских рабочих сумела бы в более короткий срок выполнить работу двух тысяч негров. Конечно, переполняющие Европу безработные пошли бы даже в адские условия тропического климата. Но... белый рабочий примерно раз в десять дороже рабочего-негра. Поэтому выгоднее согнать с окрестных деревень десятки тысяч негров, угрозами, подкупами и обманом завербовать целые племена, окружить их хорошим нарядом полиции и местных, все равно бездельничающих войск.

А выгода для белого человека — все! Там, где он может опустить в карман несколько десятков лишних франков, там он ни перед чем не остановится. Великая вещь франк!

Можно было, конечно, провести железную дорогу в обход. Можно было сделать небольшой крюк с тем, чтобы обойти эти проклятые болота. Но инженеры, планировавшие стройку, точно рассчитали, сколько миллионов попадет в их карманы при засыпке болотистой полосы, а мосье Дюпоне, вчера содержавший притоны в Париже, а сегодня занимающийся спекуляциями в Африке, так ловко и так нахально закупил десятки акров тропического болота, что ни о каких обходах разговора быть не могло. Дорогу вели напрямик, сквозь леса и заросли, через реки и полные тысячами болезней низины.

Конечно, болото — пустяк для современной, вооруженной до зубов техники. Мало ли машин и сооружений предназначено для того, чтобы в кратчайший срок осушить любую лужу, даже превосходящую по своим размерам территорию самой Франции? Все, что раньше падало на людскую рабочую силу, теперь может быть возложено на эти гигантские паровые и электрические механизмы, и человеку останется только нажимать рычаги да кнопки, предоставляя блестящим ковшам землечерпалок проделывать грязную работу.

Но и здесь не повезло неграм! На свою негритянскую беду они оказались значительно дешевле, чем машины и применение их труда давало экономию. Поэтому машины так и не увидели берегов Африки, или увидели их в самом ограниченном количестве; а негры по колено, а иногда и по горло в воде, прокладывали путь через болота французских колоний.

На этой работе негр является чем-то вроде универсального американского ножика с двенадцатью приборами. Он заменяет ковши землечерпалок, на своей спине вытаскивая железные ящики с болотной тиной, он изображает лошадь, впрягаясь в тяжелую стальную рельсу и под бичом надсмотрщика волооча ее по вязкой почве; он катит тяжелый каток, утрамбовывая, параллельную железной, шоссей-

ную дорогу и, наконец, он в свободное от работы время обслуживает белых, воздвигая им жилища около линии нового пути.

Там, где белые люди строят что-нибудь, всегда валяется мною свободных, неслучайных, всяческими способами наворованных денег. А где есть деньги, там немедленно строятся городки, вырастают рестораны, кафе-шантаны, игорные дома, притоны разврата, словом, все, в целом громко именуемое строительным городом. В момент постройки, — это бессистемная, наскоро распланированная кучка домов, населенных отборнейшими мерзавцами и аферистами, обманывающими, обчитывающими и обкрадывающими друг друга.

Придет время и эти аферисты превратятся в почтенных граждан-старожилов. Они будут заседать в городском управлении и судах, от них будет исходить высшее толкование нравственности и закона. Мэр города с негодованием станет ловить на улицах выброшенных за борт жизни женщин и награждать их желтыми билетами, забывая, что несколько лет тому назад ему принадлежал первый в местности дом терпимости. Городской судья присудит к каторжным работам голодного, обокравшего кассу ювелирного магазина и, вероятно, не вспомнит о том, что было время, когда он сам по дороге к городу (тогда еще поселку) уколошил почтальона и отобрал у него всю почту, содержавшую в себе немало хороших, настоящих франков.

Придет время... А пока вся эта публика очень громко, откровенно и нагло хвастается своими аферами, играет в рулетку и баккара, кутит, развратничает и нимало не беспокоится о том, что смертность среди негров, дающих им возможность предаваться этому милому образу жизни, растет с каждым днем. Как истые французы, да притом еще французы-колонизаторы, они следуют в своей жизни любимой пословице — «После нас — хоть потоп!»

И поэтому, вечерами сходятся и съезжаются они в самому шикарному и богатому зданию поселка, к ресторану, носящему громкое название «Утехи любви». На экипажах и на автомобилях, верхом и на своих двоих, обутых в высо-

ченные болотные сапоги, во фраках и смокингах, в грубых кожаных костюмах, в распахнутых до пределов приличия рубашках наполняют они залы этого ресторана и начинают там соревнование в трате денег, пьянстве и обжорстве.

В «Утехах любви» можно получить все, что угодно. Лучший повар, работавший в Париже у самого Максима, приглашен предприимчивым ресторатором. Для хранения продуктов выстроены прекрасные ледники и специальное сооружение поддерживает в них полярный холод. Правда, обед в «Утехах любви» стоит раз в десять дороже обеда в самом роскошном парижском ресторане, — а об ужинах, винах и специальных, по карточке и вкусу заказываемых, кушаньях и говорить нечего, — но это никого не смущает.

И в «Утехах любви» задорно гремит музыка, льются в бокалы чудовищно дорогие вина, уничтожаются изысканные кушанья и среди столиков, переполненных чавкающими, потеющими от обжорства людьми сплетаются в фокстроте обнаженные пары.

III

Негры на постройке питаются несколько иначе. В два часа, иногда в три, а иногда и вечером, вереницы рабочих сходятся к складам и получают там свою дневную порцию мясных консервов и какой-то не то вяленой, не то копченой рыбы. Раздатчики торопливо отсчитывают банки и рыбу, выдавая сразу на десять человек и совершенно не считаясь с правилами арифметики. Негры не смеют возражать и вступать в пререкания, так как надсмотрщики стоят рядом и подгоняют бичами замешкавшихся в очереди. Таким образом, и без того недостаточная порция дневной дачи уменьшается еще раза в полтора и несчастные рабы, измученные дневной работой, наскоро проглатывают пищу, чтобы заснуть тяжелым лихорадочным сном до следующего утра, — утра, наступающего в середине ночи.

И в довершение всего, даже те две банки консервов, которые попадают на троих здоровых и зверски голодных негров, в огромном большинстве случаев совершенно непригодны в пищу. Раздутые бока этих банок открываются с зловещим шипением и вонючие газы, результат долгого гниения, прорываются наружу.

На постройке железной дороги зарабатывают не только те, кто стоит непосредственно около дела. Сотни капиталистов там, в Париже, наживаются на поставке недоброкачественных продуктов по весьма доброкачественным ценам. И негры вынуждены пожирать эту гниющую дрянь, пухнуть от голода и болезней и работать; работать так, как будто они съедают пуды первосортной пищи.

Границы человеческого терпения крайне неопределенны. Иногда они почти безграничны, иногда они до смешного узки. Границы негритянского терпения относятся к разряду первых. Ни раздатчики пищи, ни надсмотрщики, ни посетители «Утех любви», ни поставщики гнилых консервов не думали о том, что может настать момент, когда консервная банка вместе с пучком рыбы полетит в лицо раздатчика, а надсмотрщик, взмахнувший бичом, будет смят разъяренной толпой. Так долго и так много терпели негры, так покорны были они, что полиция и войска совершенно забыли о своих ружьях, а жители города насмешливо читали телеграммы о волнениях и забастовках в Европе...

И когда раздатчик Франсуа выплюнул пару зубов и десятка два отборнейших ругательств, он еще не думал, что это серьезно. Сверкнувший в его руке револьвер казался совершенно надежной защитой против напавшей толпы чернокожих и при первом же выстреле он счел себя победителем. Но выстрел, хотя и попавший в цель и уложивший на месте одного старого негра, произвел совсем обратное обычному действие. Негры не отхлынули назад, не бросились врассыпную с криками боли и испуга, они ринулись на раздатчика, сбили его с ног, растоптали его босыми ногами, перевернули вверх дном охраняемый им склад

и перекинули вспышки восстания к другим складам, где другие последовали за ними.

Местная полиция не смогла, даже в течение пяти минут, оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления, а войска, — славные колониальные войска бежали в панике, оставив все оружие в руках восставших.

Командир батальона, герой Соммы и Марны, носивший на груди и английский крест Виктории, и ленточку Почетного легиона, совершенно растерялся, увидев черную толпу,двигающуюся к его дому. Он едва успел вскочить на свою лошадь и, всадив ей в бока шпоры, бешеным карьером помчался по направлению к городу.

На окраине города он на секунду остановил взмыленную лошадь, как бы раздумывая, куда направить путь, а потом решительно повернул в ту улицу, на которой сверкал огнями дуговых фонарей подъезд ресторана «Утехи любви».

IV

Мосье Дюпоне сделал дело. Вчера он получил свыше миллиона франков за болотистые участки, вошедшие в полосу отчуждения. Сегодня он поэтому случаю кутил; кутил так, что даже выдавший виды содержатель ресторана от времени до времени протирал глаза, желая убедиться, не спит ли он. Весь зал ресторана напоминал собой что-то вроде Дантовского чистилища. Несколько десятков посетителей валялись под столами и просто под ногами танцующих и десятка два полупьяных полутолых пар кружились под звуки невероятной музыки в каком-то совершенно невероятном танце.

Сам Дюпоне сидел за столиком, уставленным бутылками, и занимался чрезвычайно важным и серьезным делом. Он выкупал в ванне с шампанским полдюжины танцовщиц и теперь, разбавив эту ванну абсентом, коктейлем, виски и ромом, предложил пять тысяч франков тому, кто,

нырнув в эту смесь, проглотит дюжину устриц, не захлебнувшись и не опьянев. Нашлось двое желающих, скидывавших с себя смокинги, и один из них уже приготовился к опыту, когда в зале появилась фигура военного, который расталкивая танцующих, переворачивая столики и опрокидывая батареи бутылок, ринулся прямо к кутящему спекулянту.

— Мсье Дюпоне! — заорал он так, что бокалы вздрогнули и серебристым звоном выразили свое негодование по поводу столь грубого поведения. — Мсье Дюпоне!

— А, капитан, — приветствовал Дюпоне военного. — Стакан смеси капитану!

— Мсье Дюпоне, я не буду, я....

— Стакан смеси капитану и — пейте, капитан!

— Мсье Дюпоне ...

— Сорок лет Дюпоне! Чего вы волнуетесь?

— Негры, мсье Дюпоне. Негры....

— Что негры? Сдохли, что ли?

— Хуже. Восстали! Негры восстали!

Собиравшийся выиграть пари человек при этом известии поскользнулся в винной ванне и чуть-чуть не нырнул в нее головой. Несколько танцующих пар остановились; даже один из лежавших под столом попробовал приподняться. Только Дюпоне оставался спокойным и словно не слышал сообщенной ему новости.

— Да вы выпейте, капитан, — настаивал он.

— Но, мсье Дюпоне! Они убили нескольких раздатчиков и надсмотрщиков, они разоружили войска и полицию, они идут к городу, они...

— Вы мне надоели! А на ваших негров я — плевать хотел!

V

Плунуть Дюпоне не успел. Раньше, чем он уговорил капитана выпить и успокоиться, негры ворвались в город и

ринулись к ресторану. Не прошло и часа, как Дюпоне плавал в винной ванне с разmozженной головой, а остальные участники попойки, с визгом, криками и руганью, пытались бежать через окно и крышу пылавшего здания. Восстание росло, охватывая все новые и новые районы постройки, а к утру перекинулось на всю область.

Разбитая голова Дюпоне, растерзанные надсмотрщики, голые танцовщицы, уведенные в глубь тропических лесов, сгоревший поселок и остановившиеся работы, все это вместе взятое отразилось на Парижской бирже: трансфриканские, вчера еще шедшие на повышение, сегодня с резкостью молодого теленка сделали совершенно неожиданный прыжок, стоивший много миллионов франков некоторым биржевикам. Перепуганные, взволнованные люди толпились в биржевом зале, ловили сплетни и слухи и бешено продавали трансфриканские акции.

До двух часов дня среди предложений не было ни одного голоса, выразившего желание купить. Люди метались как угорелые, торопя маклеров, маклеры тщетно искали покупателей и только к концу биржевого дня кто-то заявил о том, что он покупает трансфриканские в каком угодно количестве за одну треть их номинальной стоимости. Попробовали было сыграть на повышение, но едва один или два продавца запросили больше предложения, черная доска снова бросила цифры, возвещавшие о том, что акции стоят в одну четверть номинала. Кто-то играл на негритянском восстании, играл уверенно и спокойно.

Тайну этой игры следовало бы искать в кабинете военного министра в день описанной нами биржевой паники.

Вот уже больше часа военный министр беседует с высоким, крепким, но совершенно седым человеком. В их разговоре играют видную роль блокноты, испещренные карандашными записями, выражающимися в рядах шестизначных цифр.

— Вы понимаете меня? — говорит седой человек министру. — Я скупаю: скупаю все акции по той цене, какую даю я. Никто не осмелится попросить больше. Едва хоть один из продавцов поднимет цену, я прекращу скупку, и акции

снова сделают бешеный прыжок вниз. От вас требуется одно! Задержать экспедицию до моего распоряжения и самым старательным образом раздуть опасность.

Министр колебался.

— Это рискованное дело, — говорил он. — Вы сами понимаете, что оно может стоить мне моей карьеры. Я имею распоряжение президента выслать экспедицию немедленно.

— Немедленно понятие растяжимое, дорогой. Послать эскадрилью аэропланов в Африку дело нешуточное. Приготовления могут занять более суток. А этого времени для меня совершенно достаточно. Акции будут в моих руках.

— По нас каждую минуту просят о помощи. Негры бунтуют по всей территории и гибнут сотни белых.

— Каких белых? — Вся эта сволочь, которая работает там на постройке, немногим больше стоит, чем те негры, которых они надували. Если даже их всех перебьют, то неужели мы не найдем в нашей славной республике достаточное количество умных негодяев на смену? Полноте, господин министр! И кроме того, ведь то, что вы делаете для меня — вы делаете, разумеется, не бесплатно. Будем говорить откровенно. Я вам сейчас же передаю акции на сто тысяч франков. Это по сегодняшней цене. После ликвидации восстания они поднимутся в четыре раза. Полагаю, что дело сделано.

Строители дороги, бежавшие под защиту соседей-англичан, ничего не понимали. Отчего медлит метрополия? Отчего не идет помощь? Отчего никто не спасает их драгоценные жизни? Они не понимали, что там, в Париже люди, в тысячи раз более богатые, чем они, ведут крупную игру и что для этих людей они значат ровно столько же, сколько для них самих значили восставшие теперь негры.

-

VI

Лейтенант воздушной службы де Лорм совершенно не подозревал, что помещенное в отделе «биржа» утренней

газеты извещение о том, что продажа и покупка трансфриканских прекратились и что акции твердо стоят в одну пятую номинала, сколько-нибудь относится к нему. На бирже он не играл, предпочитая этому делу игру в клубе, и извещение прочел совершенно случайно, от нечего делать перелистывая принесенную лакеем газету. Он совершенно спокойно позавтракал в своем любимом ресторане на площади Этуаль, как всегда катался после завтрака верхом по аллеям Булонского леса, отдал пару-другую дневных визитов, перемешивая деловые с любовными, и ровно в десять часов вечера явился в клуб сыграть партию в баккара. В разгаре игры, когда де Лорм шел по банку в двадцать тысяч, к нему подошел лакей и протянул поднос, на котором лежал конверт с бланком военного министерства. Не прерывая игры, де Лорм небрежно раскрыл карты и, предоставляя партнерам сообразить, выиграл он или проиграл, вскрыл конверт.

Когда он прочел предписание немедленно прибыть на аэродром для того, чтобы утром следующего дня вылететь с эскадрилей в Африку, он вспомнил о прочитанном им в утренней газете.

— Я вынужден прервать игру, господа, — сказал он, обращаясь к партнерам. — Меня срочно требуют по месту службы. Я надеюсь, что вы извините меня. Через, — он остановился, что-то высчитывая, — через пять дней я буду здесь и мы сможем окончить партию. А пока...

Когда он повернулся, чтобы уйти, ему крикнули вслед:

— Да заберите ваши двадцать тысяч, де Лорм, — вы сняли банк!

Он спрятал в бумажник шелестящие банковые билеты, думая, что деньги всегда и везде пригодятся, даже в Африке.

Прямо от клуба автомобиль помчал его за город, туда, где широким квадратом раскинулся величайший в мире полувойенный, полугражданский аэродром. Оборудованный по последнему слову летной техники, он был особенно красив ночью, когда приспособления для ночных полетов заливали ярким светом всю его безукоризненно ровную, с

помощью точной математики выверенную поверхность.

Машина на минуту задержалась у ворот, чтобы предъявить пропуск охране, и потом помчалась дальше, минуя освещенные пристани для пассажирских аэропланов, совершающих регулярные рейсы над страной. Слушая указания де Лорма, шофер пересек аэродром в западном направлении и через несколько секунд остановился у ряда ангаров, где уже копошились летчики и механики, выводившие, проверявшие и осматривающие машины.

В составе эскадрильи были аэропланы всех употребляющихся в воздушной войне типов. Де Лорм летал на истребителе. Он знал, что в африканской стычке с дикарями его игрушке, предназначенной для боев с аэропланами противника, делать абсолютно нечего и удивленно спросил начальника эскадрильи: зачем он должен лететь вместе с другими.

— Не забудьте, — ответил тот, — что мы пролетим над Гибралтаром и английскими колониями. Наше правительство уже получило разрешение на этот кратчайший путь. Надо показаться во всем своем блеске. Пусть знают, как мы выглядим в воздухе!

Это соображение де Лорм счел достаточно веским и с особым старанием приводил в порядок свою машину, почти до утра провозившись с ней.

На рассвете эскадрилья поднялась в воздух и над сонным Парижем двинулась по направлению к югу.

VII

Начало полета не предвещало никаких неприятностей. Для де Лорма, да и для других участников этой экспедиции, она казалась чем-то вроде увеселительной прогулки и они превратили полет в учебно-маневровую вылазку. Аэроплан командира непрестанно передавал приказания и, послушные его голосу, остальные аэропланы перестраивались так же гладко и быстро, как хорошо обученные сол-

даты в роте. Погода стояла ровная и теплая, легкий ветер дул с севера, умножая скорость машин, моторы работали совершенно исправно и до самых берегов Африки ничто не нарушало хорошего настроения и спокойного состояния летчиков.

При приближении к африканскому берегу, начальник эскадрильи отдал распоряжение снизиться и все поняли, что делается это для того, чтобы лишний раз пугнуть еще не вполне пришедшие к повиновению племена пограничных с Алжиром областей.

Эскадрилья теперь летела так низко, что с земли можно было разглядеть не только очертания аэропланов, но и фигуры сидевших в них летчиков.

Сверху видно было, как в панике метались верблюды, сбрасывая груз и всадников, а один раз де Лорм разглядел в бинокль льва, вылезшего из какой-то расселины и посылавшего негодующий рев навстречу дерзким нарушителям его покоя. Один из аппаратов угостил царя пустыни дождем пулеметных пуль, но они не попадали в цель и только вырыли землю в нескольких шагах от животного. Лев стоял, волнуясь и рыча, нервно взрывая землю когтями передних лап. Потом внизу показались гордые и прекрасные туареги на своих огромных верблюдах. Эти люди, живущие в самом сердце пустыни, ничем не выражали своего волнения и только мельком взглядывали на аппараты, рассекавшие раскаленный воздух.

Того, что случилось несколькими минутами позже, не ожидал ни начальник эскадрильи и никто из летчиков. Любопытство и желание пугнуть обитателей Сахары заставило их снизиться еще больше и они не успели опомниться, как налетел вихрь, поднимая тучи песка и осыпая им людей и машины.

Самум! Он страшен там, внизу, где целые караваны гибнут под горами налетающего со всех сторон песка, где люди и животные задыхаются в его бурных объятиях. Он страшен для жителей городов и оазисов, не успевающих вовремя закрыть входы и окна своих жилищ, он страшен для птиц и пресмыкающихся, для страусов, верблюдов и львов.

Но он страшен и здесь, наверху, куда долетают взметенные им песчаные струи, он страшен для хрупких аэропланов, для их пропеллеров, теряющих точность своих оборотов, для их двигателей, во все отверстия которых набираются песчинки и мелкие камни. Скорей вверх! Скорей вверх — туда, где небо спокойно, где нет песка, нет злобных порывов урагана. Взять высоту!

Такое именно распоряжение было отдано с командирского аэроплана, — последнее распоряжение, которое слышал де Лорм. Его легкий и хрупкий истребитель более других машин был сломлен и сбит злобным вихрем. Он буквально застревал в тучах песка, его мотор давал перебой, его полет сделался неровным и колеблющимся и он отказался повиноваться руке летчика. На несколько мгновений перед де Лормом встал весь ужас падения, падения туда, в пустыню, в жерло самума, в тучи взволнованного песка.

Страшным усилием воли прогнал он надвигавшийся страх и заставил свой мозг напряженно работать в поисках выхода. А выход был один. Отдаться воле ветра и заботиться только о том, чтобы машина не опрокинулась, не пошла в штопор. Его руки приросли к рычагам, его мысли, его воля были направлены в одну точку, к одной цели. Некоторое время он еще видел невдалеке от себя один из аппаратов эскадрильи, также, как и он, боровшийся с бурей, но потом этот аппарат взял высоту и скрылся из глаз де Лорма.

Один в море песка, один в порывах страшного урагана! Его попытки подняться выше, чтобы выйти из опасной полосы, не приводили ни к чему. Аппарат не повиновался рулю высоты, хоть руль, по-видимому, не был сломан. Сперва де Лорм не понимал причины этого, но потом сообразил, что густые песчаные тучи не только мешают подъему, но даже все больше и больше снижают аппарат. Гибель казалась неминуемой. Вся надежда была на бешеную скорость, с которой увлекаемый мотором и ветром аэроплан мчался вперед. Точно учесть эту скорость летчик не мог, так как указатель отказался работать, но он чувствовал по тому, с какой силой врывается воздух в его готовые разор-

ваться легкие, что эта скорость огромна и от нее, от этой скорости, ждал он спасения.

Между тем, остальные аппараты эскадрильи благополучно вырвались в слой воздуха, свободный от песка и урагана. Летчики с ужасом и волнением смотрели вниз, туда, где бушевало желтое море, туда, где со всех сторон налетавшие вихря сплетались в хаотическом танце. С командирского аэроплана произвели переключку. На призывы откликнулись все, кроме истребителя де Лорма. Командир спросил остальных летчиков, но де Лорма никто из них не видел. Очевидно, он остался там, внизу, и только чудо могло спасти его. Авиаторы не верят в чудо, и поэтому все они были уверены, что летчик де Лорм пал жертвой самума.

VIII

Мало-помалу самум стал ослабевать и де Лорм стал различать землю сквозь значительно поредевшие тучи песка. Ему необходимо было спуститься и привести машину в порядок, прежде чем продолжать полет.

Не переставая прислушиваться к течению воздушных струй и скорее инстинктивно, чем сознательно, выравнивать машину, он одновременно рассматривал расстилавшуюся внизу местность и с удивлением и испугом увидел, что он летит уже не над пустыней, а над лесом. Это открытие повергло его в крайнее уныние, тем более, что мотор почти отказывался работать, давая все время опасные перебои. Нельзя же планировать на деревья!

Но всем остальным дело обстояло благополучно. Несколькими пробами он убедился, что никаких серьезных поломок в управлении нет и что только кое-куда набившийся песок мешает правильному полету. Запас бензина имелся в достаточном количестве и, если бы только удалось найти место для спуска, то он сумел бы нагнать эскадрилью. Пока что он попытался несколько подняться, чтобы иметь разгон на случай спуска и вместе с тем избег-

нуть тех воздушных течений, которые всегда бывают над лесистой местностью. Это ему удалось и, едва взяв пару сотен метров высоты, он увидел прекрасную полянку, достаточную и для спуска и для обратного подъема. Правда, могло оказаться, что эта полянка с болотистой почвой, и что подъем с нее окажется невозможным, но раздумывать и выбирать не приходилось. Он остановил мотор, и без того готовый перестать работать, и легко скользнул вниз.

Небольшая хвостатая обезьяна с наслаждением раскачивалась, повиснув вниз головой на ветке какого-то дерева. Ее довольно длинный хвост позволял ей брать значительный размах и она была на вершине блаженства. При каждом удачном броске она скалила зубы и делала руками какие-то странные жесты, словно пытаясь поймать воздух. В ее маленьких черных глазах застыло выражение сладострастного блаженства, а ее ушки шевелились в такт раскачиванию. Какое наслаждение! Вероятно, наша любовь к качелям досталась нам в наследство от далеких наших праотцев, подобно этой обезьяне качавшихся на своих длинных хвостах в доисторических лесах.

Итак, обезьяна в тропическом лесу устроила аттракцион из своего собственного хвоста и ветки дерева. И устроила это как раз в тот момент, когда французский летчик де Лорм решил спланировать на полянке этого самого тропического леса.

Де Лорм, конечно, не заметил обезьяну. Его глаза слишком были заняты, чтобы обратить внимание на этот маленький, серенький комочек, мелькавший в зеленой листве. Но обезьяна, само собою разумеется, заметила и де Лорма и его аппарат, заметила, как только они появились в поле ее зрения, вынырнув из-за вершин окружающих поляну деревьев.

В ее маленьком обезьяньем мозгу мысли текли примерно таким порядком. Вот падает с неба какой-то зверь, который обязательно меня слопает. Поэтому мне надо во что бы то ни стало удрать. Но зверь этот мною еще невиданный и крайне интересный, поэтому мне надо его посмотреть. И поэтому, уйду я настолько, чтобы этот зверь меня

не увидел и не слопал, но чтобы я его все-таки видела и рассмотрела.

Следуя этой мудрой диалектике, она скрылась в ветвях, раздвинула листья и внимательно смотрела за тем, что произойдет дальше.

Страшный зверь напоминал собой большую птицу с каким-то необычайным, быстро вертящимся клювом. Он легко сел на полянку и побежал по ней прямо по направлению к дереву, облюбкованному обезьяной.

— Так и есть, эта огромная скотина хочет меня слопать, — решила та и приготовилась к бегству. Но в ту самую минуту птица перестала крутить своим клювом и остановилась в нескольких шагах от дерева. Обезьяна осмелела и осталась. Теперь она ясно видела, что это птица, птица с огромным кривым клювом, хвостом и крыльями. Но... бедная обезьяна чуть не забилась в истерику. На спине этой птицы сидела огромная обезьяна с коричневым лицом и страшно большими глазами. Будь что будет — она должна досмотреть до конца.

Обезьяна, сидевшая на спине птицы, соскочила с нее и первое, что сделала — протянула руки к своей безобразной голове и... бедная маленькая обезьянка завизжала от страха... обезьяна там внизу, у птицы, сняла свою голову! Обезьянка на дереве закрыла глаза, а открыв их через мгновение, увидела, что большая обезьяна успела приставить себе другую голову, уже не такую страшную, но и не похожую на обезьянью. Во всяком случае, это очень странная и достойная всякого уважения обезьяна. Маленькое четверорукое на дереве почувствовало себя таким жалким, несчастным и незначительным. Оно взяло свою голову в ладони рук и попробовало снять ее с шеи. Увы, ничего не выходило. Далеко ей до той большой обезьяны.

В это самое время летчик деятельно принялся за осмотр своей машины. Он подошел к пропеллеру, попробовал его ход и, не подозревая об этом, совершенно уронил себя в глазах наблюдавшей за ним обитательницы тропического леса. У него не было хвоста.

Маленькая обезьянка торжествовала победу.

Возня с машиной отняла гораздо больше времени, чем рассчитывал де Лорм. Когда он спустился на лесную поляну, было еще светло и только чаща леса, в который, может быть, ни разу еще не ступала человеческая нога, пугала темно-зеленым провалом.

Де Лорм не взглянул даже в направлении леса, не интересовался окружающей его природой. Он был занят своим делом и выбивался из сил, стараясь как можно скорее привести аэроплан в состояние, годное для полета. Однако, это было не так-то легко. Приходилось каждый паз, каждое соединение очищать от набившихся песчинок и маленьких камней, причем приходилось делать это одному, без помощи механика.

Время шло. Темно-зеленый провал леса стал еще темнее, сама поляна потонула в колеблющихся сумерках и когда, наконец, все было исправлено, перед де Лормом встала необходимость приготовиться к ночевке, так как лететь ночью над незнакомой ему, да притом еще лесистой местностью он не решался. Он зажег маленький электрический фонарь и, держа его в руке, в последний раз проверил состояние машины. Убедившись, что все в исправности, он намеревался уже влезть на крыло и вздремнуть до рассвета, как вдруг услышал шорох в ветвях одного из деревьев. Прямой и острый луч фонаря осветил маленькую длиннохвостую обезьянку, пугливо нырнувшую под прикрытие тяжелых, странной формы листьев.

Вид испуганного зверька толкнул мысли летчика в новом направлении. Он с невольной дрожью подумал о том, что в чаще леса бродят животные много серьезнее этого безобидного крошечного существа, испугавшегося его электрического фонарика. Невольно он прислушался и до его ушей донеслись тысячи шорохов и странных звуков, до сих пор мало тревоживших его.

Де Лорм был городским жителем и никогда не любил и не знал природы. Ее язык оставался для него чуждым и

непонятным, и сейчас, оставшись один на один с многоголосой тишиной тропической ночи, он невольно поддался чувству странного беспокойства. В его мозгу мелькнули воспоминания о читанных в детстве романах, и он силился вспомнить те случайные уроки географии, которые запечатлелись в его мозгу. Какие чудовища водятся здесь? Какая опасность грозит ему, заброшенному в чащу западно-африканских лесов? Водятся ли здесь тигры, львы, слоны, пантеры? Опасен ли для человека слон и может ли слон вынырнуть из-за густых деревьев, окруживших поляну? Ни на один из этих вопросов он не находил в своей памяти определенного ответа, но инстинктивно чувствовал, что опасность есть, что за каждым деревом таятся хищники и что эти хищники далеко не доброжелательно настроены по отношению к нему и его машине.

Напрягая зрение, обостряя слух, он впился глазами в стену огромных деревьев, дышавших ему в лицо пряными, одуряющими ароматами. Вот какая-то тень мелькнула не вдалеке и скрылась за стволом темно-зеленого гиганта. Вот кто-то крадется, раздвигая хрустящий сухостой. Вот чьи-то глаза желтым светом горят в кустарнике. Вот по ветвям ближе других стоящего к нему дерева ползет что-то продолговатое, внимательное и ловкое. Он не успевает поворачивать голову навстречу мнимым и действительным опасностям, он прижимается к кузову аппарата, стараясь уйти под защиту крыльев, и в его мозгу вырастает сознание того, что враги, привлеченные запахом человека, отлично видят своими кошачьими глазами его, беспомощного, жалкого и слепого, в этой непроглядной тропической ночи. Он перестает владеть собой. Ему хочется бежать, закрыв лицо руками и раздирая сплетающиеся ветви, бежать с диким животным криком о помощи. Он борется с этим желанием, но помимо воли крик срывается с его губ, а рука тянется к револьверу. Еще несколько мгновений пытается он привести в порядок свои нервы и найти какой-нибудь разумный выход, но мысли сбиваются в кучу, как стадо испуганных овец, и летчик де Лорм, выхватив револьвер, пулю

за пулей выпускает навстречу тьме, сопровождая каждый выстрел нечеловеческим криком.

В кустах, неподалеку от аэроплана, припавший к земле ягуар бьет хвостом и, пугливо ежась, роет когтями землю. Маленькая обезьянка на ветвях дерева, парализованная страхом, охватив руками толстую ветку, прижимается к ней своим худеньким телом и вздрагивает при каждом выстреле. Пули врезаются в стволы огромных деревьев, и эхо выстрелов разносится тысячами перекатов в мрачных глубинах леса.

И вслед этому эхо несетя душу раздирающий крик человека, готового сойти с ума от охватившего все его существо страха.

Х

Первым откликнулся Фокс. Его тонкий собачий слух уловил отдаленный крик и звуки выстрелов. Он приподнялся, с трудом удерживая равновесие на круглом суку, и протяжным лаем ответил на долетевшие до его ушей шумы.

Бинги, разбуженный лаем, попробовал успокоить собаку, полагая, что она просто нервничает в непривычной обстановке, но, уловив грохот выстрелов и усевшись на скрепление ветвей, растолкал Виктора. Тот с трудом открыл глаза и недовольно зевнул.

— Стеляют! Стеляют!

Двое людей и собака, в глубине тропического леса, на ветвях огромного дерева, сидели, прислушиваясь к нервной стрельбе, которую стволы деревьев, перебрасывая друг другу, доносили до них.

— Это из револьвера, — сказал наконец Виктор.

— Это стреляет один. Ему никто не отвечает. Он нервничает. Он стреляет без толку, — прибавил Бинги, чуткий слух которого прекрасно разбирался в характере и значении всех звуков, наполнявших природу.

— Это, кажется, недалеко? — попробовал определить расстояние Виктор.

— Нет! — Бинги покачал головой. — Это порядочно.

— Не думаешь ли ты, что нам надо пойти туда? А, Бинги?

— Если ты не боишься! Ночью опасно идти лесом.

— Нас двое и Фокс предупредит всякую опасность. Там один человек и ему, по-видимому, надо помочь. Мы должны пойти, Бинги!

Они очень устали за день непрерывной ходьбы. Виктор чувствовал себя совершенно разбитым, все тело его ломило, как после долгой болезни и странная слабость сковывала движения. Бинги тоже не мог похвастаться хорошим самочувствием. Несколько верст ему пришлось нести на себе бесчувственного Виктора, раньше чем местность позволила остановиться в полной уверенности, что преследователи не настигнут беглеца. На опушке леса негр привел в чувство спасенного им человека и немедленно тронулся дальше, на ходу знакомясь с Виктором и рассказывая ему свою историю. К вечеру оба были вполне осведомлены друг о друге и решили переспать на дереве, чтобы утром подумать, как быть дальше.

И вот во время отдыха звуки далеких выстрелов снова путают их карты. Что означает эта стрельба? Врага или друга встретят они, бросившись на стрельбу? Поможет им эта встреча или помешает? Все эти мысли уступили место одной — там человек борется с какой-то опасностью. Он один и, судя по характеру, стрельбы испуган и растерян. Надо поспешить ему на помощь. Двое людей, только что избегнувших смертельной опасности, не могли долго раздумывать над тем, как поступить. Чувство беспомощности и страха смерти хорошо было знакомо им обоим. На себе они испытали весь ужас одиночества в те минуты, когда помощь и поддержка необходимы более, чем когда бы то ни было. И сознание того, что кто-то нуждается в помощи, совершенно заслонило и чувство усталости, и рискованность ночной прогулки по тропическому лесу.

Первым соскочил на землю Бинги, за ним последовал Виктор. Фокс долго колебался и с визгом ерзал на ветке, не рискуя прыгнуть в тьму, расстилавшуюся у его ног. Виктору пришлось снять его. Пес взволнованно потянул носом, твякнул на какое-то пресмыкающееся, выскользнувшее из-под его ног и побежал рядом с Бинги и Виктором, не рискуя ни отставать, ни вырываться вперед.

Как раз в эту минуту стрельба прекратилась, чтобы после короткого перерыва возобновиться с новой нервностью и неровностью.

— Он переменял обойму, — сказал Виктор, а Бинги остановился, вслушавшись в неверные раскаты эхо, махнул рукой по направлению к востоку и сказал:

— Это там, и это не так далеко, как я думал.

Когда они прошли еще шагов сто, стрельба снова прекратилась и уже более не возобновлялась. Ее нервную трескотню сменил новый звук, ровный и ритмичный, заставивший Виктора подпрыгнуть от изумления.

— Бинги, — вскрикнул он, — или я ничего не понимаю, или... бежим! Бежим, скорее!

Он бросился в чащу, увлекая за собой негра.

XI

Де Лорм выпустил в оскаленную пасть тьмы последнюю обойму, находившуюся у него под рукой. Еще две были запрятаны где-то на дне маленького чемодана, лежавшего в аппарате, но он не в силах был сообразить это. О пулемете, укрепленном на передней части аэроплана, он вспомнил только затем, чтобы убедиться в том, что машина села, очевидно, от набившегося в ее сложный механизм песка. Он с ужасом подумал о смерти в когтях диких обитателей леса и ему казалось, что из-за всех кустов и деревьев, окружающих поляну, сотни блестящих глаз следят за его движениями. В паническом страхе он метнул острым лучом фонарика прямо перед собой и еще ярче ощутил свое полное

бессилие, когда этот слабый поток света исчез в глубокой тьме, вырвав из нее какой-то диковинный куст, усеянный яркими, похожими на огромных пестрых бабочек цветами. На мгновение мелькнула мысль о костре, но необходимость возиться с его устройством испугала авиатора и он оглянулся кругом, ища какого-нибудь выхода из положения. Колеблющийся луч дрожавшего в его руке фонарика осветил передок аэроплана и отразился в блестящей полированной поверхности пропеллера. С решительностью отчаяния летчик бросился к мотору, пустил его в ход и быстро привел в движение искривленные плоскости воздушно-го винта.

Маленькая обезьянка наверху в жизни своей не слышала такого звука. Она знала много страшных ревов и криков. Не раз, прыгая по ветвям, видела она, как огромные, ломавшие молодые деревца слоны сталкивались с ловкими гибкими ягуарами и вступали с ними в бой. Она дрожала от ужаса, наблюдая эти дикие схватки. В ее ушах тысячу громов отдавался предсмертный рев побежденной лесной кошки, бившейся в хоботе огромного толстокожего, и торжествующий крик победителя. Путешествуя по лесной опушке, она слышала, как рычат львы, выходящие на охоту, а в теплые весенние ночи весь лес стонал любовными мелодиями, непередаваемо дикими и противными. Она привыкла ко всем этим звукам и, чувствуя себя в безопасности на ветке дерева, только вздрагивала, когда чье-нибудь страстное томление прорывалось в оглушительном вое, переходившем в протяжное мурлыканье.

Но сегодня она услышала звук, который превосходил все, доселе тревожившие ее уши. Гигантская птица, стоявшая под деревом, закричала так громко и так резко, неожиданно, что бедное животное со страху потеряло равновесие и упало вниз, прямо вовнутрь аэроплана. В испуге обезьянка заметалась, хватаясь лапами за какие-то палки и стальные полосы, и нервно потянула одну из них к себе. Аппарат вздрогнул и вместе с дрожавшим от смертельного страха животным побежал по полянке.

В это самое мгновение огромный ягуар, как разогнутая пружина, прыгнул с высоты толстого сука и сильным толчком своего мускулистого тела подмял под собою не успевшего сообразить, что с ним случилось, летчика. В одно мгновение животное запустило свои когти в грудь жертвы и острыми зубами перекусило ему горло. Потом ловким движением головы вскинуло бездыханное тело к себе на спину и скрылось в лесу.

С другой стороны поляны, навстречу бегущему по земле аэроплану, неслись две человеческие фигуры, под ногами которых, с визгом и лаем, кувыркался маленький Фокс.

— Держи его! — кричал Виктор, совершенно пораженный странным обстоятельством. Аппарат, без пилота, в глущине тропического леса. Такое событие могло привести в оцепенение самого спокойного человека, но Виктору некогда было разбираться в деталях раскрывшейся перед ним картины. Он весь был занят стремлением задержать аппарат, с бешеной быстротой мчавшийся навстречу деревьям и неминуемой катастрофе.

— Бинги! Хвост! Хвост! Бинги! — кричал он, забегая сбоку и вскакивая внутрь аппарата.

Негр сообразил, в чем дело и, упираясь ногами в землю, старался крепче держать хвост аппарата, который волочил за собой напрягавшего мускулы человека. Виктор с удивлением увидел, как спутнутая им обезьяна выскочила с жалобным визгом и бросилась к деревьям. Он ровно ничего не понимал и, машинально нащупав рычаги, остановил машину. Несколько мгновений аэроплан еще катился вперед, увлекая за собой Бинги и Фокса, вцепившегося в передник своего чернокожего приятеля. Наконец, движение ослабло и, повинувшись усилиям людей, стальная птица замерла в нескольких шагах от огромного дерева.

Виктор и Бинги долго соображали — в чем, собственно говоря, дело. Складывая в одну все подмеченное ими: выстрелы, обезьяну, сидевшую в аппарате, лужу крови и кусок какой-то ткани вместе с не остывшим еще мясом, обнаруженным Фоксом у того места, откуда, судя по направлению примятой травы, отъехал задержанный ими аэроплан,

они пришли к выводу, что искать летчика совершенно напрасно и что аппарат принадлежит им по праву преемственности.

С первым их выводом было согласно и французское правительство: через неделю после описанного события, во всех газетах Парижа можно было прочесть объявление о том, что военное министерство с прискорбием сообщает о гибели летчика де Лорма, последовавшей во время перелета из Парижа в колонии. Со вторым — французское правительство вряд ли согласилось бы, если бы только господа из министерства могли видеть, как на рассвете одного из тропических дней негр, белый и Фокс поднялись на аэроплане французского военного ведомства над деревьями девственного леса и понеслись на восток, пересекая наиболее малонаселенную часть Африки...

— Надо постараться, чтобы поменьше глаз следили за нами, — сказал Виктор, с тревогой думая, не разучился ли он управлять машиной за последние несколько месяцев.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.